

№1 (33), 2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Входит в Перечень ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал открытого доступа
Плата за публикацию с авторов не взимается

5.4 Социология

5.4.4 Социальная структура,
социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

5.3 Психология

5.3.3 Психология труда, инженерная
психология, когнитивная эргономика

5.8 Педагогика

5.8.7 Методология и технология
профессионального образования

Свидетельство о регистрации Эл №ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

ISSN (On-line): 2500-4204

www.sgtjournal.ru

Научный журнал
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
№ 1 (33), 2025
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»,

г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор

Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент

Гусева И.И., доктор философских наук, профессор

Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор

Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор

Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент

Когтева Е.В., кандидат социологических наук

Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент

Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор

Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент

Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент

Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор

Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор

Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор

Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент

Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор

Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор

Ткалич М.А., кандидат социологических наук

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor

Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor

Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor

Guseva I.I., Doctor of Philosophy, Professor

Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor

Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor

Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor

Kogteva E.V., PhD {Sociology}

Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor

Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor

Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor

Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor

Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor

Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor

Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor

Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor

Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor

Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor

Tkalich M.A., PhD {Sociology}

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.

Когтева У.А.

25.03.2025 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgt@ut-mo.ru

www.sgtjournal.ru

© Технологический университет

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ	3
Акимова М.В., Кирилина Т.Ю. Социальная мобильность глазами российской молодежи	3
Иванова И.А., Туркулец А.В. Концептуальные основания и типология девиантного поведения мигрантов: подходы к классификации и оценке девиантного потенциала.....	14
Ларионов А.Э. Социальная модель СССР как фактор победы в Великой Отечественной Войне	24
Чубий М.В. Профили распределения рабочего времени преподавателей высшей школы	31
5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	39
Кирилина Е.А. Современные подходы к решению проблем повседневной жизни в агломерации: социолого-управленческий аспект.....	39
Киритив А.М. Мониторинг региональной молодежной политики в социологии управления ...	47
Костюк И.В., Кирилина Т.Ю. Барьеры при внедрении недирективных методов в систему управления органов власти РФ и госорганизаций.....	54
5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА.....	66
Альская Е.В. Гендерные различия в проявлениях деструктивного поведения в профессиональной среде в условиях кризиса.....	66
Алексеев Д.Е., Алексеева Д.В. Особенности системы убеждений при тревоге у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по разным специальностям.....	75
Михно О.С. Сравнительный анализ особенностей межличностных отношений в коллективе как условия удовлетворенности трудом преподавателей вуза при разных формах трудовой занятости (очной и удаленной).....	86
5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	93
Морозова Н.К., Богатырева С.Н. Изучение идиоматических конструкций в контексте развития межкультурной компетенции будущего преподавателя иностранного языка	93
Чаленко В.А., Богатырева С.Н. Вестернизация языкового сознания обучающихся как результат взаимодействия языков и культур в эпоху глобализации	104
Кюрегян М.П. Письменная речь: ручка или компьютер	111

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316

ОБ АВТОРАХ:

Акимова Мария Николаевна,
лаборант Отдела организации набора,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования "Национальный
исследовательский университет "МЭИ", Москва,
Россия

Кирилина Татьяна Юрьевна,
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры философии, политологии,
социологии им.Г.С. Арефьевой, Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
"Национальный исследовательский университет
"МЭИ", Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Akimova Maria N.,
Laboratory Assistant, Recruitment Organization
Department, National Research University
"Moscow Power Engineering Institute", Moscow,
Russia

Kirilina Tatyana Yu.,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Political Science and Sociology, National
Research University "Moscow Power Engineering
Institute", Moscow, Russia

Акимова М.В., Кирилина Т.Ю.

Социальная мобильность глазами российской молодежи

В статье анализируются представления современной российской молодежи о социальной мобильности и возможностях повышения социального статуса с помощью различных социальных лифтов.

Приводятся результаты социологического исследования, прошедшего в форме онлайн опроса, с участием 462 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет.

Более трех четвертей участников опроса хотели бы повысить свой социальный статус. Подавляющее большинство респондентов полагают, что преуспеть в современном российском обществе только благодаря своим способностям можно в первую очередь в науке, образовании и спорте. Наиболее действенными социальными лифтами являются профессиональный рост и успешный брак.

Почти две трети участников опроса важнейшим препятствием, стоящим на пути достижения жизненного успеха, назвали недостаток денег. Более половины отметили нехватку связей и знакомств. Около половины полагают, что у них недостаточный уровень квалификации, профессиональной подготовки и образования. Поэтому не удивительно, что подавляющее большинство респондентов планируют и дальше повышать уровень своего образования.

Ключевые слова: Социальная мобильность, восходящая вертикальная мобильность, социальные лифты, молодежь.

Для цитирования: Акимова М.В., Кирилина Т.Ю. Социальная мобильность глазами российской молодежи // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 3-13.

SOCIAL MOBILITY THROUGH THE EYES OF RUSSIAN YOUTH

Akimova M.N., Kirilina T.Yu.

The article analyzes the idea of modern Russian youth about social mobility and the possibilities of increasing hard impact with the help of various social elevators.

The results of a sociological study conducted in the form of an online survey with the participation of 462 respondents aged 14 to 35 years are presented. More than three quarters of survey participants would like to improve their social status. The overwhelming majority of survey participants believe that one can succeed in modern Russian society only thanks to one's abilities, primarily in science, education and sports. The most effective social elevators are professional growth and successful marriage.

Almost two-thirds of survey participants named lack of money as the most important obstacle standing in the way of achieving success in life. More than half noted a lack of connections and acquaintances. About half believe that they have an insufficient level of professional training and education.

Therefore, it is not surprising that the vast majority of survey participants plan to further improve their level of education.

Keywords: Social mobility, upward vertical mobility, social elevators, youth.

For citation: Akimova M.N., Kirilina T.Yu. Social mobility through the eyes of Russian youth. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 3-13. (In Russ.)

Периоды социальных трансформаций, как правило, сопровождаются обострением социальной дифференциации, усилением социальной мобильности, как восходящей, так и нисходящей. Особенно актуальна возможность восходящей социальной мобильности для молодежи, начинающей свой профессиональный путь и реализацию жизненных планов.

Именно для молодого поколения в первую очередь характерно пренебрежение риском, открытость к инновациям, лёгкость на подъем. Все это в эпоху перемен предоставляет молодым людям дополнительные шансы на восходящую вертикальную мобильность.

Феномен социальной мобильности многообразен. Молодость – сложный и противоречивый этап жизни человека. Это время выбора профессии, поиска своего места в жизни, формирования мировоззрения и устойчивых жизненных ценностей, выбора спутника жизни и создания семьи, достижения экономической самостоятельности и формирования социально ответственного поведения. Именно в силу этих факторов рассматриваемой социальной группе проще перемещаться между слоями общества.

Современное общество крайне подвержено видоизменениям и мобильности. В настоящее время структура общества не предполагает четко установленный характер функционирования. В связи с этим перемещаться из одного социального слоя в другой стало гораздо проще, ведь современное общество считается обществом открытого типа.

Питирим Александрович Сорокин в своём труде «Социальная мобильность» (1927) определял социальную мобильность как любое перемещение индивидуального или социального объекта – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое [2]. Изменение статуса на более высокий или низкий характеризуется как вертикальная мобильность, переход к другому уровню с сохранением статуса называют горизонтальной мобильностью.

В издании «Социология. Энциклопедический словарь» социальная мобильность трактуется как «динамика горизонтальных и вертикальных перемещений индивида внутри социальной системы» [1, с. 121].

Социальный лифт – это механизм общества или социальный институт, с помощью которого индивид может переместиться из одного социального слоя в другой, иными словами, изменить свой социальный статус. Социальные лифты способствуют продвижению людей в обществе. Зачастую, речь идет о восходящем движении — к более высокому социальному статусу.

Питирим Сорокин выделял восемь лифтов вертикальной мобильности: армию; церковь и религиозные организации; школу, образование и науку; политику: правительственные группы, политические партии; искусство, шоу-бизнес и спорт; СМИ: прессу, телевидение, радио; экономические организации: собственность, бизнес; семью и брак. В настоящее время существует огромное количество социальных лифтов, которые так или иначе смогут изменить социальный статус индивида.

На процесс социальной мобильности существенное влияние оказывают общественные, экономические и технологические изменения: одни социальные лифты становятся неэффективными, им на смену приходят новые.

Изучение социальной мобильности не теряет своей актуальности. В декабре 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты мониторингового опроса россиян об эффективности социальных лифтов в нашей стране. Согласно результатам социологического опроса, такие социальные лифты, как спорт, наука и образование, а также военная служба считаются самым надежными и действенными в долгосрочной перспективе. Респонденты придерживаются такого мнения в силу достаточно простого и понятного механизма подъема по социальной лестнице. Такими являются обыкновенная конкуренция, объективные результаты (например, новые рекорды в спортивной деятельности или же открытия в науке) или же четко выстроенная иерархическая система, как на военной службе.

Некоторые социальные лифты становятся более надежными. Так, например, бизнес, как социальный лифт стал вызывать больше доверия у респондентов. Это связано с усиленной поддержкой малого и начинающего бизнеса от государства.

С целью изучения социальной мобильности российской молодежи нами было проведено социологическое исследование, проходившее в форме онлайн опроса, с участием 462 респондентов. Респонденты мужского пола составили 51,5%, женского – 48,5%. Подавляющее большинство участников опроса (86,1%) – студенты и учащиеся. Почти две трети респондентов (64,3%) проживают в мегаполисах. Каждый шестой (15,2%) являются жителями городов с численностью от 100 тысяч до 500 тысяч человек, 13% – жителями городов с численностью от 500 тысяч до 1 млн человек. В малых городах и поселках городского типа проживают 5,2%, в селе или деревне – 1,5% респондентов (табл.1)

Таблица 1. Место проживания респондентов
(в % от общего числа респондентов)

Место проживания респондентов	%
Мегаполис (город с численностью жителей миллион и более человек)	64,3
Город с численностью от 100 тысяч до 500 тысяч человек	15,2
Город с численностью от 500 тысяч до 1 млн человек	13,0
Город с численностью менее 100 тысяч человек и поселки городского типа	5,2
Село, деревня	1,5
Другое	0,9

В рамках данного исследования важно было выявить, что является наиболее характерным фактором мобильности современной российской молодежи. Так как подавляющее большинство участников опроса (86,1 %) являются обучающимися, то вполне ожидаемо, что важнейшим каналом социальной мобильности выступает социальный институт образования. Почти три четверти участников опроса (70,8%) отметили, что за последние годы сменили учебное заведение на более высокую ступень. Каждый шестой респондент (16,7 %) смог устроиться на более хорошую работу. Каждый седьмой (14,5 %) отметил, что у него произошел карьерный рост. Вступили в общественную организацию 11,3% участников опроса, в политическую партию – 1,9%. Прошли службу в армии 1,7% опрошенных (рис.1).

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: Произошли ли в Вашей жизни за последние не сколько лет изменения в социальном статусе?
(можно выбрать любое число вариантов ответа) (в %)

Исследование продемонстрировало, что самыми мобильными оказались респонденты, оценивающие наиболее высоко свое финансовое положение (вариант ответа «Мы можем

позволить себе дорогостоящие вещи (автомобиль, квартиру)» на вопрос: К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?). Для представителей наиболее богатой социальной группы самыми «рабочими» социальными лифтами являются образование (77,8%), армия (5,6%), вступление в политическую партию (5,6%) или в общественную организацию (33,3%). Наряду с этим такой канал социальной мобильности как «карьера» наиболее характерен для обеспеченных (вариант ответа «Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования является проблемой» на вопрос: К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?) и зажиточных респондентов (вариант ответа «Мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, но приобретение дорогих вещей вызывает затруднение» на вопрос: К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?) (15,7%) (табл.2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: Произошли ли в Вашей жизни за последние не сколько лет изменения в социальном статусе? (можно выбрать любое число вариантов ответа)

(в % от респондентов разного финансового положения)

	На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования является проблемой	Мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, но приобретение дорогих вещей вызывает затруднение	Мы можем позволить себе дорогостоящие вещи (автомобиль, квартиру)	Затрудняюсь ответить
Смена учебного заведения на более высокую ступень	75,4	69,3	67,7	77,8	87,1
Устройство на более хорошую работу	8,8	20,5	17,0	27,8	6,5
Карьерный рост	14,0	15,7	15,7	11,1	3,2
Вступление в политическую партию	0,0	2,4	2,2	5,6	0
Служба в армии	1,8	1,6	1,7	5,6	0
Вступление в общественную организацию	17,5	12,6	8,3	33,3	3,2
Ничего из вышеперечисленного	12,3	19,7	16,6	0	6,5

Исследование не выявило существенных различий между мужчинами и женщинами, в отношении различных социальных лифтов. Хотя устройство на более хорошую работу и карьерный рост оказались характерны в первую очередь для респондентов мужского пола (18,5 % и 14,7 %; 15,1 % и 13,8 % соответственно) (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Произошли ли в Вашей жизни за последние не сколько лет изменения в социальном статусе?

(можно выбрать любое число вариантов ответа) (в % от респондентов разного пола)

Показатели	Мужской	Женский
Смена учебного заведения на более высокую ступень	72,3	69,2
Устройство на более хорошую работу	18,5	14,7
Карьерный рост	15,1	13,8

Вступление в политическую партию	1,7	2,2
Служба в армии	2,9	0,4
Вступление в общественную организацию	10,5	12,1
Ничего из вышеперечисленного	15,1	16,1

Одной из задач данного исследования было изучение самооценки респондентами своего социального статуса. Более четверти участников опроса (26,6 %) оценили свое положение в обществе на 7 баллов по 10-ти балльной шкале. Каждый пятый (19,5 %) – оценил на 6 баллов, а каждый шестой – на 5 баллов. Максимально высоко свое социальное положение (10 баллов по 10-ти балльной шкале) оценили 7,1% участников опроса. Максимально низко (1 балл по 10-ти балльной шкале) – 1,1% респондентов. Таким образом, более половины респондентов (51,9%) оценили свое социальное положение как выше среднего (7-10 баллов), более трети (35,3%) – как среднее и 12,8% – ниже среднего (1-4 балла) (рис 2).

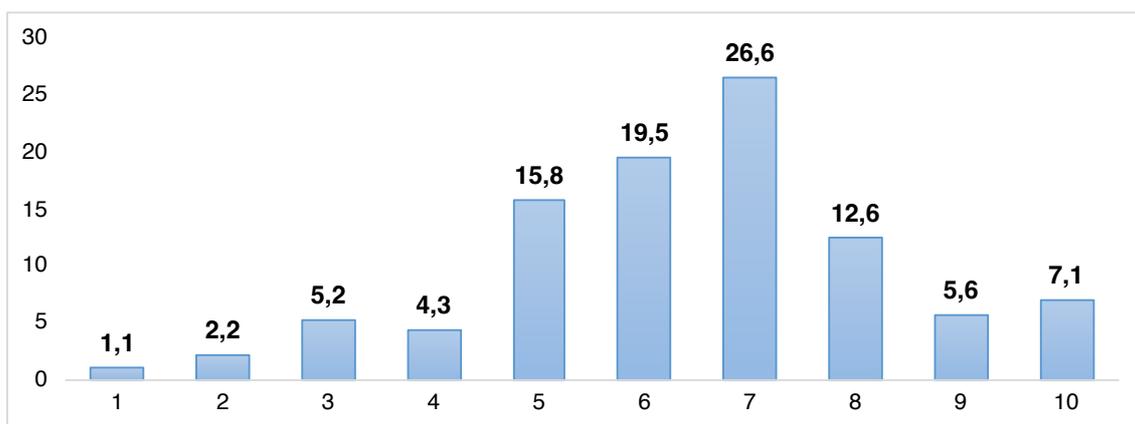

Рисунок 2. Самооценка респондентами своего положения в обществе по 10-ти балльной шкале (где 1-низкое, 10-высокое)
(в % от общего числа респондентов)

Исследования продемонстрировало, что более трех четвертей участников опроса (77,1%) хотели бы повысить свой социальный статус. Только 6,9% респондентов вполне удовлетворены своим социальным положением (рис. 3).

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Хотели бы Вы повысить свой социальный статус?
(в % от общего числа респондентов)

Рассуждая о возможности повысить свой социальный статус, молодые респонденты наибольшие надежды возлагают на профессиональный и карьерный рост. На это указали почти три четверти участников вопроса (73,6%). Более четверти опрошенных (29%) полагают, что смена рода профессия может способствовать повышению социального статуса. Каждый пятый (19,9%) – рассчитывает на повышение статуса благодаря удачному браку (рис. 4).

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: Что, по Вашему мнению, поможет Вам изменить социальный статус?
(можно выбрать любое число вариантов ответа)

Следует отметить, что респонденты женского пола более нацелены на смену профессии, чем респонденты мужского пола (32,1% и 26,1% соответственно).

Каждый пятый опрошенный (19,9%) в качестве возможности повысить свой статус рассматривает институт брака. Респонденты женского пола, как и в предыдущем случае, возлагают на удачный брак несколько большие надежды, чем респонденты мужского пола (23,7% и 16,4% соответственно) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: Что, по Вашему мнению, поможет Вам изменить социальный статус?

(можно выбрать любое число вариантов ответа) (в % от респондентов разного пола)

Показатели	Мужской	Женский
Смена учебного заведения на более высокую ступень	13,4	12,9
Смена рода деятельности (профессия)	26,1	32,1
Вступление в политическую партию	7,1	4,9
Карьерный рост	72,7	74,6
Вступление в брак	16,4	23,7
Служба в армии	6,3	2,2
Вступление в религиозную организацию	2,1 %	1,8
Вступление в общественную организацию	11,8	13,4
Профессиональный рост	73,9	73,2
Другое	10,1	7,1

Исследование продемонстрировало, что молодежь ориентирована на продолжение своего образования. Как было указано выше, почти три четверти участников опроса (70,8%) за последние годы уже сменили учебное заведение на более высокую ступень. Подавляющее большинство участников опроса (84,6%) планируют и дальше повышать уровень своего образования (табл.5).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: Собираетесь ли Вы повысить уровень своего образования?*(в % от общего числа респондентов)*

Показатели	%
Да	84,6
Нет	3,9
Затрудняюсь ответить	11,5
Всего	100,0

Продолжить свое образование планируют подавляющее большинство респондентов мужского и женского пола (83,6% и 85,7% соответственно). Как положительный, следует отметить тот факт, что продолжить образование хотят респонденты всех уровней образования от среднего (85,4%) до имеющих ученую степень (80%) (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: Собираетесь ли Вы повысить уровень своего образования?*(в % от общего респондентов разного уровня образования)*

	Полное среднее (школа)	Среднее профессиональное	Высшее	Ученая степень	Всего
Да	85,4	84,9	83,3	80,0	84,6
Нет	2,3	3,8	6,3	20,0	3,9
Затрудняюсь ответить	12,3	11,3	10,4		11,5

Одной из задач нашего исследования было изучения мнения респондентов о возможности добиться высокого положения в различных сферах деятельности только благодаря своим способностям.

Подавляющее большинство участников вопроса полагают, что преуспеть только благодаря своим способностям можно в науке, образовании (89,6%) и в спорте (89,6%) (сумма ответов «Может» и «Скорее может» на вопрос: По Вашему мнению, в нашей стране человек может сам благодаря только своим способностям преуспеть, добиться высокого положения в различных сферах деятельности). Более трех четвертей участников опроса убеждены, что самостоятельно можно добиться успеха в предпринимательстве (78,7%). Около трёх четвертей – в военной службе (73,4%), а также в сфере культуры, искусства, шоу бизнеса (70,8%). Менее двух пятых молодых респондентов (39,7%) считают, что в нашей стране человек может благодаря своим способностям преуспеть в политике (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: По Вашему мнению, в нашей стране человек может сам, благодаря только своим способностям преуспеть, добиться высокого положения в различных сферах деятельности*(в % по столбцу)*

По Вашему мнению, в нашей стране человек может сам, благодаря только своим способностям преуспеть, добиться высокого положения в сфере	Предпринимательство	Политика	Науки и образование	Культура, искусство, шоу-бизнес	Спорт	Военная служба
Может	34,8	15,2	56,5	36,6	63,4	40,7
Скорее может	43,9	24,5	33,1	34,2	26,2	32,7

Скорее не может	12,8	31,8	6,1	19,5	7,1	12,1
Не может	2,8	18,4	1,3	5,4	1,1	3,0
Затрудняюсь ответить	5,6	10,2	3,0	4,3	2,2	11,5
Всего	100,0	100	100,0	100,0	100,0	100,0

Если в закрытых типах общества восходящая вертикальная мобильность полностью отсутствует или крайне затруднена, то в открытых типах общества, для которых характерна вертикальная социальная мобильность, существуют определенные барьеры, препятствующие массовой вертикальной мобильности. Это могут быть такие факторы, как бедность, отсутствие доступа к образованию, дискриминация, неравенство и др.

Бедность является значительным препятствием для социальной мобильности, поскольку она ограничивает доступ к ресурсам и возможностям. Проведенное нами исследование во многом подтвердило данный тезис. Почти две трети участников опроса важнейшим препятствием, стоящим на пути достижения жизненного успеха, назвали недостаток денег (64,1%). Более половины участников опроса отметили нехватку связей и знакомств (54,8%). Около половины полагают, что им может помешать недостаточный уровень квалификации, профессиональной подготовки (44,6%) и образования (41,6%). Более трети респондентов убеждены, что для жизненного успеха им недостаёт таких личных качеств, как амбиции, целеустремленность, трудолюбие и коммуникабельность (39,4%). Каждому четвертому не хватает хорошей работы (24%). Каждый десятый считает, что для того, чтобы добиться более высокого положения в обществе ему не достаёт определенного социального происхождения (например, статус родителей) (10,4%) (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: Скажите, чего Вам лично не хватает сейчас, чтобы преуспеть в жизни, добиться более высокого положения в обществе?

(укажите не более 3-х ответов) (в%)

Показатели	%
Материальной обеспеченности, денег	64,1
Связей, знакомств	54,8
Квалификации, профессиональной подготовки	44,6
Образования	41,6
Личных качеств (амбиции, целеустремленность, трудолюбие, коммуникабельность и т.д.)	39,4
Работы	24,0
Определенного социального происхождения (например, статус родителей)	10,4
Смены места жительства (переезд в другой город или страну)	9,5
Удачного брака	8,2
Здоровья, молодости	5,2
Другое	3,5
Меня все устраивает, не стремлюсь к большему (из другого) / 2 желания	3,2
Затрудняюсь ответить	2,6
Я уже преуспел, добился высокого положения в обществе	1,5
Определенной национальной принадлежности	0,4

Исследование продемонстрировало, что с увеличением возраста снижается процент

респондентов, для которых нехватка денег является помехой для достижения жизненного успеха. Так, если в возрастной группе 14-20 лет две трети участников опроса (66,5%) указали на недостаток материального обеспечения для достижения жизненных целей, то в группе 21-28 лет таких оказалось немного больше половины (58,3%), а среди 29-35 летних – чуть более трети (36,4%). Тенденцию на снижение с возрастом значимости материальной составляющей можно наблюдать с и нехваткой связей и знакомств (58,0%; 44,8%;36,4%). Вполне закономерно, что с возрастом люди начинают больше зарабатывать и увеличивают свой социальный капитал.

Вызывает интерес тот факт, что с возрастом молодые люди все острее ощущают недостаток определенного социального происхождения при желании добиться более высокого положения в обществе. Если среди респондентов 14-20 лет менее десятой части указали на нехватку определенного социального происхождения (9,6%), то среди 21-26 летних таких было 10,4%, а в возрастной группе 29-35 лет – уже более трети (36,4%) (табл. 9).

Таблица 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: Скажите, чего Вам лично не хватает сейчас, чтобы преуспеть в жизни, добиться более высокого положения в обществе? (укажите не более 3-х ответов)
(в % от общего респондентов разного возраста)

Показатели	14 – 20 лет	21 – 28 лет	29 – 35 лет
Материальной обеспеченности, денег	66,5	58,3	36,4
Связей, знакомств	58,0	44,8	36,4
Личных качеств (амбиции, целеустремленность, трудолюбие, коммуникабельность и т.д.)	39,7	36,5	54,5
Смены места жительства (переезд в другой город или страну)	10,1	6,3	18,2
Образования	47,0	24,0	18,2
Определенного социального происхождения (например, статус родителей)	9,6	10,4	36,4
Квалификации, профессиональной подготовки	44,8	44,8	36,4
Удачного брака	9,0	5,2	9,1
Здоровья, молодости	5,4	2,1	27,3
Работы	27,6	13,5	0,0
Определенной национальной принадлежности	0,6	0,0	0,0
Меня все устраивает, не стремлюсь к большему (из другого) / 2 желания	2,8	5,2	0,0
Я уже преуспел, добился высокого положения в обществе	1,4	1,0	9,1
Другое	3,4	4,2	0,0
Затрудняюсь ответить	2,3	4,2	0,0

Сравнительный анализ мнений респондентов разного пола о том, что им не хватает для достижения жизненного успеха продемонстрировал, что респонденты женского пола испытывают большую нехватку денег и определенного социального происхождения. В то время как респонденты мужского пола больше нуждаются в квалификации, хорошей работе, смене места жительства и удачном браке (табл. 10).

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: Скажите, чего Вам лично не хватает сейчас, чтобы преуспеть в жизни, добиться более высокого положения в обществе? (укажите не более 3-х ответов)
(в % от общего респондентов разного пола)

Показатели	Мужской	Женский
Материальной обеспеченности, денег	60,9	67,4
Связей, знакомств	55,0	54,5
Личных качеств (амбиции, целеустремленность, трудолюбие, коммуникабельность и т.д.)	39,9	38,8
Смены места жительства (переезд в другой город или страну)	11,3	7,6
Образования	42,9	40,2
Определенного социального происхождения (например, статус родителей)	8,8	12,1
Квалификации, профессиональной подготовки	46,2	42,9
Удачного брака	9,7	6,7
Здоровья, молодости	7,6	2,7
Работы	28,6	19,2
Определенной национальной принадлежности	0,8	0,0
Меня все устраивает, не стремлюсь к большему (из другого) / 2 желания	2,5	4,0
Я уже преуспел, добился высокого положения в обществе	1,3	1,8
Другое	5,5	1,3
Затрудняюсь ответить	2,5	2,7

Одной из задач данного исследования было составление шкалы профессионального престижа (табл. 11). Наиболее престижной профессией среди молодых респондентов оказалась профессия врача (8,74 балла по 10-ти балльной шкале). На втором месте оказался IT-специалист (8,55 балла), на третьем месте – инженер (8,14 баллов), на четвертом месте – энергетик (7,68 баллов). Далее идут – юрист (7,49 баллов), госслужащий и военный (7,41 балла), преподаватель (7,04 балла). Завершает шкалу блогер (5,1 балла)

Таблица 11. Шкала профессионального престижа
(где 1 - низкий престиж, 10 - высокий престиж)

	Профессия	Среднее значение в баллах
1	Врач	8,74
2	IT-специалист	8,55
3	Инженер	8,14
4	Энергетик	7,68
5	Юрист	7,49
6	Госслужащий	7,41
7	Военный	7,41
8	Преподаватель	7,04
9	Экономист	6,99
10	Логист	6,66
11	Дизайнер	6,54

12	Менеджер	6,03
13	Социолог	5,91
14	Блогер	5,1

Выводы:

Более половины респондентов оценили свое социальное положение выше среднего, более трети – как среднее и более десятой части – ниже среднего. Исследование продемонстрировало, что только 6,9% респондентов вполне удовлетворены своим социальным положением. Более трех четвертей участников опроса хотели бы повысить свой социальный статус. Наиболее действенными социальными лифтами, позволяющими повысить социальный статус, по мнению респондентов, являются профессиональный рост и успешный брак.

подавляющее большинство участников опроса полагают, что преуспеть в современном российском обществе только благодаря своим способностям, можно в первую очередь в науке, образовании и спорте.

Почти две трети участников опроса важнейшим препятствием, стоящим на пути достижения жизненного успеха, назвали недостаток денег. Более половины отметили нехватку связей и знакомств. Около половины полагают, что у них недостаточный уровень квалификации профессиональной подготовки и образования. Поэтому не удивительно, что подавляющее большинство участников опроса планируют и дальше повышать уровень своего образования.

Более трети респондентов убеждены, что для жизненного успеха им недостаёт таких личных качеств, как амбиции, целеустремленность, трудолюбие и коммуникабельность. С возрастом молодые люди все острее ощущают нехватку определенного социального происхождения при желании добиться более высокого положения в обществе.

Для достижения жизненного успеха респондентам женского пола больше не хватает денег и определенного социального происхождения. В то время как респондентам мужского пола - квалификации, хорошей работы и удачного брака.

Шкалу профессионального престижа возглавили такие профессии как врач, IT-специалист, инженер, энергетик и юрист. Завершает шкалу блогер.

Литература:

1. Бачинин В.А. Социология. Энциклопедический словарь . СПб.:Изд-во Михайлова В.А., 2005.- С. 121
2. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. – Москва : Academia, LVS, 2005. – XX, 588 с.
3. Социальные лифты в России: вам наверх? Сайт ВЦИОМ [электронный ресурс] . URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-lifty-v-rossii-vam-naverkh> (дата обращения 01.03.2025)

ОБ АВТОРАХ:

Иванова Ирина Александровна, аспирант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия.

Туркулец Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Ivanova Irina A., graduate student, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Turkulets Alexey V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of "Criminal Law Disciplines", Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Иванова И.А., Туркулец А.В.

Концептуальные основания и типология девиантного поведения мигрантов: подходы к классификации и оценке девиантного потенциала

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы анализа девиантного поведения мигрантов, опираясь на концепцию девиантологии В.Д. Менделевича и теорию аккультурации Дж. У. Берри. Введены авторские определения понятий «миграционная девиантность» и «девиантный потенциал мигранта», обоснована необходимость их включения в исследовательский дискурс. Разработана классификация миграционной девиантности, позволяющая выделить ключевые детерминанты отклоняющегося поведения мигрантов. Также представлен коэффициент «девиантного потенциала мигранта», который может быть использован в аналитических и прикладных целях для оценки рисков девиантного поведения.

Ключевые слова: миграция, девиантный потенциал, коэффициент девиантного потенциала.

Для цитирования: Иванова И.А., Туркулец А.В. Концептуальные основания и типология девиантного поведения мигрантов: подходы к классификации и оценке девиантного потенциала // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 14-23.

CONCEPTUAL BASES AND TYPOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR OF MIGRANTS: APPROACHES TO CLASSIFICATION AND ASSESSMENT OF DEVIANT POTENTIAL

Ivanova I.A., Turkulets A.V.

The article examines the theoretical and methodological foundations of the analysis of migrants' deviant behavior, based on V.D. Mendeleevich's concept of deviantology and J.W. Berry's theory of acculturation. The author introduces the concepts of "migration deviance" and "deviant potential of a migrant", and substantiates the need to include them in the research discourse. A classification of migration deviance has been developed, which makes it possible to identify the key determinants of migrants' deviant behavior. The coefficient of "deviant potential of a migrant" is also presented, which can be used for analytical and applied purposes to assess the risks of deviant behavior.

Keywords: migration, deviant potential, deviant potential coefficient.

For citation: Ivanova I.A., Turkulets A.V. Conceptual bases and typology of deviant behavior of migrants: approaches to classification and assessment of deviant potential. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 14-23. (In Russ.)

Миграционные процессы представляют собой один из важнейших факторов социальной динамики современного общества, порождая широкий спектр адаптационных стратегий и сопутствующих девиаций. Исследование девиантного поведения мигрантов приобретает особую значимость в связи с ростом международных миграционных потоков, усложнением механизмов социальной интеграции и усилением общественного запроса на регулирование миграционных рисков.

Несмотря на обширную литературу по вопросам социальной адаптации мигрантов, концепция миграционной девиантности остается недостаточно разработанной. В частности, отсутствует унифицированное определение данного явления, не разработаны четкие критерии его классификации и оценки. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел, предлагая авторскую типологию миграционной девиантности, основанную на причинных факторах, а также структурную классификацию девиантного поведения мигрантов, основанную на теории аккультурации Дж. У. Берри.

Дополнительно в работе вводится понятие «девиантного потенциала мигранта» и разрабатывается коэффициент его измерения. Этот инструмент позволяет оценивать предрасположенность мигранта к отклоняющемуся поведению, что может быть полезно как в научных исследованиях, так и в практических задачах миграционной политики.

Опираясь на концептуальные подходы В.Д. Менделевича, сформулировано авторское определение понятия «миграционная девиантность». Анализ теоретических разработок в области девиантологии позволил обосновать и ввести в научный дискурс термин «девиантный потенциал», а также разработать классификацию миграционной девиантности на основе причинно-следственного критерия.

Согласно определению В.Д. Менделевича, девиантное поведение представляет собой систему поступков или отдельных действий, противоречащих социальным нормам, проявляющихся в дисбалансе психических процессов, неадаптивности, нарушении самоактуализации и отклонении от нравственного и эстетического самоконтроля [1, с.14].

Под «миграционной девиантностью» предлагается понимать совокупность поступков и социальных практик, не соответствующих нормам принимающего общества, обусловленных недостаточной адаптацией мигранта к новой социокультурной среде. Этот феномен отражает отклонения в поведении, возникающие вследствие непройденных адаптационных этапов, что затрудняет интеграцию мигранта и приводит к конфликту с установленными правилами и ценностями принимающего общества.

Девиантное поведение мигрантов проявляется в ценностной (аксиологической) несбалансированности мировоззренческих приоритетов, несоответствии накопленного социального, культурного и профессионального опыта требованиям новой среды, а также в деструктивных изменениях процесса личностной самоактуализации.

«Миграционная девиантность» охватывает широкий спектр отклоняющихся форм поведения, возникающих в процессе миграции и адаптации. Она может выражаться как на индивидуальном, так и на групповом уровне, затрагивая правовые, культурные и социальные нормы. Данный феномен обусловлен различиями в уровне интеграции мигрантов, культурными барьерами, социально-экономическим статусом и степенью принятия их в принимающем обществе.

Теория аккультурации Дж. У. Берри послужила концептуальной основой для разработки структурной классификации типов миграционной девиантности, объясняя процессы адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. Согласно Берри, аккультурация представляет собой двусторонний процесс, затрагивающий как самих мигрантов, так и принимающее общество [2, с.5-34].

Ключевыми компонентами теории являются четыре стратегии аккультурации, формирующиеся на основе двух факторов:

1. Степень сохранения собственной культуры – в какой мере индивид или группа стремятся сохранить свою культурную идентичность.
2. Уровень взаимодействия с новой культурой – насколько важна адаптация и интеграция в принимающее общество.

На основе этих параметров Дж. У. Берри выделяет четыре стратегии:

1. Интеграция – сочетание сохранения собственной культуры с активным участием в жизни принимающего общества. Считается наиболее эффективной стратегией, поскольку способствует балансу между культурной самобытностью и адаптацией.
2. Ассимиляция – отказ от прежней культурной идентичности в пользу полной адаптации к новой культуре, что может приводить к потере корней и культурной самобытности.
3. Сепарация – стремление сохранить свою культуру при минимальном взаимодействии с принимающим обществом, что ведет к культурной изоляции в новой среде.

4. Маргинализация – отсутствие идентификации как с собственной, так и с принимающей культурой, часто сопровождающееся внутренним конфликтом и социальным отчуждением.

Выбор аккультурационной стратегии зависит от ряда факторов, включая:

- Индивидуальные особенности (ценностные ориентации, уровень идентичности);
- Социальную поддержку (семья, друзья, диаспоральные связи);
- Культурные установки общества (уровень толерантности к мигрантам, политика мультикультурализма);
- Социально-политические условия (государственная миграционная политика, доступность социальных программ).

Таким образом, теоретические положения Дж. У. Берри позволяют структурировать классификацию миграционной девиантности, выявляя ее взаимосвязь с процессами адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе. Успешность протекания процесса аккультурации определяется взаимным принятием стратегий, как со стороны мигранта, так и со стороны принимающего общества. Наиболее благоприятные адаптационные результаты достигаются при интеграции, способе адаптации, при котором мигранты сохраняют свою культурную идентичность, одновременно активно участвуя в жизни общества. В то же время ассимиляция, сепарация и маргинализация могут сопровождаться различными уровнями стресса и дискомфорта, а в случае обнаружения острых культурных различий – приводить к аккультурационному стрессу, вследствие повышения уровня общественной напряженности, увеличению числа конфликтных ситуаций [2, с. 10].

Для большей наглядности приведем таблицу стратегий аккультурации Дж. У. Берри.

Таблица 1. Стратегии аккультурации Дж.У. Берри

		Важно ли для вас поддерживать собственную культурную идентичность?	
		ДА	НЕТ
Важно ли для вас поддерживать взаимоотношения с другими этническими группами?	ДА	Интеграция	Ассимиляция
	НЕТ	Сепаратизм	Маргинализация

Его теория позволяет объяснить и предсказать модели адаптации людей в новой среде. Опираясь на данную теорию, предлагается ввести структурное деление типов миграционной девиантности, выделить стохастический, интеграционный, сепарационный, маргинализационный типы девиантности.

Для более детального анализа классификации типов миграционной девиантности и обоснования критериев дифференциации предлагается структурный подход, основанный на двух ключевых параметрах:

- Время проявления девиантного поведения;
- Уровень причиненного ущерба.

Использование данных критериев позволяет разграничить различные формы отклоняющегося поведения, что способствует более точной оценке потенциальных рисков и разработке эффективных стратегий социальной адаптации мигрантов.

Классификация по критерию времени проявления:

1. Случайное (разовое) девиантное поведение – носит единичный характер и, как правило, обусловлено временными трудностями адаптации, например, незнанием локальных норм и традиций.
2. Периодическое девиантное поведение – характеризуется повторяющимися, но нестабильными актами девиации, которые могут быть вызваны культурными или социальными факторами, влияющими на процесс адаптации.
3. Постоянное девиантное поведение – свидетельствует о закрепившейся модели от-

клоняющегося поведения, что может указывать на сознательный отказ от интеграции или наличие значительных психологических и социальных барьеров, препятствующих адаптации.

Классификация по критерию уровня нанесенного ущерба:

1. Незначительный ущерб – включает малозначительные нарушения общественных норм, зачастую являющиеся следствием культурных различий или временной дезориентации.

2. Ощутимый ущерб – отражает систематическое отклоняющееся поведение, способное дестабилизировать общественный порядок и вызывать социальное напряжение.

3. Критический ущерб – охватывает серьезные правонарушения, оказывающие разрушительное влияние на общество, что чаще всего характерно для маргинализованных или асоциальных групп.

Предложенная классификация позволяет более глубоко понимать природу миграционной девиантности, ее последствия, а также формировать целевые меры профилактики и социальной адаптации.

В соответствии с выделенной классификацией в таблице 2 представлены типы миграционной девиантности.

Таблица 2. Типы миграционной девиантности

Тип миграционной девиантности	Определение	Критерий времени	Критерий ущерба
I Стохастическая	Акт девиантного поведения, совершённый случайно и непреднамеренно, вызванный незнанием	Единовременно, периодическое	Незначительный
II Интеграционная	Поведение, связанное с сохранением культурной идентичности; мигрант соблюдает свои культурные традиции без конфликта с местными нормами	Единовременно, но может быть периодическим и постоянным в форме культурного самовыражения	Незначительный
III Сепарационная	Принципиальное неприятие культурных норм принимающего общества, что выражается в агрессивной сепарации и конфронтации с местной культурой	Постоянное	Ощутимый
IV Маргинализованная	Деструктивные действия, наносящие серьёзный вред обществу, вызванные отсутствием интеграции и отрицанием норм обеих культур	Постоянное	Критический

I Стохастическая девиантность:

Время: Проявляется случайно, часто не повторяется, что указывает на её временный и ситуативный характер.

Ущерб: Как правило, незначительный, так как такие отклонения вызваны незнанием или случайными ошибками.

II Интеграционная девиантность:

Время: Может быть либо единичной, либо постоянной, если мигрант регулярно выражает свою культурную идентичность (например, традиционная одежда).

Ущерб: Незначительный, поскольку основная цель состоит в сохранении культурных традиций, без посягательства на местные нормы.

III Сепарационная девиантность:

Время: Характеризуется устойчивостью и постоянством, так как мигранты, следуя нор-

мам своей культуры, сознательно дистанцируются от местного населения.

Ущерб: Ощутимый, так как возникает напряжение в отношении местных жителей, что может привести к социальным конфликтам.

IV Маргинализованная девиантность:

Время: Поведение постоянное и устойчивое, так как оно является следствием полной потери социальных и культурных ориентиров.

Ущерб: Критический, так как маргинализация ведёт к деструктивным действиям, угрожающим безопасности общества и вызывающим значительные социальные проблемы.

Представленная классификация позволяет выделить различия в природе миграционной девиантности и учитывать их при разработке профилактических и адаптационных мер.

Подходя к части с предложению формулы расчета коэффициента «Девиантного потенциала», определим понятие «девиантный потенциал» как предрасположенность (вероятность) индивида или группы к отклоняющемуся поведению, которое проявляется в нарушении правовых, культурных и социальных норм общества. Этот показатель отражает совокупность факторов, влияющих на вероятность девиантного поведения, включая уровень социальной адаптации, культурные различия, экономические условия, правовой статус и личностные характеристики.

Девиантный потенциал указывает на риск возникновения конфликтов, связанных с процессом интеграции мигрантов в принимающее общество, а также на степень их потенциальной угрозы социальной стабильности. В данном контексте под «девиантным потенциалом» следует понимать совокупность специфических черт, факторов и условий, которые могут как увеличивать, так и уменьшать вероятность негативного отклоняющегося поведения у лиц, переселяющихся из одной страны или региона в другой.

Этот потенциал, как правило, связан с адаптационными трудностями, социальной изоляцией, культурным шоком и неполной интеграцией мигранта в новое социокультурное окружение. Девиантный потенциал мигранта может проявляться как в преступных действиях, так и в других формах отклоняющегося поведения, таких как асоциальное или недостаточно конформное поведение.

Введение коэффициента «девиантного потенциала мигранта» (формула 1) позволит увеличить степень прозрачности течения процесса принятия решения государственными органами о пропуске мигранта на территорию РФ.

$$K = \frac{\sum_{i=1}^n (W_i \cdot F_i)}{\sum_{i=1}^n W_i} \quad (1)$$

где:

- (K) — коэффициент «девиантного потенциала мигрантов»,
- (F_i) — оценка для каждого фактора,
- (W_i) — назначенный вес для каждого фактора,
- (n) — общее количество факторов.

При расчете коэффициента «девиантного потенциала мигранта» можно учитывать следующие факторы и условия:

1. Знание языка принимающей стороны;
2. Знание культуры, истории и обычаев страны пребывания;
3. Наличие профессии, соответствующей спросу на рынке труда;
4. Наличие высшего образования или квалификации;
5. Наличие/отсутствие погашенной судимости;
6. Наличие счета в банке или других финансовых ресурсов;
7. Наличие родственников или знакомых местных на территории страны въезда, готовых поручиться за благонадежность мигранта;
8. Пол и возраст мигранта;

9. Наличие/отсутствие супруга, детей;
10. Наличие/отсутствие хронических заболеваний, инвалидности;
11. Предыдущий положительный опыт миграции или адаптации в других странах;
12. Степень потребности в дополнительной рабочей силе на территории, доступности социальной поддержки и доступность образовательных и социальных программ для мигранта в текущий момент.

Также предусмотрим весовые коэффициенты (W_i), они имеют различную степень влияния на девиантный потенциал.

К примеру, исходя из результатов опроса, некоторым факторам необходимо придать более высокий вес, чем другим:

— Экономическим факторам, таким как финансовая стабильность и релевантность занятости, можно придать более высокий вес.

— Социальным факторам, таким как семейное положение и местные социальные связи, можно придать средний вес.

— Демографическим факторам, таким как возраст и пол, можно придать меньший вес, но все равно они будут иметь влияние.

Учет весов сделает формулу более детальной, лучше отражающей относительную важность каждого фактора риска.

Предложим диапазон веса от 1 до 5, он даст достаточную гибкость без чрезмерного усложнения модели:

— Высокое влияние (экономические факторы): от ($W_i=4$) до ($W_i=5$);

— Среднее влияние (социальные факторы): от ($W_i=2,5$) до ($W_i=3,5$);

— Низкое влияние (демографические факторы): ($W_i=1$) до ($W_i=2$).

Для более отчетливого понимания обоснованности каждого из обозначенных факторов приведём уточнения для каждого фактора:

1. Владение языком — Свободное владение языком улучшает коммуникацию и доступ к трудоустройству, уменьшая недопонимание и потенциальные конфликты.

Предложение по оценке: Более высокий уровень владения языком снижает девиантный потенциал (более низкий балл); $W_i=5$. Критерий может измеряться по следующим аспектам: а) Умение общаться на бытовом уровне - 0,6-0,8 баллов; б) Профессиональное владение языком для выполнения рабочих задач - 0,3-0,5 баллов; в) Уровень понимания культурных и социальных нюансов языка - 0-0,2 баллов.

2. Культурное знание и понимание — Знакомство с культурными нормами облегчает интеграцию и сводит к минимуму случайные нарушения социальных ожиданий.

Предложение по оценке: Более глубокие культурные знания приводят к более низкому баллу девиантного потенциала; $W_i=4$. Параметры включают: а) Понимание и уважение местных обычаев и традиций; б) Способность соблюдать социальные нормы и законы; в) Принятие местных ценностей и образа жизни.

3. Профессия, соответствующая рынку — Навыки, которые соответствуют спросу на рабочую силу, помогают обеспечить занятость, снизить зависимость и стимулировать интеграцию.

Предложение по оценке: Профессии, пользующиеся высоким спросом, снижают девиантный потенциал; $W_i=5$. Здесь рассматриваются: а) Уровень занятости: постоянная работа, сезонные или временные контракты; б) Соответствие квалификации мигранта занимаемой должности; в) Возможность карьерного роста и профессионального обучения в принимающей стране.

4. Образование или квалификация — Высшее образование или специализированная квалификация открывают возможности трудоустройства, снижая социально-экономическую напряженность.

Предложение по оценке: Высшее образование снижает девиантный потенциал; $W_i=4$. Рассматривается: а) Завершенные образовательные курсы, повышение квалификации или участие в тренингах; б) Вовлеченность в местные образовательные программы для детей мигрантов.

5. Судебное прошлое — Уголовное прошлое часто связано с более высоким риском девиантного поведения. Ясное прошлое сигнализирует о более низком потенциале девиантного поведения.

Предложение по оценке: Уголовное прошлое повышает девиантный потенциал, при этом недавние или насильственные преступления имеют больший вес; $W_i=5$. Рассматривается: а) Наличие официального разрешения на проживание и работу; б) Отсутствие нарушений законодательства; в) Ознакомленность с правами и обязанностями в стране пребывания.

6. Финансовая стабильность — Финансовые ресурсы снижают экономическую напряженность и вероятность участия в незаконной деятельности.

Предложение по оценке: Большие финансовые ресурсы коррелируют с более низким баллом девиантного потенциала; (1балл - счет отсутствует или сумма на нем сумма менее застрахованной государством суммы вклада 1,4 млн. руб., 0,5 баллов - сумма вклада равна застрахованной сумме и менее 2,8 млн. руб., 0 баллов - сумма вклада более 2,8 млн. руб.) $W_i=5$. Также могут быть приняты во внимание: а) Наличие стабильного дохода, позволяющего обеспечивать себя и свою семью; б) Доступ к кредитным и финансовым услугам; в) Обеспечение жилищных условий, соответствующих местным стандартам.

7. Местные социальные связи — Наличие местной социальной поддержки способствует стабильности и соблюдению общественных норм, а связи действуют как стабилизирующее влияние.

Предложение по оценке: Большая местная поддержка снижает девиантный потенциал; $W_i=2,5$. Показатели включают: а) Наличие местных друзей и коллег; б) Участие в общественных мероприятиях, добровольных и социальных проектах; в) Членство в профессиональных или культурных организациях.

8. Демографические факторы (возраст и пол) — Младший возраст, особенно для одиноких мужчин, может коррелировать с повышенным девиантным поведением из-за социального и экономического давления.

Предложение по оценке: Люди старшего возраста и ориентированные на семью обычно демонстрируют более низкий девиантный потенциал; (мужчинам от 18 до 25 - начисляются баллы в сумме ближе к 1, мужчинам от 25 - ближе к 0, женщинам вне зависимости от возраста - ближе к 0); $W_i=1$.

9. Семейное положение — Семейные мигранты с семьями часто более стабильны и менее склонны к девиантному поведению, мотивируемому благополучием своих иждивенцев.

Предложение по оценке: Семейное положение и иждивенцы снижают девиантный потенциал; $W_i=2$. Детальное рассмотрение фактора возможно в разрезе: а) Вовлеченность членов семьи в образовательные и социальные процессы; б) Адаптация детей к местной школьной системе; в) Участие семьи в жизни местного сообщества.

10. Состояние здоровья — Мигранты с хорошим здоровьем могут легче интегрироваться в рабочую силу, в то время как люди с проблемами со здоровьем могут столкнуться с экономическими и социальными препятствиями.

Предложение по оценке: Хорошее здоровье снижает девиантный потенциал, в то время как хронические заболевания немного его увеличивают; $W_i=3,5$.

11. Положительный опыт миграции — Предыдущий успех в миграции предполагает адаптивность и устоявшийся набор навыков для навигации по культурным переходам.

Предложение по оценке: Положительный опыт снижает девиантный потенциал; $W_i=3,5$.

12. Спрос на труд мигрантов и доступность социальной поддержки — Высокий местный спрос на рабочую силу и доступные программы поддержки облегчают интеграцию, снижая риски отклонений, связанные с экономическим напряжением.

Предложение по оценке: Большой спрос и поддержка снижают девиантный потенциал; $W_i=5$.

Таким образом, рассчитывая значения параметров и учитывая их в формуле, можно определить вероятность демонстрации негативных девиаций мигрантом в новой социальной среде. Коэффициент близкий к 1 указывает на повышенный девиантный потенциал, а коэффициент, близкий к 0, наоборот, на успешную адаптацию мигранта.

В качестве примера приведем расчет коэффициента девиантного потенциала мигранта для трех мигрантов с различной биографией.

Мигрант А: Мужчина 20 лет, с великолепным знанием языка и хорошим знанием местной культуры. Профессия и образование соответствует потребностям местного рынка труда. Проблем с законом не имел, не судим. На депозитном счету располагает суммой в 3 млн. рублей. На территории РФ имеет знакомых среди местного населения и среди благонадежных мигрантов. Не женат, детей нет. Хронические заболевания, инвалидность отсутствуют. Положительного опыта миграции не имел. В регионе имеется ощутимый спрос на труд его специализации, имеется развитая инфраструктура поддержки мигрантов.

Мигрант Б: Женщина 36 лет хорошим уровнем владения языком, средним уровнем знаний местной культуры. Образование и профессия образование вполне соответствует потребностям местного рынка труда, однако явно выраженного кадрового голода в отрасли не зафиксировано. Судимостей нет. На депозитном счету располагаются 1,5 млн. рублей. На территории РФ не имеет знакомых среди местного населения и среди благонадежных мигрантов. Состоит в официальном браке, детей нет. Хронические заболевания, инвалидность отсутствуют. Имеет положительный опыт миграции. В регионе предполагаемой миграции имеется ощутимый спрос на труд ее специализации, однако, отсутствует инфраструктура поддержки мигрантов.

Мигрант В: Мужчина 45 лет, с крайне слабым знанием языка и практически полным отсутствием представлений о местной истории и культуре. Профессия и образование не соответствует требованиям рынка труда. Имеется погашенная судимость. Депозитного счета в местных банка не имеет. На территории РФ имеет знакомых среди местного населения и среди благонадежных мигрантов. Женат, имеет 4 малолетних детей. Хронические заболевания, инвалидность отсутствуют. Положительного опыта миграции не имел. В регионе предполагаемой миграции отсутствует ощутимый спрос на труд ее специализации, как и развитая инфраструктура поддержки мигрантов.

Таблица 3. Расчет коэффициента девиантного потенциала мигранта

-		Мигранты			-		
Факторы:	Wi	Fi (А)	Fi (Б)	Fi (В)	Wi*Fi (А)	Wi*Fi (Б)	Wi*Fi (В)
1. Владение языком	5	0	0,2	0,8	0	1	4
2. Культурное знание и понимание	4	0,2	0,5	1	0,8	2	4
3. Профессия, соответствующая рынку	5	0	0,2	1	0	1	5
4. Образование или квалификация	4	0	0,3	1	0	1,2	4
5. Судебное прошлое	5	0	0	0,5	0	0	2,5
6. Финансовая стабильность	5	0	0,5	1	0	2,5	5
7. Местные социальные связи	2,5	0	1	0	0	2,5	0
8. Демографические факторы (возраст и пол)	1	1	0	0	1	0	0
9. Семейное положение	2	1	0,5	0	2	1	0
10. Состояние здоровья	3,5	0	0	0	0	0	0
11. Положительный опыт миграции	3,5	1	0	1	3,5	0	3,5
12. Спрос на труд мигрантов и доступность социальной поддержки	5	0	0,5	1	0	2,5	5
Σw_i	45,5	-					
$\Sigma W_i \cdot F_i$	-				7,3	13,7	33
Коэффициент «девиантного потенциала мигрантов»:	-	0,160	0,301	0,725	-		

Коэффициенты девиантного потенциала для приведенных мигрантов составляют: Мигрант А — 0,160, Мигрант Б — 0,301, Мигрант В — 0,725. Мигрант В имеет наивысший уровень девиантного потенциала, что указывает на повышенный риск девиантного поведения. В то же время, Мигрант Б и Мигрант А демонстрируют более низкие показатели, при этом риск для Мигранта А является минимальным.

Для определения границ приемлемости коэффициента девиантного потенциала следует рассматривать его как индикатор вероятности отклонения от социально приемлемых норм и потенциальных миграционных проблем. Установление этих границ зависит от восприятия рисков в социальных, экономических и юридических контекстах.

Предлагается следующая классификация мигрантов по категориям риска на основе коэффициента девиантного потенциала:

Низкий риск (коэффициент $< 0,3$): Мигранты в этой категории практически не представляют угрозы для общества и могут быть приняты в страну с приоритетом. Они обладают необходимыми условиями для успешной социальной и экономической адаптации.

Умеренный риск (коэффициент от 0,3 до 0,5): Мигранты этой категории могут быть приняты, однако их запрос требует дополнительной проверки. Рекомендуется проводить исследования по их социальной адаптации или предлагать участие в адаптационных программах.

Высокий риск (коэффициент $> 0,5$): Мигранты с таким коэффициентом представляют серьезную угрозу для безопасности и стабильности общества. Их запросы должны рассматриваться с осторожностью, что может привести к отказу во въезде или необходимости выполнения дополнительных условий, таких как участие в специализированных программах адаптации и мониторинг.

Примеры мигрантов:

Мигрант А (коэффициент 0,160): Относится к категории «низкий риск». Его запрос на въезд будет обработан с приоритетом, так как он имеет все условия для успешной адаптации.

Мигрант Б (коэффициент 0,301): Относится к категории «умеренный риск». Несмотря на ограниченную социальную интеграцию, его запрос может быть рассмотрен с приоритетом.

Мигрант В (коэффициент 0,725): Относится к категории «высокий риск», что подразумевает необходимость отклонения его запроса или предложения дополнительных мер для минимизации рисков, таких как участие в программе адаптации.

Таким образом, границы приемлемости могут быть установлены на основе анализа девиантного потенциала, учитывая его влияние на общественную безопасность и благополучие страны. Эта классификация позволит адекватно оценивать риски каждого мигранта и принимать обоснованные решения о его въезде или отказе в соответствии с политикой безопасности и социальной интеграции.

Исследование миграционной девиантности требует междисциплинарного подхода, сочетающего социологические, психологические и правовые аспекты. В данной работе предложены концептуальные основания для изучения девиантного поведения мигрантов, включая авторские определения ключевых понятий и их структурную классификацию.

Типология миграционной девиантности, основанная на причинности, позволяет выявить основные детерминанты отклоняющегося поведения, а применение теории аккультурации Дж. У. Берри способствует более глубокой систематизации типов миграционной девиантности. Введение коэффициента девиантного потенциала мигранта открывает перспективы для даль-

нейших исследований в области прогнозирования миграционных рисков и разработки эффективных стратегий социальной интеграции.

Таким образом, предложенные в статье теоретико-методологические положения не только расширяют научное понимание феномена миграционной девиантности, но и могут служить основой для разработки практических мер в области миграционной политики и социальной адаптации мигрантов.

Литература:

1. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие / В.Д. Менделевич. – Москва : Речь, 2005. – 445 с.
2. Berry, J.B. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J.B. Berry // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. - Queen's University, Ontario, Canada – P. 5-34.

ОБ АВТОРЕ:

Ларионов Алексей Эдиславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Larionov Aleksey E., PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Ларионов А.Э.

Социальная модель СССР как фактор победы в Великой Отечественной войне

Автор рассматривает Великую Отечественную войну как период непримиримого противоборства двух антагонистических по ценностным и целевым установкам социальных систем (советской и нацистской). Выдвижение и апробация ключевых положений осуществляются на основе комплексного использования источников и привлечения наиболее значимых научных трудов в русле истории повседневности и социальной истории СССР 1920-1940-х годов. Проведён комплексный анализ суммы ключевых фактов, рассмотрение источников как аутентичных «голосов эпохи», интерпретация индивидуальных и коллективных действий в контексте аксиологии эпохи позволили выстроить и обосновать концепцию об СССР предвоенного и военного времени как уникальной социальной системе, в которой был осуществлён успешный синтез ценностных устремлений традиционного общества и парадигмы поступательного развития модернизации. Что обеспечило высочайший уровень устойчивости, резистентности и исторической успешности Советского государства и общества в смертельной борьбе за будущее против жестокого врага, обладавшего изначальным превосходством в силах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальная история, военная повседневность, советское общество, Победа, фальсификация истории, историческая память.

Для цитирования: Ларионов А.Э. Социальная модель СССР как фактор победы в Великой Отечественной войне // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 24-30.

THE SOCIAL MODEL OF THE USSR AS A VICTORY FACTOR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Larionov A.E.

Adhering to the paradigm of moral historicism, combining systemic, interdisciplinary and historical-genetic approaches, the author considers the Great Patriotic War as a period of irreconcilable confrontation between two antagonistic value and goal orientations of social systems (Soviet and Nazi). The key provisions are put forward and tested on the basis of the integrated use of documentary materials, sources of personal origin, and the involvement of the most significant scientific works in line with the history of everyday life and the social history of the USSR of the 1920s and 1940s. A comprehensive analysis of the sum of key facts, consideration of sources as authentic "voices of the era", interpretation of individual and collective actions in the context of the axiology of the era allowed to build and substantiate the concept of the USSR of pre-war and wartime as a unique social system in which a successful synthesis of the value aspirations of traditional society and the paradigm of progressive development of modernization was carried out. This ensured the highest level of stability, resilience and historical success of the Soviet state and society in the deadly struggle for the future against a cruel enemy who possessed initial superiority in forces.

Keywords: The Great Patriotic War, social history, military routine, Soviet society, Victory, falsification of history, historical memory.

For citation: Larionov A.E. The social model of the USSR as a victory factor in the Great Patriotic War. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 24-30. (In Russ.)

Введение.

Память о Великой Отечественной войне как неизмеримой героической трагедии в истории России, но трагедии с жизнеутверждающим финалом, является краеугольным камнем национально-государственной идентичности и исторической субъектности России в мировой истории. Не случайно, в рамках гибридной войны Запада против России искажение и прямая фальсификация истории войны непрерывно реализуются как часть долгосрочной стратегии и в рамках конечной цели уничтожения Русской цивилизации. При этом, следует признать, что в пределах самой России, в российском мемориальном пространстве средствами культуры и даже науки, устами видных политиков нередко продолжается насаждение «чёрных легенд» о Великой Отечественной войне, уничижающих подвиг страны и народа, а иногда прямо их отрицающих.

Внутренний и внешний фальсификаторские нарративы памяти о войне нередко совпадают по содержанию, аргументации и направленности. Во всяком случае, две основные модальности отчётливо просматриваются в обоих нарративах. Это, во-первых, дискредитация идеологии и руководства СССР, что, в частности, выражено в известных мифологемах «Победа вопреки Сталину» [6] или «Сталин – гробовщик Красной Армии» [5]. Во-вторых, попытка оболгать само советское общество, солдат и офицеров Красной Армии. Чего не гнушаются даже высокопоставленные должностные лица бывших союзников СССР по Антигитлеровской коалиции. В частности, бывший Госсекретарь США В. Пирс в 1998 году заявил буквально следующее: «Конечно, не все советские солдаты были насильниками и убийцами: только большинство из них» [15]. Синтез обеих моделей осуществлён в книге западногерманского автора Й. Хоффмана с намеренно скандальным названием «Сталинская война на уничтожение» [24].

Конечная смысловая направленность высказываний и изданий такого рода – подмена исторической памяти российского общества, насаждение вместо благодарности и гордости – стыда за собственное прошлое, устранение героики из мировоззрения. Что автоматически поведёт к социальной дезинтеграции и крушению всего Российского цивилизационного проекта. Соответственно, важной задачей российской исторической науки является поддержание и популяризация неискажённой, научно выверенной и целостной версии истории Великой Отечественной войны. В частности, совершенно логичная и истинная модель неразрывной и тесной взаимосвязи Победы в войне с советской социальной моделью, в рамках которой Победа только и стала возможной, должна системно транслироваться в общественное сознание и подлежать защите от любых попыток разорвать эту связь, противопоставить народ и власть, военную повседневность и официальную идеологию СССР. Данная эпистемологическая установка соответствует как высшей научной задаче стремления к истине, так и практическим интересам Российского общества и государства.

Обзор научных публикаций по теме статьи.

На протяжении 3-х последних десятилетий социальная история и история повседневности в отечественной историографии переживают очевидный подъём. Который явным образом выразился в исследованиях по истории СССР и по истории Великой Отечественной войны. Равным образом, растёт количество публикаций по проблемам защиты героического и патриотического образа Великой Отечественной войны в российской социальной памяти. Среди наиболее значимых изданий по указанным направлениям следует назвать монографии и статьи Е.Ф. Кринко и его соавторов [9], В.Э. Багдасаряна [3], А.Э. Ларионова [10], Э.Э. Шульца [25], В.А. Сомова [19], В.И. Кикнадзе [7], А.Ю. Безугольного [4], Е.С. Сенявской [18]. Активные исследования по различным аспектам военной повседневности и социальной истории 1941-1945 гг. продолжают в рамках изучения истории отдельных регионов России, защищаются кандидатские диссертации, в которых затрагиваются проблемы повседневной жизни и социальных трансформаций в тылу, на фронте и в оккупации [22].

Следует констатировать общее богатство наличного интеллектуального капитала по истории военной и повседневности, социальной истории и защите памяти о Великой Отечественной войне. Который, к тому же, постоянно пополняется новыми научными текстами. Сформировалось и успешно работает по данным проблемам достаточно большое и квалифицированное сообщество российских историков. Соответственно, правомерно предполагать, что в данном сегменте исторического знания наблюдается некий умозрительный рубеж, пе-

рейдя за который, мы вправе ожидать теоретико-методологических прорывов. Чему, как автор надеется, поспособствует и данная публикация.

Российская цивилизация в двух мировых войнах: сравнение социальных систем.

Советскому Союзу пришлось решать те исторические задачи, которые не были своевременно решены Российской империей. Это были проблемы ускоренного социального и экономического развития, пророчески сформулированных Сталиным за десятилетие до нападения Германии на СССР: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [21]. Однако, не в меньшей степени, СССР был вынужден решать задачи внешней политики. Потому невозможно, говоря о событиях Великой Отечественной войны, не обращаться мысленным взором к событиям Первой Мировой войны и особенностям участия в ней России. Таким способом можно лучше понять сущность советской социальной модели накануне и в период жесточайшей войны в истории. Начнём с констатации двух объективных макроисторических фактов:

1. В Первой мировой войне при относительно умеренных боевых потерях, значительных, но не катастрофических территориальных утратах, опять-таки не запределных материальных лишениях, слухи о возможных перебоях с хлебоснабжением Петрограда запустили лавину социально-политического кризиса – итогом стал коллапс государства, развал армии, распад общества на враждующие до смерти группировки;

2. В годы Великой Отечественной войны мы наблюдаем: в течение первого военного года кадровая армия погибла за три первых месяца, утрачены колоссальные территории и сосредоточенные на них мобилизационные запасы, 10-миллионный поток эвакуированных, не считая стихийных беженцев – а всех надо было кормить и как-то устраивать, апокалипсическая блокада Ленинграда – а государство крепнет, общество усиливает свою монолитность. Как итог – Победный Май 1945 г.

Общество реагировало совершенно по-разному, радикально иначе действовала военная и политическая власть, по-разному строились линии и содержание социальных коммуникаций, типы отношений между людьми.

Первоначально рассмотрим реакцию общества.

Два примера реакции на трудности.

Март 1915 г. Ещё далеко до «Великого отступления». 10 дней как русской армией взят Перемышль – сильнейшая австрийская крепость с огромными трофеями. А в дневнике русского консерватора, монархиста, патриота Льва Александровича Тихомирова видим записи за 18-19 марта: «В Москве становится очень трудно жить. Все страшно дорого, или даже совсем нет. У нас дров нет. Осталось на несколько дней, а на дровяных складах не дают, говорят — нет... Невообразимая чепуха со снабжением населения предметами первой необходимости. Правительство наделало столько зла, сколько не сделал бы и умный неприятель... Теперь — к Праздникам все караул кричат, нет яиц, нет масла, нет сыра, нет ветчины» [23, с. 47-48]. Вот уровень тревог и жалоб, проблем, воспринимаемых как предвестие грядущей неминуемой катастрофы!

Блокадный дневник школьницы Лены Мухиной за 8-13 февраля 1942 года. «Вчера утром умерла мама. Мы с дворничихой пошли в булочную. Я получила 600 грамм хлеба, 300 отдала ей. Пришла домой, напилела дров, разогрела обед, поела хлеба... вчера топила большую печку и у меня в комнате было 12 градусов тепла. Как тяжело одной! Милая дорогая любимая мама, ты не дожила до улучшения всего каких-нибудь несколько дней. Так обидно, так до боли в сердце досадно за тебя... Нет, не правы были те люди, которые говорили, что правительству наплевать на нас, ленинградцев... Нет, я всегда знала, что что о ленинградцах правительство и сам товарищ Сталин помнят каждую минуту и стараются по мере возможности облегчить наше положение» [20, с. 196-199].

Ещё интереснее сравнить мысли М.М. Пришвина в двух войнах:

22 марта 1915 г. «На каждом шагу видишь, как совсем отдельно от нашей человеческой души возникает чужая душа, существо, которому начинают все поклоняться, во имя которого будто бы творится все бесчеловечное, легенда о государстве России. Под шумок миллионы корыстных людей – всяких торговцев, поставщиков, подрядчиков, полицейских, губернаторов, финансовых тузов – строят каменное основание своей личной судьбе, которая ля-

жет в основу будущей власти их над будущими новыми «жертвами» войны» [13, с. 167].

Его же запись за 22 марта 1942 г. и несколько последующих дней: «Рассказ Жени о весне в голодной Москве. Какая-то огромная мрачная очередь, полное молчание измученных заботами и голодом людей. Вдруг крикнула по-весеннему ворона. И кто-то вскрикнул в очереди:

– Батюшки, ворона проснулась!

Все засмеялись, все оглянулись по направлению вороньего крика и заговорили о весне, понимая, что пусть у людей нет ничего, а в природе весна, та самая весна, которую когда-то любили, когда-то ждали... Вспомнился разговор мой недавний в Переславле с майором

– Вы что теперь пишете? – спросил он. – Я пишу, – ответил я, – только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир, так вот я для того мира пишу». И как апогей – запись за 27 июля 1942 г., немцы в большой излучине Дона, вышел приказ №227 – что же пишет Пришвин? «27 июля. Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взяли за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней еще не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придет, как все знают, что, рано ли, поздно ли, война кончится» [14, с. 109,225]. Как видим, разница в настроениях, переживаниях и, что главное, восприятии бед колоссальна.

Об отношении гражданского населения к мобилизационным усилиям власти в двух мировых войнах говорят факты – привлечение населения к строительству оборонительных линий в годы Первой мировой войны вело к массовому недовольству, конфликтам, дезертирству [2].

Напротив, выезд на трудовой фронт в 1941-1942гг. воспринимался с энтузиазмом и гордостью. В доказательство можно сослаться на мемуары преподавателя МГУ Серафимы Ивановны Антоновой, являвшейся в социальном отношении типичным порождением советской системы воспитания, хотя и родилась до революции [1, с.195-200].

Теперь обратимся к основному институту военного времени – Действующей Армии. Важнейший критерий – это исполнительская дисциплина. Из мемуаров и исследований, относящихся к 1-й мировой войне, мы знаем, что в Русской армии с этим вопросом обстояло далеко не благополучно. Известны неоднократные нарушения прямых распоряжений вышестоящего начальства, порой граничащие с предательством. И без каких-либо серьезных последствий. Например, в ходе Восточно-Прусской операции известен случай, когда 6-й армейский корпус генерала Благовещенского без приказа и без уведомления соседей и вышестоящего начальства оставил занимаемые позиции, чем оголил фланги 2-й Армии, что стало одним из факторов последующего поражения [17, с. 428]. Какова реакция? В феврале 1915г. Благовещенский отстранён от должности и отправлен в отставку. Следует учитывать резонанс в рамках милитарного социума. Безнаказанность вопиющих нарушений воинского долга провоцировала последующие подобные случаи, расшатывая армейский и государственный механизм в целом.

Подобные прецеденты суммируясь, создавали традицию безответственности. Применительно к Великой Отечественной войне ограничусь риторическим вопросом: мыслима ли была принципиально ситуация, чтобы не на стадии обсуждения, а после отдачи приказа командиром или командармом отказались подчиниться. Пример: конфликт Жукова и Рокоссовского в конце ноября 1941 года по поводу несанкционированного командующим фронта отходом частей 16-й армии на Истринский рубеж. Хотя Рокоссовский был убеждён в собственной правоте, но прямой приказ Жукова выполнил безоговорочно [16, 80-81]. Вновь риторический вопрос: а что было бы с любым генералом или маршалом, если бы он проделал нечто подобное тому, что совершил Благовещенский? Например, летом 1942 года?

Отойдя от дневников и мемуаров, обратимся к цифрам из области военной медицины. Общеизвестно, что в Первую мировую войну возвращение раненых и больных в строй в Русской армии составило около 46%. В Великую Отечественную – 75%. Чрезвычайно интересны показатели нервно-психических заболеваний в двух войнах. По данным Китаева-Смыка, развёрнуто дополненные в замечательном исследовании Александра Астахова относительно динамики нервно-психических расстройств: в Первую мировую войну в армии они возрастали, в Великую Отечественную уменьшались [8, с. 611-612].

В области пропаганды и массовых коммуникаций картина также примечательна: по обобщённым данным в Русской армии в 1914-1917 гг. издавалось 17 газет. Для сравнения – в Великую Отечественную войну суммарное число только армейских газет всех уровней (от фронта до дивизии), не считая попадавших центральных, достигло почти 800+300 партизанских и подпольных [12]. Одновременно интересно проанализировать визуальную пропаганду. В обеих войнах её основой стало плакатное искусство. Российский плакат времён Первой мировой войны сочетает сатирическое содержание с импрессионистским стилем. Образ врага представлен карикатурно. Враг на плакате – не страшен. Фронтвые реалии порождали совершенно иной опыт – сильного, безжалостного врага, часто превосходящего русскую армию технически, организационно, часто тактически и даже физически. Налиествовал явный диссонанс между восприятием и пропагандой. Который объективно приводил к недоверию и обвинениям в адрес собственного правительства как неадекватного сложившейся военно-политической ситуации. В годы Великой Отечественной войны плакатное искусство поднялось на недостижимое ранее высоту. Демонизация и инфернализация образа врага, реализм и даже иконные мотивы пропагандистского плаката сделали его мощнейшим и действенным средством военно-политической пропаганды, позитивно воспринимаемым солдатской массой.

Огромные различия в культуре повседневности общества периода Первой мировой и Великой Отечественной войны встречаются в самых разных вариантах. Возьмём для примера два дневника: 1. Дневник генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева, занимавшего на интересующий нас момент должность командира 64пд в составе 18ак. В записи от 1 ноября 1916г. автор дневника приводит пример прочитанной повести Анны Мар «Женщина на кресте». Сюжет представляет собой концентрацию социальных патологий и извращений. У самого Снесарева книга вызвала отвращение. Но важно другое: откровенно безнравственная, описывающая разврат литература издаётся в Москве в середине войны. Едва ли нужно доказывать взаимосвязь общественной нравственности и обороноспособности страны. Для сравнения обратимся к дневнику полкового комиссара (впоследствии гвардии полковника А.Н. Овчинникова), занимавшего должность комиссара 4-й гв.кд 2гв. кк. Запись от 20 января 1942г. «Пока здесь стоим, прочитал Эренбурга «Падение Парижа», Богданова «Дмитрий Донской», достал том академического издания писем Пушкина А.С. Читать всегда было моей страстью. Очень доволен, что нахожу свободные минутки почитать» [11]. И так: какая литература попадает на фронты в двух войнах? И, главное: какая литература издаётся, распространяется и читается обществом? Вопрос о степени нравственного здоровья Российской империи в начале XX века и СССР периода Великой Отечественной войны представляется риторическим. В этом смысле любопытна ремарка: генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев впоследствии служил не в Белой, а в Красной Армии. Случайно ли это? Все ли представители российской элиты хотели возвращения к такой «России, которую потеряли»?!

Сравнительные примеры можно приводить по другим группам. Однако какова цель? У автора нет намерения в очередной раз уничивать императорскую Россию, возвеличивать Сталина, либо повторять клише про тоталитаризм и т.п. Возьмём более обширную категорию – саму социальную модель страны в лице её представителей. Что же мы имеем. Миллионы людей получили жестокий урок Первой мировой войны и спровоцированных ею социальных катаклизмов. Состояние России в 1914-1917 гг. можно образно охарактеризовать как «недомобилизованная империя». Со всеми вытекающими из такого внутреннего состояния последствиями. Фактически, это была социальная аномия.

Везде и всюду мы видим качественно разные реакции на сходные раздражители. При этом негативные реакции обратно пропорциональны вызвавшим их факторам, а положительные – прямо пропорциональны внешним отрицательным явлениям. Но общество-то в значительной своей степени было то же самое по человеческому составу!

Маршалы Жуков, Рокоссовский, Малиновский и др. деятели были солдатами Первой мировой. Воевали в Гражданскую. Вряд ли пережитый ими личный опыт социального хаоса будил у них приятные воспоминания. И они учли этот негативный опыт, как и миллионы соотечественников. Дело было не в пропаганде и идеологии 1920-1930-гг. Точнее, не только в них. Дело было в людях, которые на подсознательном уровне усвоили горькие уроки собственного недавнего прошлого. И, в то же время, приобрели бесценный опыт поражений и

социального распада. Это были не менее весомые факторы изменений сознания народа, чем пропагандистское воздействие.

Нельзя забывать о тех социальных лифтах, нормативно-ценностных установках и мобилизационных механизмах, совокупность которых обеспечил Советский социальный проект с его ключевой идеологией социальной справедливости и внеутилитарных основаниях личного и общественного бытия.

Выводы.

Две мировых войны, в которых Россия участвовала в качестве одного из главных субъектов – это были два генетически связанных этапа мобилизации Российской цивилизации экспансии Запада. Крах и хаос в Первой мировой войне стали основанием для триумфа три десятилетия спустя. Но необходимо осознавать, что эта затянувшаяся мобилизация, прежде чем воплотиться в свершениях государства и армии, должна была совершиться в обществе. Что и произошло. Россия, войдя в состояние мировой войны в 1914 году, вышла из него, по существу, только в 1945г. Это была как бы одна неимоверно растянувшаяся война, на протяжении которой общество, его структура, институты, ценности, социальные практики претерпели глубокие изменения. А власть и идеология были формами, в которые эти изменения отливались. Что бы мы ни говорили, но народ в тот момент действительно вершил свою историю, именно он санкционировал мобилизационную модель развития, её вождей и методы. Народ оказался достоин власти, а власть – народа. А вместе они – достойны вначале Великого краха, а потом Великой Победы. Объективная правда истории заключается в том, что именно в рамках Советской социальной модели наша страна смогла решить насущные, давно назревшие исторические задачи, преодолеть многовековую инерцию, а в решающий момент, на пике высшего напряжения и обострения вопроса «быть или не быть России, русскому народу в истории?!» - суметь дать убедительный ответ на вызов эпохи, обеспечив стране и народу продолжение существования. Битва за будущее против фашизма была выиграна благодаря СССР. Именно его социальная модель, объединив традиционные идеалы Русской цивилизации (справедливость, бескорыстие, жертвенная любовь, соборность/коллективизм, патриотизм и уважение к прошлому) с идеей ускоренного развития и социальной мобилизацией, стала той исторической силой, которая обеспечила всплеск организованно-социальной энергии, героизма как всенародного императива повседневной жизни, что и обусловило Великую Победу.

Любые попытки отрицания указанных фактов есть не просто искажение исторической правды, но покушение на существование Российской цивилизации, диверсия против истории в её ретроспективной и перспективной модальностях. В современных условиях, когда глобальная борьба «коллективного Запада» против России стала бесспорным фактом, российскому обществу и государственной власти опыт традиционалистской мобилизации необходим, как никогда. Потому, вне всякого сомнения, любые попытки дискредитации социальной модели СССР, всего Советского социального проекта и его главных творцов должны быть прекращены на уровне государственной исторической политики, а принятые на федеральном уровне решения – последовательно транслироваться на общество через СМИ, систему образования и культурное творчество.

Литература:

1. Антонова С.И. *Воспоминания советского человека.* – М.: *Весь мир*, 2014. – 440 с;
2. Асташов А.Б. *Русский фронт в 1914-начале 1917 года: военный опыт и современность.* – М.: *Новый хронограф*, 2014 – 740 с.;
3. Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. *Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве.* М.: *Проспект*, 2022. – 304 с.
4. Безугольный А.Ю. *Национальный состав Красной Армии 1918-1945. Историко-статистическое исследование.* М.: *Центрполиграф*, 2021. – 511 с.;
5. Бешанов В.В. *Сталин – гробовщик Красной Армии.* М.: *Яуза-пресс*, 2012. – 608 с.
6. Горбачевский Б. *Победа вопреки Сталину.* М.: *Эксмо*, 2012. – 412 с.;
7. Кикнадзе В.Г. *Как защитить свою историю?* М.: *Вече*, 2022. – 304 с.;
8. Китаев-Смык Л.А. *Психология стресса. Психологическая антропология стресса.* – М.: *Академический проект*, 2009. – 943 с.;

9. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени (1941-1945). Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2013. - 360 с.;
10. Ларионов А.Э. Герои и антигерои российской истории в фокусе формирования новых подходов в образовании // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. №1/2024. С. 26-34;
11. Овчинников А.Н. Дневник 1942-1943. ЦГАМО. Фонд 340. Опись 1. Дело 1. Л.92 // Расшифровка дневника осуществлена Ю.Н. Клименко, А.Э. Ларионовым.
12. Попов Н.П., Горохов Н.А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М.: Воениздат, 1981. – 416 с.;
13. Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. – СПб.: Росток, 2007. – С.167.
14. Пришвин М.М. Дневники. 1942-1943. – М.: РОССПЭН, 2013. – Сс.109, 225.
15. Просто цитата // <https://grey-croco.livejournal.com/416580.html> Дата обращения 24.01.2025.
16. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1988. – Сс.80-82.
17. Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: Энциклопедия. В 3-х тт. Т.1. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 820 с.;
18. Сенявская Е.С. Фронтовое поколение. 1941-1945: Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. – 212 с.;
19. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.АИРО-XXI, 2015. – 176 с.;
20. «Сохрани мою печальную историю...» Блокадный дневник Лены Мухиной. – СПб.: Азбука, 2011. – Сс.196-199.
21. Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // <https://istmat.org/node/20360> Дата обращения 26.01.2025.
22. Тальцев А.Н. Повседневная жизнь советского общества в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ставрополья): Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2024. – 202 с.;
23. Тихомиров Л.А. Дневник 1915-1917гг. // сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – С.47-48.
24. Хоффман Й. Сталинская война на уничтожение. М.: АСТ, 2006. – 360 с.;
25. Шульц Э.Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. Т. 11. №4(37)/2023. С. 41.

ОБ АВТОРЕ:**Чубий Мария Васильевна,**

старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», Хабаровск, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:**Chubiy Maria V.,**

senior lecturer, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Чубий М.В.**Профили распределения рабочего времени преподавателей высшей школы**

Введение. Данная статья посвящена исследованию профилей распределения рабочего времени преподавателя высшего учебного заведения. Профили распределения рабочего времени характеризуются неоднородностью трудовых функций профессорско-преподавательского состава и зависят от склонности преподавателей к различным видам деятельности, а также от временных затрат на их выполнение.

Методология и источники. Характеризуя рабочее время преподавателя высшей школы, были исследованы основные нормативно-правовые акты, регламентирующие учебную и внеучебную работу преподавателя, выявлены основные области трудовой деятельности преподавателя (преподавательская и научно-исследовательская). Были проанализированы вторичные данные опросов

профессорско-преподавательского состава организаций высшего образования в рамках Мониторинга экономики образования, которые отражают количество времени, которое тратят преподаватели на выполнение своих рабочих функций, а также предпочтения преподавателей относительно основных видов работ: преподавательская и научно-исследовательская.

Результаты и обсуждение. Представлено распределение преподавателей относительно трёх основных профилей распределения рабочего времени: преподавательский, исследовательский и смешанный.

Заключение. Представлена оценка необходимости исследования профилей распределения рабочего времени преподавателя высшей школы.

Ключевые слова: профили распределения рабочего времени, высшее образование, управление образованием, профессорско-преподавательский состав, рабочее время, научно-исследовательская деятельность.

Для цитирования: Чубий М.В. Профили распределения рабочего времени преподавателей высшей школы // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 31-38.

FACULTY TIME ALLOCATION PROFILES

Chubiy M.V.

Introduction. This article is devoted to the study of the distribution profiles of the working time of a teacher at a higher education institution. The distribution profiles of working time are characterized by the heterogeneity of the work functions of the teaching staff and depend on the propensity of teachers to various types of activities, as well as on the time spent on their implementation.

Methodology and sources. Characterizing the working time of a teacher at a higher education institution, the main regulatory and legal acts governing the educational and extracurricular work of a teacher were studied, the main areas of work of a teacher (teaching and research) were identified. Secondary data from surveys of the teaching staff of higher education institutions within the framework of Monitoring the Economy of Education were analyzed, which reflect the amount of time that teachers spend on performing their work functions, as well as the preferences of teachers regarding the main types of work: teaching and research.

Results and discussion. The distribution of teachers is presented regarding three main profiles of the distribution of working time: teaching, research and mixed.

Conclusion. An assessment of the need to study the distribution profiles of the working time of a teacher at a higher education institution is presented. Key words: working time distribution profiles, higher education, education management, faculty, working time, research activities.

Keywords: faculty time allocation profiles, higher education, education management, faculty, working time, research activities.

For citation: Chubiy M.V. Faculty time allocation profiles. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 31-38. (In Russ.)

Введение. Традиционная система обучения включает в себя установленную нормативными актами продолжительность рабочего времени профессорско-преподавательского состава (далее ППС) для всех форм обучения студентов. Объем обучения устанавливается индивидуальным планом преподавателя в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, приказами Министерства науки и высшего образования, а также локальными нормативными актами, содержащими распределение часов нагрузки на выполнение той или иной функции преподавателя.

Под рабочим временем преподавателя высшей школы понимается время, в период которого преподаватель выполняет непосредственно свои трудовые функции [8].

Рабочее время ППС определяется индивидуальным планом преподавателя и включает в себя следующие виды деятельности:

- преподавательская/учебная (работа в рамках «первой половины дня»);
- внеучебная (включающая в себя учебно-методическую, научно-исследовательскую, организационно-методическую, творческо-исполнительную и воспитательную работу, а также повышение квалификации (работа в рамках «второй половины дня»)).

Учебная работа определяется как рабочее время преподавателя, потраченное на деятельность, связанную с преподаванием или наставничеством студентов, примерами которой может быть проведение лекционных и практических занятий, проверка рефератов и курсовых работ, проведение консультаций студентов.

Внеучебная работа определяется как рабочее время, потраченное на деятельность, связанную с исследованиями или аналогичными творческими начинаниями, методической и организационной работой и иными видами деятельности.

Ввиду включения в рабочее время преподавателя учебного и внеучебного видов деятельности можно говорить о неоднородности выполняемых им функций. Основываясь на этих двух основных областях трудовой деятельности преподавателя, их предпочтениях относительно того или иного вида деятельности, а также фактических затратах рабочего времени, в рамках данного исследования предлагается выделить и описать основные профили распределения рабочего времени преподавателя.

Профиль распределения рабочего времени – это инструмент, который позволяет оценить, как ППС распределяет своё рабочее время между несколькими основными областями трудовой деятельности. В качестве основных (ключевых) областей деятельности преподавателя ВУЗа можно выделить преподавательскую и исследовательскую.

Научная социологическая проблема профилирования рабочего времени преподавателя ВУЗа охватывает ряд ключевых вопросов, связанных, в первую очередь, с пониманием социальной динамики и взаимодействия преподавателей друг с другом в плане распределения рабочего времени, что в итоге сказывается на качестве обучения и научных достижений преподавателей. К тому же, постоянно изменяющиеся требования со стороны администрации ВУЗов к содержанию академической профессии под воздействием социально-экономических трансформаций общества играют ключевую роль в подчинении преподавателя заданным рамкам выполнения трудовых функций.

Целью данного исследования является описание профилей распределения рабочего времени преподавателей высшей школы в аспектах их качественного наполнения, возможностей установления необходимого баланса между разными видами работ, а также оценка возможного влияния управленческих стратегий университетов и социально-экономических изменений на трудовую деятельность ППС.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что существует три основных профиля рабочего времени, при которых преподаватели на основе собственных интересов и требований со стороны администрации ВУЗов отдают предпочтение одному из следующих видов работ – преподаванию или исследованию, а также сочетанию данных видов работ в равных временных затратах.

Методология и источники. Педагогическим работникам, отнесённым к профессор-

ско-преподавательскому составу, установлена сокращенная продолжительность рабочего времени – не более 36 часов в неделю (за ставку заработной платы).

Характеризуя рабочее время преподавателей высшей школы, в рамках настоящего исследования были проанализированы следующие документы:

1) Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.12.2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре»);

2) Приказ Министерства образования и науки РФ от 11.05.2016 г. № 536 «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность».

В соответствии с пунктом 7.1.2 Приказа Министерства образования и науки РФ от 22.12.2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре») установлен верхний предел годовой учебной нагрузки в размере не более 900 часов за учебный год. Учитывая данный показатель, высшие учебные заведения (далее – ВУЗ) устанавливают свой предел учебной нагрузки за ставку работы. При этом объём нагрузки может быть дифференцирован в зависимости от занимаемой должности преподавателя. В соответствии с пунктом 7.2 Приказа Министерства образования и науки РФ от 11.05.2016 г. № 536 «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» режим выполнения учебной работы преподавателя регулируется расписанием занятий.

Соотношение разных видов трудовой деятельности в рамках «второй половины дня» преподавателя высшей школы определяется правилами внутреннего трудового распорядка организаций, реализующих образовательные программы высшего образования, планами научно-исследовательских работ, программами, графиками, локальными нормативными актами в зависимости от занимаемой должности работника. Именно работа в рамках «второй половины дня» и характеризует эффективность работы преподавателей.

Для учёта и контроля выполнения норм рабочего времени ежегодно оформляется индивидуальный план преподавателя. Научно-исследовательская работа является одной из ключевых составляющих индивидуального плана, которая направлена на получение и применение новых знаний, в том числе: фундаментальные научные исследования; прикладные научные исследования; поисковые научные исследования [4].

Как отмечают авторы, научно-исследовательская деятельность способствует интеллектуальному росту преподавателя, приобретению им новых знаний, которые можно использовать в том числе при проведении занятий, а также повышает личный престиж преподавателя как ученого [6]. Но в то же время из-за большой трудоёмкости научной работы и больших временных затрат на выполнение данного вида работ у преподавателей остаётся меньше времени на подготовку к занятиям и работу со студентами, что может отрицательно влиять на качество преподавания в целом.

Выбор преподавателей между преподавательской и научно-исследовательской деятельностью обуславливается рядом причин:

- собственные предпочтения преподавателей;
- требования со стороны администрации ВУЗа [1].

Данный выбор определяет как качество выполнения поставленных перед преподавателем задач, так и непосредственно результативность выполнения всех видов работ.

К тому же умение рационализировать трудовые процессы, навыки самоорганизации и креативный подход к выполнению своих задач являются основополагающими факторами успешной деятельности преподавателей [2].

Администрация ВУЗа может существенно влиять на выбор преподавателем того, на какие виды деятельности ему необходимо обратить особое внимание. Данное влияние оказывается путём реализации администрацией некоторых ключевых механизмов управления:

- установление приоритетов и стратегий, вследствие формирования и функционирования которых преподаватели вынуждены делать акцент на научной работе, преподавательской

или административной деятельности;

- распределение учебной нагрузки посредством утверждения локальных нормативных актов. Такие акты позволяют дифференцировать нагрузку в рамках первой половины дня, предоставляя преподавателям возможность уделять больше времени другим видам деятельности. Альтернативным подходом к распределению учебной нагрузки является установление единого предела в 900 часов для всех преподавательских должностей. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает равные условия для всех преподавателей, однако с другой стороны, может ограничивать возможности для развития научной деятельности;

- введение системы поощрений за выполнение тех или иных видов работ, что может помочь стимулировать преподавателей к выбору определённых видов деятельности;

- предоставление ресурсов, финансирование исследований, а также предоставление доступа к лабораториям могут стимулировать развитие исследовательских интересов преподавателей.

Таким образом, не только преподаватели определяют, какие виды деятельности являются для них приоритетными, администрация ВУЗа тоже играет ключевую роль в формировании предпочтений преподавателей, путём поддержки и поощрения, а также акцентирования внимания на определённых аспектах работы.

В некоторых исследованиях изучался вопрос о том, как преподаватели распределяют своё рабочее время по различным сферам деятельности, а также какие виды деятельности наиболее предпочтительны и наиболее трудоёмкие. Kimberly A. French, Tammy D. Allen, Michelle Hughes Miller, Eun Sook Kim, Grisselle Centeno в своём исследовании выделили четыре основных профиля распределения рабочего времени преподавателей [9]:

- 1) классический (classic, включающий в себя сочетание исследовательской и преподавательской направленности трудовой деятельности преподавателя в равнозначной степени);

- 2) исследовательский (research, основной уклон трудовой деятельности делается на научно-исследовательскую работу);

- 3) преподавательский (teaching, где преобладает учебная деятельность);

- 4) сопровождающий (service, сочетающий в себе преподавание и сопровождение).

Вопросы профилирования рабочего времени также изучались Рудаковым В.Н. В соответствии с проведённым исследованием предпочтений преподавателей высшей школы относительно различных видов трудовой деятельности, им было выделено несколько разных карьерных траекторий:

- продвижение по преподавательской линии;

- продвижение по административной линии;

- продвижение по научной линии;

- иные (например, репетиторство или переход на другую работу) [7].

Причём вышеуказанные карьерные линии распределены по убыванию относительно выявленных предпочтений преподавателей.

Таким образом, исследование профессиональной деятельности преподавателей ВУЗов позволяет выделить три основных профиля:

- 1) преподавательский (при котором учебная работа является преобладающим видом деятельности относительно собственных предпочтений преподавателей);

- 2) исследовательский (при котором научная работа является наиболее предпочтительным видом деятельности);

- 3) смешанный (преподавательская и научная деятельность в равных соотношениях).

Исследование различных позиций как российских, так и зарубежных авторов относительно профилирования рабочего времени преподавателя высшей школы показывает, что академическая профессия уникальна и многогранна и включает в себя множество совершенно разных по своему содержанию видов трудовой деятельности. Некоторые авторы отмечают взаимосвязь и взаимодополнение всех выполняемых преподавателями функций. Иные – их взаимоисключение и негативные последствия относительно увеличения времени на выполнение одной функции за счёт уменьшения времени и/или снижения качества выполнения других функций.

Для анализа распределения часов на выполнение преподавательской и научно-исследовательской работы и предпочтений ППС относительно выполняемых ими работ использо-

валились эмпирические данные. Эмпирическую базу исследования составляют вторичные данные опросов профессорско-преподавательского состава организаций высшего образования в рамках Мониторинга экономики образования, проводимых Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2022 году. Данные опроса являются репрезентативными относительно общего количества преподавателей российских ВУЗов. В опросе участвовали сотрудники ВУЗов и научных организаций гражданского сектора [5].

На рисунке 1 представлены данные опроса, которые характеризуют среднее количество времени, которое преподаватели ВУЗов тратят на различные виды трудовой деятельности.

Рисунок 1. Распределение рабочего времени преподавателя ВУЗа относительно различных видов деятельности

При рассмотрении рабочего времени преподавателей высшей школы, выделяемого на выполнение ими своих должностных обязанностей, можно выявить, что большую часть времени (20,9 часов) занимают лекционные и практические занятия в университете по основному месту работы. Указанное среднее количество рабочего времени, которое преподаватели тратят на выполнение работы в рамках «первой половины дня» занимает около 58% от установленной продолжительности рабочего времени (36 часов) для преподавателей высшей школы. Далее 14,5 часов от рабочего времени занимает подготовка к занятиям, индивидуальная работа с обучающимися и подобная работа в рамках учебно-методической и почти в равной степени, 13 часов, занимает научная работа. Данные виды работ в рамках «второй половины дня» составляют 76% от установленной законодательством продолжительности рабочего времени (36 часов). Однако, хоть и заметна разница между фактически затраченным временем на выполнение рабочих функций в ВУЗе по основному месту работы и установленной продолжительностью рабочего времени за ставку, нельзя сделать точный вывод относительно переработки в течение рабочей недели, так как опрошенные преподаватели могут занимать более одной рабочей ставки.

Данное исследование показывает, что преподаватели также заняты подработкой в других университетах, что составляет 20,5 часов от затрачиваемого рабочего времени. Причём научная работа занимает чуть меньше времени (8,1 часов) по сравнению с преподавательской деятельностью (12,4 часов). Также некоторые преподаватели отметили, что занимаются репетиторством и иными частными образовательными услугами, что занимает в среднем 7,9 часа рабочего времени. Это очевидно объясняется желанием преподавателей повысить свой доход.

Работа преподавателя предполагает гибкость в распределении рабочего времени, то

есть возможность самостоятельного планирования своего времени. Однако у преподавателей сложились определённые предпочтения в отношении различных типов профессиональной деятельности (рисунок 2).

Рисунок 2. Самооценка преподавателей ВУЗов относительно своих предпочтений различных типов профессиональной деятельности

Данные, представленные на рисунке, позволяют сделать вывод о том, что в большей степени преподаватели высших учебных заведений предпочитают преподавание (20,6% интересуются только преподаванием и 50,8% больше склоняются к преподаванию).

Одним из основных показателей результативности деятельности преподавателей высшей школы является научная и соответствующая ей публикационная активность. От эффективности выполнения данного критерия зависит как непосредственно репутация и востребованность самого преподавателя, так и методическое и научное обеспечение образовательного процесса и качества образования в целом. Исходя из данных опроса, научной работой интересуются в меньшей степени – 28,6% (из них только 3,7% в первую очередь предпочитают научную работу). При этом в среднем научная работа (как по основному месту работы, так и по совместительству) занимает достаточно весомую часть рабочего времени (13 часов в этом ВУЗе и 8,1 час в других образовательных организациях, рисунок 1).

Причинами, на наш взгляд, являются:

- 1) нежелание и неумение преподавателей заниматься научно-исследовательской работой;
- 2) снижение качества публикаций из-за множественных наукометрических показателей и формализации научно-исследовательской деятельности: количество публикаций и цитирования, индекс Хирша, обязательное количество опубликованных статей в течение года и т.д.;
- 3) высокая занятость в рамках «первой половины дня»;
- 4) коммерциализация науки и образования;
- 5) отсутствие эффективной системы мотивации, способствующей справедливой оценке результатов профессиональной деятельности преподавателя ВУЗа.

Однако есть некоторые меры, способствующие повышению заинтересованности ППС в научно-исследовательской работе:

- 1) организация эффективного баланса рабочего времени между преподавательской и исследовательской работой, в том числе за счёт дифференцирования нагрузки в рамках «первой половины дня»;
- 2) предоставление достаточной финансовой поддержки научных исследований;
- 3) создание университетами инфраструктуры для научных исследований;
- 4) организация научных конференций, семинаров, в том числе с привлечением как ведущих специалистов в различных областях профессиональной деятельности, так и выдающихся учёных;
- 5) разработка комплекса мероприятий по стимулированию научных исследований, в том числе гранты, стипендии и иные виды вознаграждений за успехи в научно-исследовательской работе;

6) организация консультирования при подготовке научных статей к публикации.

Результаты и обсуждение. В зависимости от индивидуальных предпочтений преподавателя можно распределить ППС по следующим профилям:

1) преподавательский (в первую очередь интересуется преподаванием) – 20,6% от общего количества преподавателей, принявших участие в опросе;

2) исследовательский (в первую очередь интересуется научной работой) – 3,7% от общего количества преподавателей, принявших участие в опросе;

3) смешанный (интересуют оба вида деятельности) – 75,7% от общего количества преподавателей, принявших участие в опросе (из них больше склоняются к научной работе – 24,9% и к преподавательской – 50,8%).

Исходя из представленных данных, смешанный профиль является основным среди предпочтений ППС, преподавательский профиль преобладает над исследовательским (как в зависимости от временных затрат, так и в зависимости от индивидуальных предпочтений преподавателей). Изначально смешанный профиль был определен нами как распределение рабочего времени в равных соотношениях между преподавательской и исследовательской деятельностью. Но данные опроса показали, что, несмотря на наличие интереса преподавателей к обеим ключевым областям, очевидно преобладание интереса к конкретной области.

Некоторыми авторами высказывается мнение, что преподавание и научная работа редко совместимы друг с другом, и исследовательская деятельность практически несовместима с преподаванием [3]. Однако, по нашему мнению, преподавание и научную деятельность необходимо рассматривать как взаимодополняющие и взаимосвязанные виды деятельности. Научная работа преподавателя высшей школы позволяет обеспечивать триединство обучения, науки и практики, ввиду непосредственной реализации научных разработок в образовательном процессе и апробации полученных результатов на практике [6].

Заключение. Неоднородность выполняемых преподавателем высшей школы функций, собственные предпочтения преподавателей, а также требования со стороны администрации ВУЗов относительно необходимости и первостепенности выполнения тех или иных видов работ оказывают влияние на распределение рабочего времени преподавателями между двумя ключевыми видами профессиональной деятельности (учебная и исследовательская). Все это подтверждает идею, что выявление и анализ профилей распределения рабочего времени является эффективным инструментом для понимания того, как именно ППС балансирует своё рабочее время. Таким образом, распределение рабочего времени преподавателя высшей школы характеризуется тремя основными профилями, включающими в себя фокус на преподавание, фокус на научно-исследовательскую работу, а также фокус на сбалансированное исследование и преподавание.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ взаимосвязи между профилями рабочего времени преподавателей и их карьерным ростом. Изучение данной взаимосвязи позволит выявить, каким образом распределение рабочего времени влияет на успешность преподавателей в достижении карьерных целей, таких как получение ученого звания, должности, участие в грантах и проектах. Особый интерес представляет изучение предпочтений преподавателей относительно выбора индивидуальных траекторий профессионального развития, включая административную, научно-исследовательскую или преподавательскую деятельность. Полученные данные могут способствовать разработке научно обоснованных рекомендаций по оптимизации рабочего времени преподавателей с учетом их индивидуальных потребностей и карьерных устремлений.

Данное исследование тесно связано с анализом удовлетворённости преподавателей своей работой, а также изучением бюджета рабочего времени в целом.

Анализ профилей распределения рабочего времени преподавателем высшей школы предоставляет социологам важные данные о сложной динамике, протекающей в академической среде, что будет способствовать более глубокому и детальному пониманию системы высшего образования, а также учёту всех возможных факторов, влияющих на содержание академической профессии.

Литература:

1. Данилаев, Д. П. Функционал преподавателя технического вуза: целевые ориентиры / Д. П. Данилаев, Н. Н. Маливанов // *Высшее образование в России*. – 2023. – Т. 32, № 3. – С. 48-66. – DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-3-48-66. – EDN WQENPQ.
2. Зиновьев, Ф. В. Сокращение «поглотителей» рабочего времени преподавателей / Ф. В. Зиновьев, В. А. Дудко // *Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: Сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 16–17 апреля 2020 года*. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 136-140. – EDN NEFARV.
3. Козьмина, Я. Я. Предпочтения преподавателей вузов относительно научной деятельности и преподавания // *Вопросы образования*. 2014. №3.
4. О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
5. Преподавательские практики сотрудников вузов и научных организаций : информационный бюллетень / М. А. Кирюшина, Я. И. Алексеева, В. Н. Рудаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 40 с. – (Мониторинг экономики образования, ISSN 2782-5353 ; № 4 (46))
6. Содержание и организация научно-исследовательской деятельности преподавателя вуза / Н. А. Туебакова, Ж. А. Жунисбекова, Г. А. Асетова [и др.] // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – № 1-3. – С. 430-433.
7. Удовлетворенность работой, карьерные стратегии и планы преподавателей российских вузов : информационный бюллетень / В. Н. Рудаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 36 с. – (Мониторинг экономики образования; № 9). – ISBN 978-5-7598-2592-0
8. Чубий, М. В. Реконструкция социального статуса и роли преподавателя высшей школы в условиях цифровизации образования и удалённого формата работы / М. В. Чубий // *Правовая реальность в условиях цифровизации общества : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск - Южно-Сахалинск, 09–11 ноября 2023 года*. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 74-78.
9. French, K. A., Allen, T. D., Miller, M. H., Kim, E. S., & Centeno, G. (2020). Faculty time allocation in relation to work-family balance, job satisfaction, commitment, and turnover intentions. *Journal of Vocational Behavior*, 120, Article 103443. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103443>

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Кирилина Екатерина Андреевна, магистрант 1 курса программы «Управление пространственным развитием городов», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Kirilina Ekaterina A., 1st year Master's student of the program «Management of Spatial Development of Cities», National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Кирилина Е.А.

Современные подходы к решению проблем повседневной жизни в агломерации: социолого-управленческий аспект

В статье анализируются современные социологические подходы к решению проблем повседневной жизни в агломерации.

Автор отмечает, что крупные мегаполисы, включая Москву, вынуждены рассматривать различные стратегии для развития агломераций, учитывая специфические условия и формирование различных зон.

В статье делается вывод, что современные социологические исследования повседневной жизни жителей городских агломераций предоставляют возможность не только структурировать и классифицировать особенности городской жизни, но и прогнозировать

возможные траектории её развития в контексте глобальной урбанизации и технологических изменений. Это создает основу для разработки эффективных стратегий управления городским развитием и планирования будущего в условиях постоянно меняющейся урбанистической среды. При проектировании и планировании современных городов, сообщества являются основополагающим элементом, который формирует повседневную жизнь на основе построенных материальных объектов.

Ключевые слова: городские агломерации, социологические подходы, «умный город», джентрификация, ментальные карты, «соучаствующее проектирование».

Для цитирования: Кирилина Е.А. Современные подходы к решению проблем повседневной жизни в агломерации: социолого-управленческий аспект // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 39-46.

MODERN APPROACHES TO SOLVING THE PROBLEMS OF EVERYDAY LIFE IN AN AGGLOMERATION: A SOCIO-MANAGERIAL ASPECT

Kirilina E.A.

The article analyzes modern sociological approaches to solving the problems of everyday life in the agglomeration. The author notes that large megacities, including Moscow, are forced to consider various strategies for the development of agglomerations, taking into account the specific conditions and the formation of various zones. The article concludes that modern sociological studies of the daily lives of residents of urban agglomerations provide an opportunity not only to structure and classify the features of urban life, but also to predict possible trajectories of its development in the context of global urbanization and technological change. This creates the basis for developing effective strategies for managing urban development and planning for the future in an ever-changing urban environment. In the design and planning of modern cities, communities are a fundamental element that shapes daily life based on constructed material objects.

Keywords: urban agglomerations, sociological approaches, "smart city", gentrification, mental maps, "collaborative design".

For citation: Kirilina E.A. Modern approaches to solving the problems of everyday life in an agglomeration: a socio-managerial aspect. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 39-46. (In Russ.)

Урбанизация оказывает колоссальное влияние на повседневную жизнь жителей городских агломераций. В крупной городской агломерации концентрируются различного рода социальные группы, которые формируют отдельные зоны городской территории. В целом город подразумевает определенного рода разобщенность среди его жителей, однако в агломерации этот вопрос становится особенно острым.

Формат взаимодействия горожан в ежедневных коммуникациях сопровождается изменением знаков и символов города, в которых снижается социальная значимость семьи, происходит замена первичных контактов вторичными. Негативные аспекты урбанизации отмечал еще Л. Вирт [3]. Американский социолог утверждал, что жители большого города постоянно сталкиваются с раздражителями, участвуют в сотнях сиюминутных взаимодействий. Человек находится в вечном считывании значений, символов, эмоций, знаков. Это приводит к стрессу в городе, что и по сей день отмечают ученые.

Исследуя особенности городского сообщества в целом, Л. Вирт обратил внимание на угасание родственных связей. Развивая идеи Г. Зиммеля о свободе и одиночестве, которые особенно актуальны в городах [4], Луис Вирт полагал, что, с одной стороны, личность в городе получает свободу от контроля со стороны других людей, так как она может выбрать паттерн любой социальной группы. Но с другой стороны, человек может остаться без чувства участия. Данные социальные проблемы, обозначенные выше, играют важную роль в изучении городов [3].

Городская среда формирует условия для развития ментальных заболеваний. По данным King's College London, шанс заболеть депрессией у горожанина выше на 20%, чем у сельского жителя, тревожным расстройством на 21%, а заработать психоз на целых 77% [10]. На это влияет множество факторов, характеризующих городскую жизнь и ее повседневность. Существует проблема давления символов на микроуровне, ведь индивиды постоянно сталкиваются с новыми социальными установками, идеями, которые формируют реальность вокруг. Они могут нести негативный эффект, так как их поток трудноусваем. Это подтверждает идеи, которые продвигали Л. Вирт [3] и Л. Мамфорд [12] в своих работах.

Крупные мегаполисы, включая Москву, вынуждены рассматривать различные стратегии для развития агломераций, учитывая специфические условия и формирование различных зон. Одним из ключевых факторов, влияющих на стратегические решения по развитию территории, является местоположение промышленных зон, которые изначально были основой для роста соответствующего города. В условиях активного расширения территории эти промышленные зоны требуют пересмотра и переосмысления, что является неотъемлемой частью новой фазы урбанизации.

С географической точки зрения, влияние ветра на развитие в особенности восточной части агломерации является значимым фактором в урбанистическом планировании и экологии городских территорий. Во-первых, направление и сила ветров могут определять распределение загрязнителей воздуха. В восточных районах агломераций ветер, который часто направлен от центра к окраинам, может привести к повышенной концентрации вредных веществ, выделяемых промышленными и транспортными источниками. Это создает неблагоприятные условия жизни, формируя неблагополучные социальные группы вокруг. Это касается не только Москвы, как крупной агломерации, но и Лос-Анджелеса или Иерусалима. Подобные районы часто имеют сниженную стоимость жилья, образуя вокруг определенный класс общества. Также ветер влияет на планировку и архитектуру восточных районов агломерации. Например, здания и сооружения могут быть спроектированы так, чтобы минимизировать воздействие сильных ветров или использовать его для улучшения вентиляции.

Кроме того, ветер может способствовать распространению растительности и пыльцы, что важно для формирования городских зеленых зон и садов, особенно в восточной части агломераций, где может быть меньше естественных насаждений из-за городской застройки. Это одно из обоснований для развития неравенства в крупной агломерации [2].

Современная Москва наглядно демонстрирует процесс трансформации подобных промышленных зон. Так, бывшая фабрика «Красный октябрь» теперь совсем не промышленный объект, а инновационный центр компании «Стрелка», которая занимается изучением градостроительства, общественных пространств. То же самое можно сказать и про недавно реконструированное здание бывшей ГЭС- 2, расположенное совсем не далеко от здания

«Красный октябрь». Теперь в здании бывшей электростанции ГЭС-2 располагается музейно-образовательный комплекс «Дом культуры «ГЭС-2».

Подобные изменения сопровождаются процессом джентрификации, при котором бывшие промышленные районы, где проживали представители рабочего класса, становятся новыми культурными центрами, привлекая более состоятельных жителей города, при этом рабочий класс вынужден сменять место жительства из-за повышения цен на бытовые затраты в модернизированном районе. Таким образом, мы видим, как старые промышленные центры обретают новые функции в рамках разрастания агломерации. Это также подчеркивает гибкость крупных агломераций и их стремление к постоянным изменениям. Трансформация подобных сооружений вызвана как социальными, так и экологическими факторами. Ведь переориентация фабрик, загрязняющих воздух, позволяет улучшить экологическую ситуацию в центре Москвы. Однако это не единственный фактор, влияющий на подобные процессы.

Реконструкция старых промышленных объектов наглядно демонстрирует тот факт, что данные сооружения хранят в себе определенную историческую ценность. Символически они определяют будущий облик города, оставаясь на этом месте, но модернизируясь уже в совершенно другой объект, который несет в себе другие функции.

Есть и примеры, показывающие утрату ценности определенных объектов в городах, которые можно наблюдать по всему миру. Например, всем известные соборы, которые сегодня заменены небоскребами. Тем не менее есть некоторые объекты архитектуры, которые пытались снести, однако этого так и не случилось. В Санкт-Петербурге к таким объектам относится здание бывшего ВНИИБ. Научный институт был создан в 1930 году. Еще до войны здесь была разработана технология для производства сульфитной целлюлозы, за что сотрудникам института была присуждена Государственная премия. С 2010-х годов объект принадлежит компании «Альянс Инвест». На месте здания планируют построить многоэтажный жилой дом.

Для жителей Санкт-Петербурга важен исторически сложившийся культурный облик города. Местные жители писали петиции и письма мэру города, чтобы данное здание сохранили.

В процесс формирования повседневности в агломерации важную роль играют именно исторические центры. Они позволяют объединять целые поколения, накапливая коллективную память. При изучении городов России важно выискивать идентичность и специфику каждого пространства, так как это является основой для формирования повседневности, а также впоследствии может стимулировать развитие символической экономики.

При работе с городами России важно учитывать специфику каждого. Сегодня существует множество исследований, которые на основе анализа культурного капитала городов позволяют сформировать представление о будущем территории. Например, творческий коллектив под руководством заведующего Лабораторией исследований культуры Института исследований культуры факультета городского и регионального развития ВШЭ Руслана Хестанова, представил на форуме им. А.А. Высоковского «Доказательная урбанистика: новые вызовы» разработанный экспертами Индекс культурного капитала 78 российских городов. Данный индекс учитывает комплекс показателей для определения уровня и развития элементов культуры. В результате изучения культурных элементов городов ученые выяснили, что Москва с течением времени будет размывать свой статус культурного центра, так как для отдельных индивидов скорость и возможность накопления культурного капитала в мегаполисах оказывается ниже, чем в средних городах [11].

И при изучении агломераций это не перестает быть актуальным, а наоборот, позволяет укрепить еще более сложный конструкт, состоящий из крупного населения. Москва, как крупная агломерация, применяет определенные меры для объединения граждан. Различные мероприятия, фестивали создают пространство для взаимодействия, что позволяет внести в повседневность больше воспоминаний образов, которые накапливают коллективную память. Причем стоит отметить, что вечные проблемы крупных агломераций также могут являться объединяющим фактором. Важно, что они формируют у местных жителей единый образ города, даже если в некоторых местах он может нести негативный окрас. Тем не менее именно для борьбы с разобщённостью в крупных городах, о которой еще писал Г. Зиммель, используются совершенно различные методы [4].

Здесь также стоит сказать, что уже в начале прошлого столетия многие градостроители-

ли отмечали данную проблему и пытались с ней бороться разными путями. Так Роберт Мозес, бывший государственный секретарь Нью-Йорка, в начале прошлого века инициировал строительство множества мостов, парков, общественных пространств. «Он верил, что благодаря его сети парков и скоростных дорог, люди смогут отключаться от стрессов большого города» [10, с.445]. Тем не менее его политика развития города привела его в неоднозначное положение. Он верил в необходимость личного автомобиля и создавал также инфраструктуру под такой образ жизни. Именно при нем произошло разрастание периферии, где люди могли иметь свой дом и свое место. Уже в начале прошлого века в период Великой депрессии формируется идея «побега из города», которая в период работы Роберта Мозеса постепенно рушится. Беды большого города вследствие разрастания территории начали приходить и в пригороды, а именно в виде наркотиков и преступности. Это позволило окончательно осознать, что тихая и спокойная жизни вокруг или в самом большом городе невозможна. Однако это осталось не самой серьезной проблемой. Тем, кто остался в ядре города, было невозможно себя идентифицировать с местными жителями.

Городские агломерации до сих пор ассоциируются не с самым благоприятным местом для жизни. Отрицательные аспекты жизни в городах заставляют людей перебираться в сельские районы, запуская процесс, противостоящий урбанизации — дезурбанизацию [7]. Общество сталкивается с современными вызовами, требуя решений. В 2015 году группа исследователей из «Циркона» провела опрос среди жителей городов, которые решились на переезд в деревню [15]. Исходя из результатов опроса, были выявлены ключевые причины, побудившие их к такому шагу: хорошая экология, близость к природе, обширные пространства, возможность питаться натуральными продуктами, спокойный ритм жизни, проживание в просторных домах с участками, самоосуществление через занятия аграрным трудом и ремесленничеством, а также стремление к гармонии в семейных отношениях [15].

Одним из способов изучения и решения проблем городской жизни является метод ментальной картографии. Он особенно ценен для совершенствования повседневной жизни в городских агломерациях. Однако этого метод является частью подхода дифференциации городского пространства.

Подход к дифференциации городского пространства был предложен как решение двух вопросов, актуальных для российской научной сферы: нехватка данных о развитии в малых городах и отсутствие интегрированной методики изучения городов. Кирилл Пузанов, кандидат географических наук, отмечал, что этот метод был создан для анализа городов России, по которым часто не было доступа к полной статистике [8]. Подход дифференциации городского пространства дает возможность за ограниченный период времени малой исследовательской командой собрать обширный комплект данных, охватывающий множество аспектов городского бытия и предоставляющий возможность рассмотреть город как интегральную сущность.

При изучении повседневности в агломерациях особенно интересна ментальная картография. Ведь именно она позволяет изучить образы, которые возникают в сознании граждан при постоянном взаимодействии с природой пространства [5]. Ментальная картография представляет собой уникальный инструмент, позволяющий глубоко погрузиться в изучение повседневной жизни в крупной агломерации. Этот подход к исследованию городского пространства основывается на образах людей, которые они сформировали благодаря взаимодействию с городской инфраструктурой, что делает его особенно ценным для понимания сложной и многослойной действительности городских районов. Ментальная картография открывает новые горизонты для анализа и интерпретации городского пространства, позволяя видеть за пределами традиционных карт и планов, и дает возможность исследовать, как жители воспринимают и организуют пространство вокруг себя.

Важность ментальной картографии в изучении повседневности крупной агломерации обусловлена несколькими ключевыми аспектами. Каждый человек воспринимает пространство вокруг себя по-своему, основываясь на личном опыте, эмоциях и взаимодействиях. Ментальная карта помогает уловить эти уникальные восприятия и предоставить глубокое понимание того, как различные элементы городской среды влияют на человека. Это позволяет исследователям выявить скрытые связи между личностным опытом и городской средой, что невозможно сделать с помощью традиционных картографических методов или анкетирования.

Причем при анализе полученных ментальных карт получается найти общее между различным опытом восприятия пространства.

Ментальная картография позволяет выявить, как социальные и культурные факторы формируют восприятие городского пространства. Через карты, созданные на основе образов и символов, можно увидеть, какие места считаются привлекательными или неблагоприятными, как формируются границы между "своим" и "чужим" пространством, что в свою очередь раскрывает процессы, происходящие в городском обществе. В агломерации это особенно важно, так как она из ключевых проблем является «отчужденность». Именно благодаря изучению общих символов общества, его видения городского пространства можно заниматься сохранением социальной ткани города.

Городские агломерации находятся в постоянном изменении, и ментальные карты могут отражать эти трансформации с точки зрения жителей или гостей города. Анализ ментальных карт, созданных в разное время, дает возможность проследить, как меняется восприятие городского пространства, какие новые элементы появляются, а какие исчезают из повседневного использования и восприятия. Причем именно ментальная картография базируется на образах и символах. Она позволяет изучить символический капитал города и в действительности увидеть разную ценность каждого объекта в городе. Таким образом, ментальная картография дает возможность изучить особенности повседневности в крупной агломерации, так как она основывается на изучении образов и символов, которые являются базой для феноменологического направления в социологии.

Социология занимает ведущую позицию в создании ментальных карт, обеспечивая уникальный набор инструментов и методических подходов для изучения комплексных социальных явлений и конструкций, влияющих на человеческое восприятие пространства и локации. Исследование ментальных карт, которое включает анализ когнитивных представлений о пространстве, охватывает не только элементы визуализации и пространственной ориентации, но и внимание к социальным, культурным и историческим контекстам, формирующим наше понимание окружающего мира. В этом контексте социология предоставляет основу для исследования этих информационных структур, поскольку она позволяет вникать в социальные динамики, символы и модели восприятия пространства индивидами.

Современные города выходят за рамки своего физического пространства, превращаясь в места, где концентрируется символический капитал. Такой капитал выражается через особые культурные особенности, наследие знаний, общественные убеждения и символику, совместно создающие уникальный характер, идентичность и привлекательность города. Эти элементы вносят свой вклад в эмоциональное состояние как жителей, так и гостей, способствуют укреплению его имиджа и увеличивают его культурное и экономическое значение.

Сейчас увеличение символического капитала города неразрывно связано с процедурой сбора и анализа информации. Благодаря прогрессу в области информационных технологий, у городских органов появилась возможность аккумулировать детальные данные о всех сферах городской жизни, начиная от движения транспорта и потребления энергии и заканчивая образовательными успехами и паттернами потребления.

Эта информация является бесценным ресурсом для совершенствования управления городом, повышения жизненного уровня населения и более целенаправленного планирования его будущего. Причем именно процесс накопления данных позволяет создать почву для развития уже агломерации. Крупным городским образованиям свойственно разрастаться причем как физически, так и виртуальном пространстве. Границы влияния агломераций стираются.

Сбор информации о городе и его обитателях также способствует более глубокому осмыслению культурной и социальной динамики урбанистического пространства. Изучение собранных данных может обнаружить свежие тренды и необходимости, способствовать развитию инклюзивности и укреплению социальных связей. Так, включение данных в процессы городского управления не только повышает его функциональность, но и расширяет символическое значение города, делая его более привлекательным для жителей, предпринимателей и туристов.

Причем стоит отметить, что данные применялись для планирования городов еще в XVIII веке, в особенности после различных катастроф. События в Лиссабоне в 1755 году, вызван-

ные одним из наиболее опустошительных землетрясений в истории, оказались критическим моментом не только для Португалии, но и для эволюции урбанистического проектирования и кризисного менеджмента в городских условиях. Эта катастрофа, лишившая жизни тысячи людей и приведшая к масштабным разрушениям, вынудила правительственные структуры переосмыслить методы управления городской средой и её инфраструктурой.

В ответ на катастрофу, маркиз де Помбал, занимавший пост министра при короле Жозе I, взял на себя ответственность за действия по восстановлению и начал реализацию мер, демонстрирующих ранние примеры сбора информации о городе с целью избежать аналогичных трагедий в будущем. Начальным этапом стал опрос выживших в землетрясении для сбора сведений о происшествии: местоположении людей в момент бедствия, наблюдениях, первых разрушенных зданиях и т.д., что было направлено на глубокое понимание причин и последствий землетрясения.

Используя полученные данные, маркиз де Помбал вместе с коллегами приступили к разработке обновлённого генерального плана Лиссабона. В рамках этого плана особое внимание было уделено строительству по новым нормам, учитывающим устойчивость к землетрясениям, что являлось передовым решением для той эпохи. Кроме того, было предпринято регулирование размеров улиц для обеспечения доступности и упрощения реагирования на возможные бедствия в будущем.

За физической трансформацией города последовало внедрение мер по усилению системы предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации, включая сбор и анализ информации о потенциальных опасностях. Такой подход лег в основу современных механизмов управления в кризисных ситуациях, подчеркивая ценность информации и данных в предотвращении и минимизации последствий бедствий.

Следовательно, землетрясение, произошедшее в Лиссабоне в середине XVIII века, стало ключевым моментом для развития градостроительства и кризисного управления, акцентируя на необходимости аккумуляции и аналитической обработки информации с целью создания более безопасного и адаптивного городского пространства.

Каждый из вышеперечисленных методов подразумевает сбор различных данных среди его жителей, и это очередная плата за жизнь в современной агломерации. Невозможно сегодня представить подход или метод улучшения пространства без методологии сбора новой информации о ее пользователях. Этот процесс кажется необратимым. На примере других крупных агломераций видно, что бесконечное накопление данных стало применимо даже в бытовых вопросах. Например, в Сингапуре по всему городу расположены различные датчики влажности, что позволяет накапливать больше данных о городе, а также развивать его более эффективно. Однако, например, в Москве данные собираются не только с камер по всему городу, но и с личных данных самих жителей. Это позволяет производить более качественные исследования, принимать более эффективные решения, но создает у местных жителей ощущение постоянного контроля.

Здесь интересно разобраться, как местные жители смотрят на эту ситуацию и почему люди соглашаются на постоянный контроль. Ответом снова может стать теория социального обмена, которая была упомянута в предыдущей главе данной работы. Наличие постоянного контроля в крупной агломерации, считывание данных профиля, отпечатков пальцев, паспортных данных, телефонных номеров позволяет создать для жителей более комфортные и безопасные условия жизни. Понимая, что есть ответственные органы, которые хранят информацию и обрабатывают ее, возникают мнимое ощущение безопасности и контроля одновременно.

Активное развитие технологий, как было и при изначальном развитии крупных городов, оказывает колоссальное влияние на устройство городов и сегодня. Видно, как сильно сегодня разрастается база данных, которая бесконечно может перерабатывать массивы данных, накопленные среди населения. Однако вопрос хранения этих данных остается по-прежнему острым.

В результате возникновения новой реальности – агломерации формируется новое направление в урбанистике – «умный город». Также используется термин «цифровой город». Термины «умный город» охватывает широкий спектр стратегий на перекрестке технологического прогресса, политических инициатив, экономических моделей и эффективного управле-

ния. Это направление обещает революционные решения для проблем, стоящих перед гигантскими городскими агломерациями, и направлено на гарантирование их процветания в будущем.

С точки зрения более широкого определения, этот термин включает в себя процесс превращения городских операций в цифровой формат и разработку новых методов мониторинга за жителями. Это подразумевает стимулирование полезных для общества действий и ограничение действий, несущих потенциальный риск. Как было продемонстрировано на примерах городов Киев, Бишкек и Алма-Ата, в евразийском контексте концепция «умного города» преимущественно сосредоточена на аспектах контроля и безопасности [6].

С началом 2010-х годов в секторах бизнеса, информационных технологий и культурных индустрий началась тенденция перехода к экономике, основанной на репутации. Это подразумевает осознание того, что помимо профессиональных качеств и навыков, значимым фактором становится объем и качество социальных связей индивида, которые могут быть оценены как общий показатель его цифровой репутации.

На современном этапе развития городов, когда давно известны их вечные проблемы, возникает необходимость в их решении. Для этого сегодня активно используется и изучается соучаствующее проектирование. Подобный метод делает акцент на активном участии горожан в принятии разного рода решений в городском пространстве. Данный подход сочетает в себе множество методов, которые в том числе учитывают изучение образов городов в сознании его жителей. Здесь видно, как изучение повседневности, которая составляет основу для формирования разных символов и образов, позволяет дать более общую картину о представлении жителями своего места, что упрощает задачу понимания потребностей и запросов пользователей пространства.

Термин «соучаствующее проектирование» был использовано архитектором Санюфф Герни в 2015 году [9]. В своей работе он обозначил определенные принципы работы с местным населением, чтобы повысить эффективность принимаемых решений в городе.

Генри Санюфф, профессор архитектуры и основатель Центра соучаствующего проектирования в Университете Северной Каролины, является одним из ведущих исследователей и практиков в области соучаствующего проектирования. Этот подход к проектированию акцентирует важность привлечения всех заинтересованных сторон, включая будущих пользователей и общественность, к процессу проектирования с целью создания более функциональных, устойчивых и отвечающих потребностям людей проектов.

Санюфф утверждает, что соучаствующее планирование улучшает создание решений, которые в большей степени соответствуют потребностям и предпочтениям пользователей [9]. Он работал над разработкой методов и инструментов, облегчающих этот процесс, в том числе проведением семинаров, анкетированием, мастер-классами и другими методами непосредственного вовлечения горожан.

Через свои исследования и публикации Генри Санюфф вносит значительный вклад в теорию и практику соучаствующего планирования, подчеркивая, что оптимальные решения достигаются путем совместной работы, взаимного обучения и активного включения всех заинтересованных сторон.

В России этот подход начинает применяться в целях решения проблем данных о городах, а также для адаптации к новым вызовам, которые неизменно возникают в городских агломерациях [1]. Несмотря на сложности, связанные с изучением динамично развивающихся мегаполисов, соучаствующее проектирование находит свое применение в городских агломерациях.

Этот подход может быть задействован для реорганизации устаревших или проблемных районов, предоставляя горожанам возможность участвовать в диалоге о будущем их места жительства и влиять на принимаемые решения по улучшению инфраструктуры и предоставлению общественных услуг. Соучаствующее проектирование также позволяет исследовать, как воспринимаются различные аспекты жизни города или его отдельные отрасли, например, в контексте транспортной сети.

Важно отметить, что в соучаствующем проектировании все же возникают и противоречия. С одной стороны, данный метод направлен на пространство и реализацию идей, а с другой стороны – акцент сделан в сторону коммуникации и налаживание связей между различ-

ными агентами, влияющими на общественные пространства. Таким образом, пространство является продуктом соучаствующего проектирования, а коммуникация – результатом данного подхода [2]. Соучаствующее проектирование очень полезно для развития сообществ в городе. Разбираясь в общих проблемах и города, местное население лучше узнает друг друга. Это одна из форм объединяющих практик.

Пример объединяющих практик можно найти в Нью-Йорке. В одной из крупнейших агломераций мира очень остро стоит проблема разобщенности населения. Главы города пытаются решить этот вопрос при помощи различных мероприятий, а также продвижения новых паттернов поведения. В 2023 году в Нью-Йорке начали активно популяризировать общественные огороды, которые располагаются на крышах высотных зданий. Это было сделано с целью создания объединяющих практик среди населения, а также позволило снабдить местных жителей свежими овощами [14]. На основе подобных практик могут формироваться новые сообщества, которые позволяют укрепить социальную ткань города.

Таким образом, современные социологические исследования повседневной жизни жителей городских агломераций предоставляют возможность не только структурировать и классифицировать особенности городской жизни, но и прогнозировать возможные траектории её развития в контексте глобальной урбанизации и технологических изменений. Это создает основу для разработки эффективных стратегий управления городским развитием и планирования будущего в условиях постоянно меняющейся урбанистической среды. При проектировании и планировании современных городов сообщества являются основополагающим элементом, который формирует повседневную жизнь на основе построенных материальных объектов.

Литература:

1. Верещагина Е.И. Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России // *Городские исследования и практики*. – 2021. – Т. 6. №2. С. 13.
2. Вершинина, И. А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи / И. А. Вершинина // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 62-77. – DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-1-62-77. – EDN BQCIQD.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Пер. с англ.; 2-е изд. – М.: Strelka Press, 2018.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. — М.: Strelka Press, 2018.
5. Кирилина Е.А. Ментальная картография как метод изучения повседневной жизни в городской агломерации // *Социально-гуманитарные технологии*. 2024. №2 (30). С. 35-43.
6. Космарский А., Картавец В. (2022) Цифровые технологии репутации в городской повседневности: между капитализмом платформ и государственным социальным рейтингом // *Городские исследования и практики*. Т. 7. No 1. С. 65-74.
7. Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Северьянова Е.Д. (2023) Городской стресс и его предикторы: психологическое исследование // *Городские исследования и практики*. Т. 8. No 1. С. 74–88.
8. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // *Социология власти*. 2013. № 3. С. 27–38.
9. СанOFF, Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов/ Генри СанOFF; пер. с англ.; [ред.: Н. СнИгИрева, Д. Смирнов]. — Вологда: Проектная группа 8, 2015.
10. Сеннет Р. *Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации* / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2016 – С. 445
11. Эксперты вышки разработали инструмент измерения культурного капитала городов [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.hse.ru/post/809> (дата обращения 20.11.2023 г.)
12. King's College London. (2019) *Cities increase your risk of depression, anxiety and psychosis – but bring mental health benefits too*: <https://www.kcl.ac.uk/cities-increase-your-risk-of-depression-anxiety-and-psychosis-but-bring-mental-health-benefits-too> (Дата обращения: 21.11.24)
13. Mumford L. *The city in history: its origins, its transformations, and its prospects*. – N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961.
14. *Vital Places of Refuge in the Bronx, Community Gardens Gain Recognition* [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/25/nyregion/community-garden-bronx-climate-change.html> (Дата обращения: 21.11.24)
15. Voinilov Y., Zadorin I., Maltseva D., Halkina E., Shubina L. (2015) *Iz goroda vselo: potentsial pereseleniya gorozhan v selskuyu mestnost*

ОБ АВТОРЕ:

Киритив Алина Михайловна,
начальник центра социальных медиа,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Технологический университет
имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв,
Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kiritiv Alina M.,
Head of the Social Media Center, Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Technological University named after
twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut
A.A. Leonov", Korolev, Russia

Киритив А.М.

Мониторинг региональной молодежной политики в социологии управления

Данная статья посвящена изучению возможностей проведения мониторинга региональной молодежной политики. В статье рассмотрены основные способы и методы проведения мониторинга, отражена важность его проведения для органов государственной власти, проанализированы основные проблемные факторы и отмечена значимость проведения мониторинга на постоянной основе. Особое внимание уделяется анализу мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации.

В статье делается вывод, что мониторинг реализации молодежной политики в Российской Федерации является качественно необходимой составляющей получения информации о протекающих процессах, помогает выявить возможные трансформации с тем, чтобы вовремя предотвратить нежелательные последствия. Мониторинг становится актуальным методом анализа реализации молодежной политики.

Мониторинг реализации молодежной политики на региональном уровне – важная часть работы государственных органов. Мониторинг молодежной политики на региональном уровне – важная часть работы государственных органов. Объективная картина политической активности молодежи в регионе поможет разработать научно обоснованную стратегию развития и деятельности местных органов власти.

Ключевые слова: мониторинг, молодежная политика, проект, исследование .

Для цитирования: Киритив А.М. Мониторинг региональной молодежной политики в социологии управления // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С.47-53.

MONITORING OF REGIONAL YOUTH POLICY IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Kiritiv A.M.

This article is devoted to the study of the possibilities of monitoring regional youth policy. The article discusses the main methods and methodologies of monitoring, reflects the importance of its implementation for public authorities, analyzes the main problematic factors and emphasizes the importance of monitoring on an ongoing basis.

Special attention is paid to the analysis of monitoring the implementation of youth policy in the Russian Federation.

The article concludes that monitoring the implementation of youth policy in the Russian Federation is a qualitatively necessary component of obtaining information about ongoing processes, helps to identify possible transformations in order to prevent undesirable consequences in time. Monitoring is becoming an important method of analyzing the implementation of youth policy.

Monitoring the implementation of youth policy at the regional level is an integral part of the work of government agencies. An objective picture of the political activity of young people in the region will help to develop a scientifically sound strategy for the development and activities of local authorities.

Keywords: monitoring, youth policy, project, research.

For citation: Kiritiv A.M. Monitoring of regional youth policy in the sociology of management. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 47-53. (In Russ.)

Термин «молодежная политика» вплоть до перестройки не использовался применительно к условиям СССР. Только в 1986 году был поставлен вопрос о необходимости выработки новой и более сильной молодежной политики государства. Утверждение новой концеп-

ции и даже самого термина было делом политической и идейной борьбы. Согласно И. М. Ильинскому, молодежная политика, это система идей и теоретических положений относительно места и роли молодого поколения в обществе, практическая деятельность государства, общественных организаций и других социальных институтов по реализации этих идей и положений в целях формирования и развития молодежи, реализации ее творческих потенциалов в интересах общества [4].

Для современного государства важно участие в политической жизни представителей всех социальных групп населения. В связи с этим, вовлечение молодежи в политическую жизнь является вопросом государственной важности [1, с. 24]. При изучении политической активности молодежи применяют различные методы, в том числе социальный мониторинг. Он позволяет получить объективную информацию о политической активности молодежи реализации молодежной политики как федеральными, так и региональными органами власти.

Цель статьи – проанализировать возможности мониторинга как метода сбора, общения, анализа и оценки информации о реализации молодежной политики в Российской Федерации, в том числе и на региональном уровне.

Специфика естественнонаучной рациональности с точки зрения стратегий исследования во многом отлична от социально-гуманитарной. Особенно рельефно предстает это различие, если в центре внимания оказываются программы так называемой «не-галилеевской» методологии: получившие большую популярность в науках о культуре исследовательские стратегии, направленные на изучение индивидуальных, сингулярных форм бытия социального, для которых количественные закономерности не являются значимыми, как в случае масштабных серийных исследований.

Стратегии микроанализа предлагают не просто научный взгляд на универсум социума и истории с другого ракурса: они позволяют увидеть и проанализировать те «точки бифуркации», в которых на пересечении жизненных миров зарождались новые связи и качества социального, опровергая тем самым априорные схемы, навязанные внешним образом культурно-исторической реальности.

Однако если исследовательским стратегиям социально-гуманитарного знания уделяется должное внимание ещё со времён В. Дильтея, Г. Риккерта и В. Виндельбанда, то механизмы образования понятий в этой сфере и их отличия от естественнонаучных понятий долгое время были на «периферии» исследования – пожалуй, вплоть до постмодернистского «вторжения». Между тем механизм образования понятий и их особенности являются структурообразующими моментами, зримо проявляющимися спецификой той или иной сферы научного познания.

Известно, что в естествознании основные способы образования понятий — обобщение (генерализация) и типизация. Пока естественные науки обладали монополией на формирование стандартов научной рациональности, точно такими же представлялись и доминирующие пути формирования понятий в науках об обществе. Однако после серии «поворотов» и «вызовов», буквально «сотрясавших» социально-гуманитарные науки во второй половине XX в. и сопровождавшей их интенсивной методологической рефлексии, пришло понимание и легитимация того факта, что понятия, выражающие специфику различных форм бытия социального, далеко не всегда формируются таким, скажем так, «неметодическим» образом. И чем больше смещается фокус исследования в сторону индивидуальных, локальных форм бытия социального, тем более это становится очевидным. Модель «структурной социальной науки», бывшая «несущей конструкцией» классической социальной науки, безусловно, не исчерпала свои возможности, но утратила монополию в трактовке социального порядка и его конституирующих принципов. Новые форматы социального, которыми можно было пренебречь с точки зрения классической науки и переставшие быть таковыми в движении к неклассической рациональности, требуют иных форм концептуализации.

Как бы то ни было, многие предметы в социологии можно исследовать только при проведении мониторинга и опроса. Таким образом, новое видение социума и культуры отразилось в стратегиях неклассической рациональности в социально-гуманитарных науках. Им присущи акценты на качественную методологию, внимание к конкретике социального, варьирование масштабов анализа, а также иные, по сравнению с естествознанием, механизмы образования понятий, в большей степени, обусловленные личным и профессиональным опытом

учёного. К таким вопросам относятся и вопросы молодежной политики [2, с. 67].

Изучение социальной структуры общества стало фундаментальной темой в трудах П. Сорокина, который предложил деконструировать исходные элементы структуры в зависимости от характера ценностей, которые объединяют отдельные социальные слои. Таким образом ученый отразил свою мысль о том, что общество имеет различные группы и слои, которые в совокупности являют собой единое целое [10].

В цифровую эпоху социологам для проведения анализа необходимо учитывать виртуальную сторону социального взаимодействия, а также влияние технологического прогресса на все сферы жизни людей. Это касается и нового формата общения – общения в сети, которое так глубоко проникло в жизнь каждого современного человека.

Британский ученый Дж. Урри уделял большое внимание мобильной социологии, анализируя перемещению социальных отношений в виртуальный мир. Дж. Урри рассматривал социальные сети как новую социальную морфологию обществ, где диффузия сетевой логики модифицирует процессы производства, структуры власти, опыт и культуру. [13]. Социологи акцентируют свой интерес на сетях, мобильности и горизонтальной подвижности [13]. В современной социологии мобильность рассматривается конститутивной для экономических, социальных и политических отношений [12].

Исследование социальных сетей и виртуального мира является важной частью социологического анализа общества. Мир пришел к такому формату общения, что люди всех возрастов и поколений общаются при помощи телефонной связи и сети интернет. Практически не осталось людей, кто не использует тот или иной мессенджер. Проводя социологический анализ или мониторинг, необходимо принимать во внимание и социальные сети респондентов. Особенно при изучении социальной активности молодежи [4, с. 78].

Изменения, произошедшие в политической жизни в конце XX века, очень ярко отразились и на обществе в целом. В Советском Союзе обострилось социальное неравенство, появились разнообразные общественные организации и молодежные субкультуры. Молодежь активно включилась в общественную и политическую жизнь страны, стала проявлять свою гражданскую позицию, выходить на протесты. Это позволило начать исследования политической активности молодежи. Ученые начали изучать вопросы, касающиеся политической и социальной активности молодежи, а также выдвигать теории о роли и возможных последствиях участия молодежи в политической жизни страны [9].

Социологические исследования молодежи могут проводиться в информационной, организационной и правовой сферах. Именно эти три сферы максимально открыты для каждого гражданина. Единство этих сфер государственной политики проявляется в объединенных направлениях деятельности:

- росте совокупного уровня информационной осведомленности граждан о работе государственных органов;
- единстве мнения среди политических деятелей и молодых граждан, а также совместном обсуждении и решении проблем;
- росте заинтересованности и участия молодежи в законотворческой деятельности, участии их в создании и реформировании законов и нормативно-правовых актов.

Российскими исследователями разработаны четкие критерии оценки реализации молодежной политики, проводимой в регионах: наличие молодежного центра в муниципальном образовании, наличие молодежного совета при главе муниципального образования, наличие муниципальной программы или подпрограммы по молодежной политике, участие в национальных проектах и грантах и др. Однако, многие эксперты отмечают слабую возможность проведения исследования по оценке молодежной политики в том или ином регионе при помощи большого количества критериев. Так, не все критерии возможно применять в некоторых регионах, в связи с чем, лучшим решением данного вопроса станет выделение нескольких основных критериев оценки, которые стали бы обязательными и отражали бы более корректный результат [8]. Чтобы такой вариант стал возможным, должны быть четко определены цели молодежной политики в регионе, исходя из которых и будут определяться критерии. Конечно, нельзя не отметить и важность соответствия целей и критериев оценки каждому региону, так как они могут отличаться. То есть, разработать полную единую систему оценки молодежной политики в регионе невозможно.

Серьезной проблемой при исследовании молодежной политики является отсутствие четкого результата, на который направлена деятельность молодежной политики. Получается, что, проводя исследование, довольно сложно определить, какие результаты положительные, а какие нет, какой в итоге нужен результат. Это создает большие сложности при создании методик исследования и составления опросов и анкет. Если бы государственно было отрегулировано то, каким характеристикам должна соответствовать молодежь, было бы проще.

В последние десятилетия наблюдается отчетливая тенденция сокращения участия молодежи в политических процессах, низкая явка молодежи на выборы, снижении числа молодых людей, являющихся членами политических партий. В научной литературе высказывается мнение, что молодежь, отказавшись от «традиционных» форм политического участия, заменила их на новые, инновационные форматы [2, с. 57].

Анализ работы органов, занимающихся молодежной политикой, невозможен без социального мониторинга. Необходимо непрерывно отслеживать все показатели вовлеченности молодежи, контролировать их. Академик Т. И. Заславская указывала, что социальный мониторинг – это целостная система отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массового представления о них для того, чтобы обеспечить общество достоверной, своевременной и достаточно полной информацией [3].

По мнению Шадринной Л. Ю., мониторинг, с одной стороны, это деятельность по сбору и использованию информации, с другой – средство для обеспечения эффективного функционирования системы прогнозирования [11, с. 320]

Мониторинг в сочетании с другими методами комплексную оперативную и адекватную оценку социальных ситуаций, позволяющую осуществлять эффективное прогнозирование и выработку оптимальных управленческих решений.

Мониторинг в данной статье определяется как систематическая, комплексная и плановая деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о положении молодежи, молодых семей и молодежных общественных объединений в Российской Федерации. Он важен, потому что позволяет не только проанализировать, насколько молодежь вовлечена в работу политических деятелей, но и для того, чтобы понять динамику отношения молодежи к действующим государственным органам и принятым государственным законам.

На сегодняшний день проведение мониторинга работы государственных органов, которые занимаются молодежной политикой, очень важная часть исследований. Именно мониторинг помогает оценить ситуацию в регионе и в стране в целом, а также, оценить качество реализации молодежной политики и государственной власти. Мониторинг позволяет оценить настрой молодежи в том или ином регионе. Так, на сегодняшний день, органы, реализующие молодежную политику, сталкиваются с большим количеством мониторингов, однако, реальность заявленных в них данных до сих пор нельзя назвать стопроцентной. Но, органы, контролирующие эти вопросы, активно работают над этим. Многие исследователи отмечают, что важной частью для становления личности является построение планов и целей на будущее [1, с. 162]. Именно так и происходит взросление и становление полноценного гражданина – с постановкой целей и определением дальнейшего жизненного пути в будущем.

На сегодняшний день в Российской Федерации проводится большое количество мониторингов, связанных с жизнью и деятельностью молодежи, из которых в дальнейшем складывается целостная картина молодежной политики. К таким мониторингам можно отнести: Мониторинг культурной активности молодежи Российского центра культурных инициатив, Мониторинг образовательных программ для молодежи Министерства науки и высшего образования РФ, Мониторинг здоровья молодежи Министерства здравоохранения РФ, Мониторинг участия молодежи в общественной жизни Фонда «Общественное мнение» и Мониторинг состояния молодежной занятости Росстата. Проанализировав каждый из них, выделяется ряд основных проблем: недостаток информации, низкий отклик на опросы, устаревшие методики оценки и др.

В октябре 2022 года Правительством Российской Федерации было принято постановление «Об утверждении Правил осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации» [7]. В данном документе были определены правила осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации; перечень обязательной информации, подлежащей мониторингу реализации молодежной политики в Россий-

ской Федерации; перечень обязательной информации, подлежащей включению в доклад о положении молодежи в Российской Федерации.

Согласно Положению, мониторинг представляет собой систематическую, комплексную и плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о положении молодежи, молодых семей и молодежных общественных объединений в Российской Федерации.

Основными объектами мониторинга являются молодежь, молодые семьи, результаты реализации молодежной политики в Российской Федерации, инфраструктура молодежной политики в Российской Федерации, а также молодежные общественные объединения [7].

Ответственность за проведение мониторинга реализации молодежной политики на федеральном уровне возложена на Федеральное агентство по делам молодежи с участием Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики.

На уровне субъекта Российской Федерации мониторинг реализуется исполнительным органом по вопросам субъекта Российской Федерации. На муниципальном уровне – органом местного самоуправления.

Мониторинг проводится ежегодно. Методики расчета показателей мониторинга (за исключением методик, включенных в официальную статистическую методологию) утверждаются приказами федеральных органов исполнительной власти, которые являются ответственными за представление данных по показателям мониторинга [7].

В перечень обязательной информации, подлежащей мониторингу в частности входит:

- демографические показатели молодежи;
- социально-экономическое положение молодежи;
- уровень образования молодежи, включая долю молодежи, имеющей среднее общее и (или) среднее;
- данные о мероприятиях, реализованных органами власти, обеспечивающими реализацию молодежной политики в Российской Федерации;
- сведения о мероприятиях, направленных на обеспечение: межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде и предотвращения формирования экстремистских молодежных объединений и иных проявлений идеологии экстремизма, национализма.

На основании анализа данных, полученных в ходе мониторинга, становится возможным получить целостную картину молодежной политики региона или страны. К таким показателям следует отнести:

- интерес;
- политическую активность;
- политическое участие;
- инициативность и др. [8, с. 34].

Проведение мониторинга молодежной политики сталкивается с рядом проблем. Основная из них – нежелание молодежи участвовать в мониторинге. Если рассмотреть эту проблему, то можно отметить, что именно применение мониторинга помогает в решение многих проблем, среди которых:

- стимулирование политической вовлеченности молодых граждан на различных уровнях;
- возможность применения адресных отборочных методов применения демократических способов проведения государственной деятельности;
- анализ действительного воздействия молодых граждан на процессы реформирования и совершенствования политики государства;
- создание и запуск прямой связи между органами власти, а также информирование граждан о том, какая государственная политика проводится в стране или регионе относительно молодежи, основываясь на различных государственных решениях, применяемых в стране или регионе;
- сопоставляет и преобразовывает в единое целое все данные, необходимые для того, чтобы создавать планы реализации молодежной политики, а также составлять прогнозы и стратегии развития.

Молодежная политика во многом определяется имеющимися ресурсами. Поэтому выборка мониторинга по субъектам формируется исходя из возможностей субъекта. Молодежная политика основывается на возможностях для молодежи, которые могут ей предоставить органы власти. К этим возможностям относятся социальные, экономические, и культурные возможности, которые реализуют органы власти, работающие с молодежью.

Применение мониторинговых исследований динамики молодежной среды в местных сообществах трудно переоценить. Наряду с этим, при анализе региональной молодежной политики нельзя ограничиваться только мониторингом. В комплексе с ним следует применять и другие способы проведения исследований, такие как массовый опрос, фокус-группы, экспертные опросы и др. Следует использовать адекватные диагностические методики, комплексные техники политологического анализа. Это позволит в сфере муниципальной молодежной политики решить задачи мотивации политической активности молодежи:

- во-первых, оценить уровень конгруэнтности молодежной инфраструктуры (на примере г. Москвы) реальным проблемам, интересам молодежи;
- во-вторых, выявить степень конгруэнтности молодой личности как права быть субъектным в самоопределении политической идентичности в контексте приоритетов государственной молодежной политики;
- в-третьих, определить уровень баланса между интересами государства, местного самоуправления, молодежи в отношении развития и самореализации социального и политического потенциала молодого поколения, интеграции и реинтеграции в процессы преобразования с учетом потребностей, запросов молодых людей, имеющих право выбора системы политических координат;
- в-четвертых, формировать и развивать политическую культуру молодежи средствами гражданско-патриотического и политического воспитания.

Комплексный подход к изучению молодежной политики позволят решать многие ее задачи, среди которых:

- оценка уровня возможностей инфраструктуры определенного региона к решению проблем;
- определение уровня принятия молодежью себя как гражданина, являющимся активным источником власти, а также, способным ее менять и совершенствовать, то есть, быть причастным с реализации государственной власти;
- определение уровня баланса между государственными органами и их интересами, и интересами молодежи, особенно касаясь вопросов реализации власти и молодежной политики, а также определение возможного потенциала молодых людей в регионе исследования;
- формирование и совершенствование культуры причастности к политической и государственной власти среди молодежи путем гражданско-патриотического воспитания.

Таким образом, мониторинг реализации молодежной политики в Российской Федерации является качественно необходимой составляющей получения информации о протекающих процессах, помогает выявить возможные трансформации с тем, чтобы вовремя предотвратить нежелательные последствия. Мониторинг становится актуальным методом анализа реализации молодежной политики.

Мониторинг молодежной политики на региональном уровне – важнейшая часть работы государственных органов. Объективная картина политической активности молодежи в регионе поможет разработать научно обоснованную стратегию развития и деятельности местных органов власти.

Литература:

1. Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки №6 2022, 175 с.
2. Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2020, с. 56-64
3. Заславская Т. И. Российское общество на переломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, 1997. 298 с.
4. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого // Вузовский вестник. - 2021. - №3 (75). – 135 с.

5. Морозова, Н. И. Социальное воспитание и профессиональное самоопределение молодежи в современном российском обществе // С. И. Григорьев, Л. Г. Гусляков, Т. Н. Мартынова, Н. И. Морозова, Л. К. Синцова. Барнаул - Кемерово: НП «АзБука». - 2023. - 219 с.
6. Пикулькин А.В. Система государственного управления: Учебник для вузов.- 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИШ-ДАНА, 2020.- 399 е., 201 с.
7. Постановление Правительства РФ от 15.10.2022 N 1840 (ред. от 25.10.2024) "Об утверждении Правил осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации, Правил подготовки доклада о положении молодежи в Российской Федерации, перечня обязательной информации, подлежащей мониторингу реализации молодежной политики в Российской Федерации, и перечня обязательной информации, подлежащей включению в доклад о положении молодежи в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429385/437cc4dd4a072177023352c10bbb1b1d33eae30c/ (дата обращения 01.02.2025)
8. Попова, Н. В. Нормативное правовое обеспечение государственной молодежной политики в Российской Федерации: учебное пособие // Н. В. Попова, Е. В. Осипчукова, М. А. Бедулаева, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 140 с.
9. Проектирование государственной молодежной политики в практике муниципального управления // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 9. 158 с.
10. Сорокин П.А. Заметки социолога: Социологическая публицистика. // П.А. Сорокин – СПб.: Алетита, 2000. 178 с.
11. Шадрина Л. Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. №126. 319-325/
12. *Mobile Methods* / Ed. by M. Vьscher, J. Urry, K. Witchger. Abington, New York: Routledge, 2011.
- Urry J. *Sociology Beyond Societies*. London: Routledge, 2000b

ОБ АВТОРАХ:**Костюк Ирина Валерьевна,**

Член совета директоров Национальной Федерации профессиональных менторов и коучей, глава Комитета по взаимодействию с госструктурами, автор и преподаватель программ развития руководителей в РАНХиГС, Нетология и др., Москва, Россия

Кирилина Татьяна Юрьевна,

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Kostyuk Irina V.,**

Member of the leadership council of the National Federation, professional mentors and coaches, head of the Technical Council for interaction with government agencies, author and teacher of executive development programs at RANEPА, Netology, etc., Moscow, Russia

Kirilina Tatiana Yu.,

Doctor of Sociology, professor, professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Костюк И.В., Кирилина Т.Ю.

Барьеры при внедрении недирективных методов в систему управления органов власти РФ и госорганизаций

В статье рассматриваются барьеры при внедрении недирективных методов управления в систему управления органов власти РФ и государственных организаций.

На основе анализа результатов проведенного экспертного опроса выявлены ключевые факторы, препятствующие внедрению недирективных методов, проанализированы барьеры и возможности их преодоления.

Ключевые слова: стили управления, методы управления, недирективные методы управления, директивные методы управления, коучинговый стиль управления, коучинг в управлении, коучинг, менторство, менторинг, развивающее наставничество, государственное управление.

Для цитирования: Костюк И.В., Кирилина Т.Ю. Барьеры при внедрении недирективных методов в систему управления органов власти РФ и госорганизаций // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С.54-65.

BARRIERS TO THE IMPLEMENTATION OF NON-DIRECTIVE METHODS IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF RUSSIAN AUTHORITIES AND GOVERNMENT ORGANIZATIONS

Kostyuk I.V., Kirilina T.Yu.

The article examines the barriers in the implementation of non-directive management methods in the management system of government authorities of the Russian Federation and government

organizations.

Based on the analysis of the results of the conducted expert survey, key factors preventing the introduction of non-directive methods have been identified, barriers and opportunities to overcome them have been analyzed.

Keywords: management styles, management methods, non-directive management methods, directive management methods, coaching management style, coaching in management, coaching, mentoring, developing mentoring, public administration.

For citation: Kostyuk I.V., Kirilina T.Yu. Barriers to the implementation of non-directive methods in the management system of Russian authorities and government organizations. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 54-65. (In Russ.)

Современные условия функционирования органов власти и государственных организаций характеризуются возрастающей сложностью управленческих задач, необходимостью быстрой адаптации к изменениям внешней среды и возрастающими требованиями к эффективности деятельности. Принятая на государственном уровне концепция клиентоцентрично-

сти [5], тренд на человекоцентричность в управлении [4], масштабная цифровая трансформация, а также вызовы рынка труда [3] требуют новых подходов к организации управленческих процессов.

В этих условиях привычные директивные методы управления не всегда способны обеспечить необходимую гибкость и эффективность. Недирективные методы управления, основанные на вовлечении сотрудников, раскрытии их потенциала, стимулировании инициативы и развитии самостоятельности [1; 2], становятся важным инструментом повышения результативности деятельности современных организаций. Они способствуют созданию более гибкой, адаптивной и человекоориентированной системы управления, отвечающей вызовам современности [3].

Недирективные методы управления и развития имеют высокий потенциал для повышения эффективности и результативности деятельности организаций. Они основаны на вовлечении сотрудников в самостоятельный поиск и принятие решений, сохраняют субъектность сотрудника в управленческих отношениях и способствуют развитию сотрудников. Среди таких методов можно назвать, например: консультирование при принятии решений, фасилитацию, делегирование полномочий и ответственности, менторство (менторинг), коучинг [1].

Однако, несмотря на признание преимуществ недирективных методов и широкое внедрение их в бизнес-организациях, их практическое применение в органах власти и государственных организациях сталкивается с существенными препятствиями. К ним относятся: устоявшиеся бюрократические структуры, иерархичность управления, преобладание директивных стилей руководства, недостаточная осведомленность руководителей о недирективных подходах, ограниченная готовность руководителей и сотрудников к изменениям, а также барьеры, связанные с нормативно-правовым регулированием и ресурсным обеспечением. Существует явное противоречие между потребностью в инновациях и сохраняющимися традиционными практиками управления, что сдерживает развитие системы государственного управления. Поэтому важно изучать факторы, которые влияют на процесс внедрения этих методов.

Цель статьи – выявить и проанализировать факторы, препятствующие внедрению недирективных методов в систему управления в органах власти РФ и госорганах на основе анализа экспертного опроса, а также предложить рекомендации по использованию социально-управленческих механизмов, способствующих внедрению таких методов.

Методология и результаты исследования

Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса экспертов «Готовность государственных организаций, органов власти и органов местного самоуправления РФ к внедрению недирективных методов в систему управления», проведенного нами осенью 2024 года. В исследовании приняли участие 60 экспертов в возрасте от 32 до 56 лет из 28 субъектов Российской Федерации. Более трети экспертов представляют органы власти субъектов РФ (38,3%), и государственные организации (38,3%), каждый пятый – государственные органы власти (21,7%). Один эксперт представляет муниципальные органы.

Результаты исследования представлены по четырем направлениям: 1. Актуальное состояние внедрения недирективных методов управления; 2. Барьеры при внедрении недирективных методов; 3. Специфика государственных организаций; 4. Текущая практика применения недирективных методов. Рассмотрим их подробнее.

1. Актуальное состояние внедрения недирективных методов управления

Согласно полученным данным опроса, по мнению экспертов около половины руководителей в организациях (48,3%) или совсем не знакомы с недирективными методами управления, или имеют о них поверхностное представление. Лишь 4 из 60 опрошенных экспертов полагают, что руководители в организациях обладают полной информацией о такого вида методах управления (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: По Вашему мнению, насколько руководители в Вашей организации осведомлены о недирективных методах управления, их инструментах, условиях применения и эффективности?

Осведомленность руководителей организаций о недирективных методах управления, их инструментах, условиях применения и эффективности	Частота	%
Практически не осведомлены	6	10,0
Имеют поверхностное представление	23	38,3
Имеют достаточное представление	12	20,0
Осведомлены хорошо	15	25,0
Обладают полной информацией	4	6,7
Всего	60	100,0

При этом подавляющее большинство опрошенных экспертов (88,3%) признают важность использования недирективных методов управления в работе руководителя: около половины экспертов (48,3%) считают это крайне важным, еще 40% - скорее важным (табл.2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: Насколько важным Вы считаете использование недирективных методов управления в работе руководителя?

Насколько важным Вы считаете использование недирективных методов управления в работе руководителя	Частота	%
Скорее не важно	2	3,3
Затрудняюсь ответить	5	8,3
Скорее важно	24	40,0
Крайне важно	29	48,3
Всего	60	100,0

Более трех четвертей опрошенных экспертов (78,3%) считают очень важным для себя развивать свои управленческие компетенции в области недирективных методов управления (табл.3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Насколько важно для Вас развивать свои управленческие компетенции в области недирективного управления?

Насколько важно для Вас развивать свои управленческие компетенции в области недирективного управления?	Частота	%
Скорее не важно	1	1,7
Затрудняюсь ответить	2	3,3
Скорее важно	10	16,7
Очень важно	47	78,3
Всего	60	100,0

Наряду с этим, менее шестой части экспертов (15,2%) готовы самостоятельно оплатить обучение и/или коуч-сопровождение. Большинство (81,6%) считают, что оплата обучения и/или коуч-сопровождения должна производиться организацией (в том числе, 44,6% предпочитают внешнее обучение и/или коуч-сопровождение, а 37% - внутреннее обучение и/или коуч-сопровождение) (рис. 1).

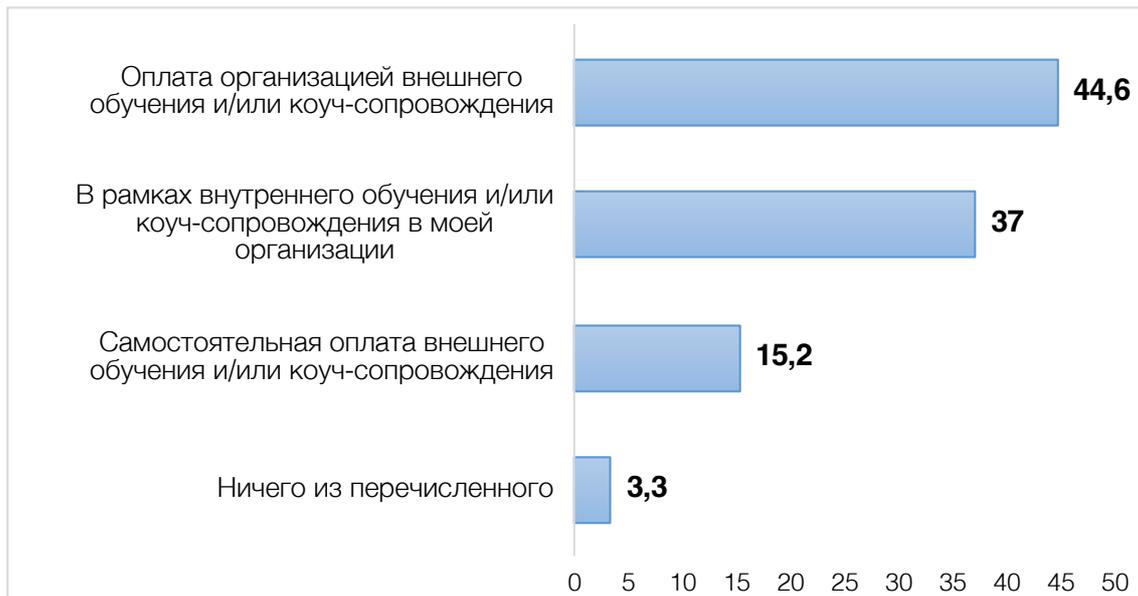

Рисунок 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: «При каких условиях Вы были бы готовы развивать Ваши управленческие компетенции в области недирективного управления?»
(можно выбрать несколько вариантов) (в %)

2. Барьеры при внедрении недирективных методов

На основе анализа результатов экспертного опроса нам удалось выявить группы факторов, затрудняющих внедрение недирективных методов. В рамках данного исследования важно было узнать мнение экспертов о сложностях, которые испытывают руководители при внедрении недирективных методов в свою практику. По мнению экспертов, к основным сложностям, которые испытывают руководители при внедрении недирективных методов в свою практику следует отнести следующие:

2.1. Недостаточная осведомленность руководителей и сотрудников о недирективных методах управления:

- отсутствие осведомленности и понимания руководителями недирективных методов:
 - «Непонимание системы внедрения и возможностей (результата). Боязнь новизны и неуправляемости ситуацией» (жен., 44 года);
- дефицит знаний и опыта применения недирективных методов:
 - «На мой взгляд, руководители недостаточно владеют знаниями и инструментами по внедрению недирективных методов в свою практику» (жен., 51 год);
- нехватка специалистов, профессионально владеющих инновационными инструментами работы с персоналом:
 - «Мало наглядных примеров и наставников по внедрению опыта недирективного управления» (жен., 50 лет);
- отсутствие систематического обучения и развития управленческих компетенций в данной области.

2.2. Отсутствие культуры и традиции применения директивных методов управления, консерватизм:

- отсутствие традиции применения директивных методов управления:
 - «...неготовность руководителей не использовать авторитарный метод управления» (жен., 52 года);

- «Сложно внедрять в устоявшуюся корпоративную культуру, исторически строящуюся на директивных методах» (жен., 49 лет);
- «Сопротивление системы, выстроенной директивным методом» (жен., 41 год);
- «В гос. структуре недирективные методы применяются редко, если только в виде наставничества. Исторически так принято» (жен., 33 года);
- «Традиция работать по «пинку». Слабая исполнительная дисциплина. Нежелание брать ответственность за принятые решения. Типа, «а вдруг руководителю не понравится»? «А что скажет директор?» и тд» (жен., 53 года, Москва);
- устоявшаяся корпоративная культура, отсутствие желания что-либо менять:
- «Отсутствии практики и желания» (муж., 45 лет);
- «Нежелание учиться новому и нехватка свободного времени» (жен., 36 лет);
- «Устоявшаяся модель подхода к управлению» (муж., 47 лет);
- «В большой структуре сложно эскалировать инициативы по внедрению недирективных методов. Существующая система управления сильно ограничивает локально применяемые методы и снижает их эффективность (чем больше структура, руководитель которой применяет НМ управления, встроена в своей функциональной части в общие бизнес процессы, тем меньше эффект)» (жен., 46 лет);
- «Консерватизм» (муж., 40 лет);
- боязнь руководителей подорвать свой авторитет:
- «Страх руководителя, что внедрение недирективных методов может стать причиной подрыва авторитета руководителя» (жен., 48 лет);
- «Недирективного руководителя подчиненные часто воспринимают как мягкотелого, не умелого, слабого. Как следствие, не воспринимают всерьез» (жен., 53 года).

2.3. Сопротивление изменениям:

- со стороны сотрудников:
- «Непонимание и сопротивление сотрудников» (муж., 53 года);
- «Сопротивление сотрудников, не готовых брать на себя ответственность....» (жен., 52 года));
- со стороны руководителей:
- «Сложно перестроить свое мышление» (жен., 45 лет);
- «Закостенелость руководителей, внутреннее отторжение изменений» (муж., 41 лет);
- «В первую очередь, психологические: страх ослабления контроля, страх делегирования полномочий, страх разделения ответственности» (жен., 50 лет).

2.4. Ограниченные ресурсы:

- дефицит времени на внедрение новых методов:
- «Нехватка времени» (муж., 52 года);
- «Отсутствии временного и морального ресурса для изучения + отсутствие поддержки развития данной темы среди вышестоящих руководителей» (муж., 36 лет);
- «Нехватка времени и персонала, отсутствие инициативы и желания» (жен., 49 лет);
- ограниченные финансовые возможности:
- «Отсутствии финансовой возможности обучению или привлечения профессиональных кручей» (жен., 40 лет);
- «Отсутствии сложившейся практики использования не директивных методов управления в госорганах региона, отсутствие компетенций в этой области, ограниченность бюджета» (жен., 42 года);
- «Финансовые затраты» (жен., 45 лет, Москва);
- нехватка квалифицированных специалистов:
- «Отсутствии компетентных специалистов в этой области» (жен., 48 лет).

2.5. Нормативно-правовое регулирование и поддержка со стороны вышестоящего руководства:

- отсутствие нормативного закрепления недирективных методов управления:
- «Не закреплено нормативно, как осуществление наставничества» (жен., 48 лет);
- «Отсутствии нормативного закрепления возможного использования на госслужбе недирективных методов управления, и как следствие отсутствие финансирования для обучения внешних сотрудников» (жен., 48 лет);

- недостаточная поддержка со стороны вышестоящего руководства:
 - «Нет поддержки со стороны вышестоящего руководства» (жен., 40 лет);
 - «Для внедрения данного стиля управления, необходимо чтобы стиль недирективных методов управления был применён на всех уровнях» (жен., 48 лет);
 - «Непринятие или незнание подобных методов вышестоящим руководством» (жен., 40 лет).

2.6. Специфика работы в государственных организациях (бюрократия, высокая иерархичность и пр.) – на этом факторе стоит остановиться отдельно.

Лишь одна женщина –эксперт призналась, что в ее организации затруднений такого рода нет:

- «Препятствий нет. Методы выбираются руководителями исходя из своего стиля и опыта, а также стоящих перед ними задач» (жен., 52 года).

3. Специфика государственных организаций

Исследование выявило ряд особенностей государственных организаций, влияющих на внедрение недирективных методов управления. Три четверти опрошенных экспертов (75%) сообщили о том, что в их организациях внедрена или внедряется цифровизация деятельности. Более двух третей экспертов (68,3%) указали на то, что в их организациях внедрена или внедряется концепция клиентоцентричности. Более половины экспертов (53,3%) отметили потребность в инициативе и самостоятельности сотрудников в принятии решений и внесении предложений по рабочим процессам. Более трети экспертов (38,3%) к особенностям своих организаций отнесли применение командных форм организации труда. Около четверти участников опроса (23,3%) признались, что в их организациях достаточно простого соблюдения регламентов (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Какие особенности из перечисленных отличают Вашу организацию?» (можно выбрать несколько вариантов) (в %)

Подавляющее большинство экспертов (80%) к основным особенностям в работе государственных организаций отнесли бюрократизм. Три четверти экспертов (76,7%) важной характеристикой государственных организаций считают ограниченные возможности влияния на материальное вознаграждение. Почти три четверти экспертов (71,7%) отметили нехватку

специалистов, профессионально владеющих инновационными инструментами работы с персоналом. Более двух третей экспертов (70%) указали на повышенный уровень ответственности и давления и на сложности с привлечением персонала (63,3%). Почти половина экспертов (48%) наблюдают ускоренное выгорание сотрудников (рис.3).

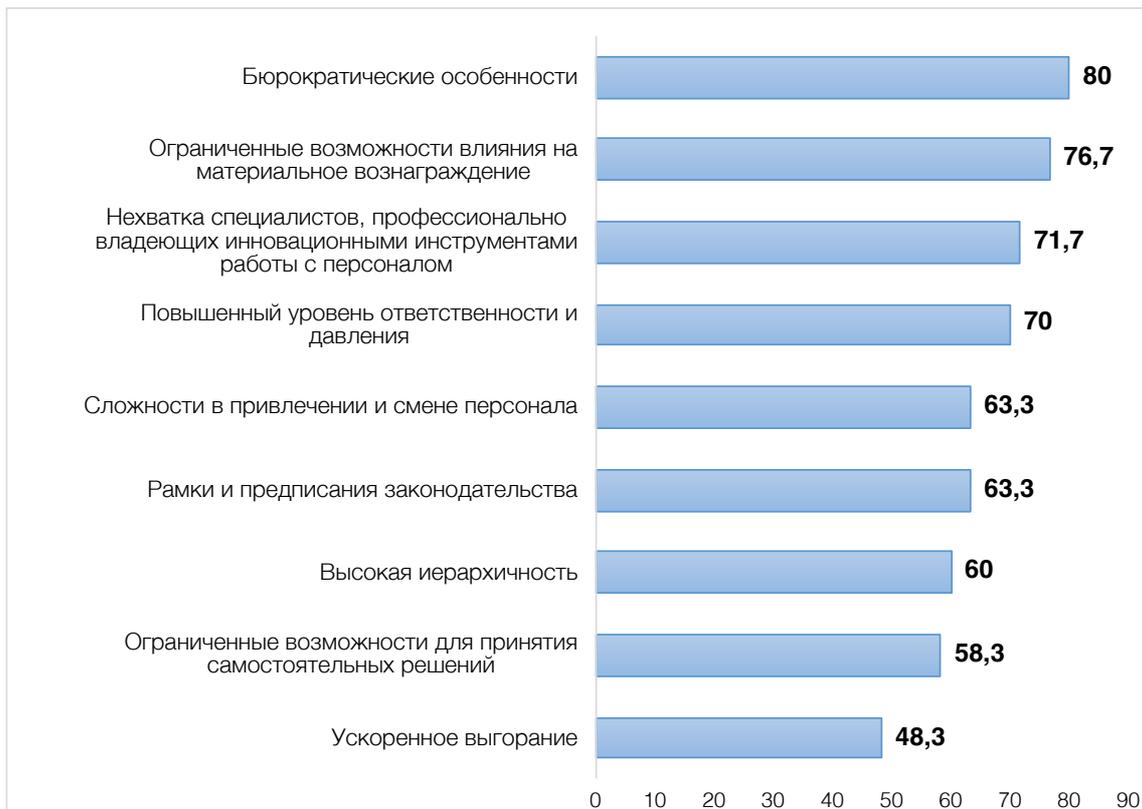

Рисунок 3. Распределение ответов экспертов на вопрос: Какие из нижеперечисленных характеристик отличают работу в государственных организациях, по Вашему опыту? (%)

4. Текущая практика применения недирективных методов

Почти половина экспертов, принявших участие в исследовании (45,3%), отметила, что в их организации в наибольшей степени используют директивные методы управления. Немного меньше (41,7%) указали, что у них в равной степени применяют как директивные, так и недирективные методы управления. Преимущественно недирективные методы управления практикуются только в десятой части организаций, которые представляли эксперты (рис. 4).

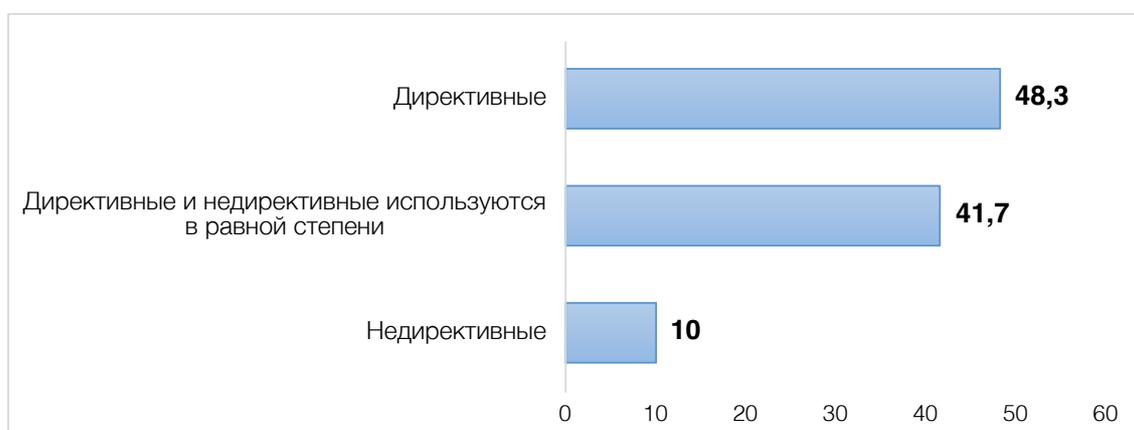

Рисунок 4. Распределение ответов экспертов на вопрос: С Вашей точки зрения, какие методы управления используются в Вашей организации в наибольшей степени? (в %)

Исследование продемонстрировало, что в отечественных государственных организа-

циях, органах власти и местного самоуправления недирективные методы управления и развития персонала применяются несистемно. Такое мнение выразили почти три четверти экспертов, принявших участие в исследовании (73,3%).

Только 3 из 60 экспертов полагают, что в их организациях широко и системно внедрены недирективные методы управления и развития персонала (рис.5).

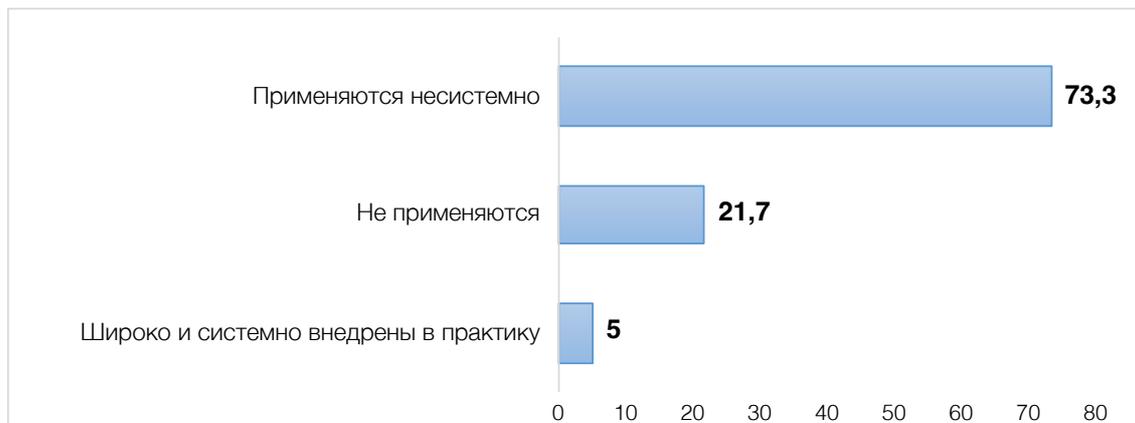

Рисунок 5. Распределение ответов экспертов на вопрос: Применяются ли в Вашей организации недирективные методы управления и развития персонала? (в %)

В отечественных государственных организациях, органах власти и местного самоуправления широкое распространение получила система традиционного наставничества. На это указали две трети экспертов (65%). Более половины экспертов (51,7%) отметили, что в их организациях действует система адаптации новых сотрудников, но лишь каждый пятый эксперт (21,7%) отметил наличие системы адаптации для сотрудников на новой должности. Система развивающего наставничества (менторства) была отмечена только 7 экспертами.

Коучинговый стиль управления крайне слабо представлен в отечественных государственных организациях и органах власти. Только в три эксперта указали, что в их организациях есть подготовленные коуч-компетентные руководители. Лишь в пяти организациях осуществляется Коучинг силами штатных внутренних коучей организации. Коучинг силами привлеченных внешних коучей проводится только в двух организациях из Москвы и Московской области (рис.6).

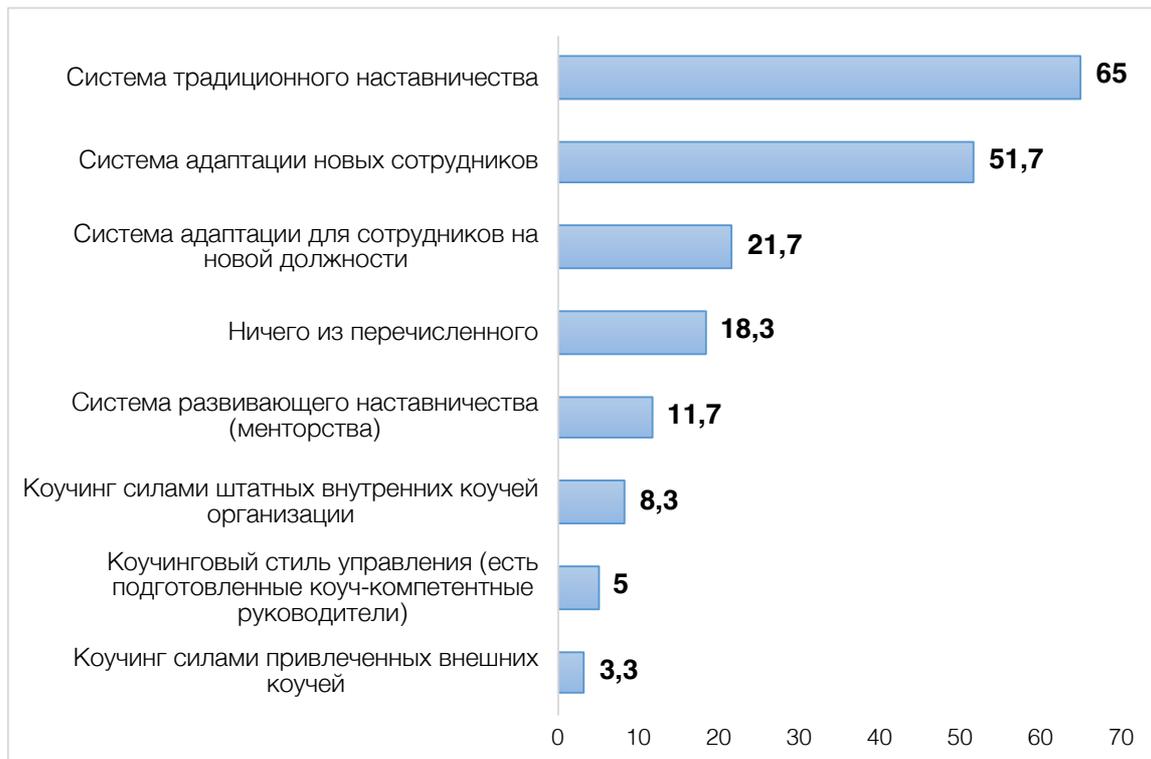

Рисунок 6. Распределение ответов экспертов на вопрос: Что из нижеперечисленного применяется в Вашей организации? (можно выбрать несколько вариантов) (в %)

Наряду с этим, эксперты выразили большую заинтересованность во внедрении в практику организаций менторства и коучингового стиля управления. Две трети участников исследования (61%) высказались за создание в их организации системы развивающего наставничества (менторства). Треть экспертов указали, что в их нужны подготовленные коуч-компетентные руководители (32,2%) и/или коучинг должен осуществляться силами привлеченных внешних коучей (32,2%) (рис. 7).

Рисунок 7. Распределение ответов экспертов на вопрос: Что из нижеперечисленного, на Ваш взгляд, необходимо внедрить в Вашей организации? (в %)

Таким образом, существует значительный разрыв между реальной практикой применения директивных и недирективных методов управления и развития персонала в государственных организациях, органах власти и местного самоуправления и тем, какие методы необходимо применять в современных условиях (рис. 8).

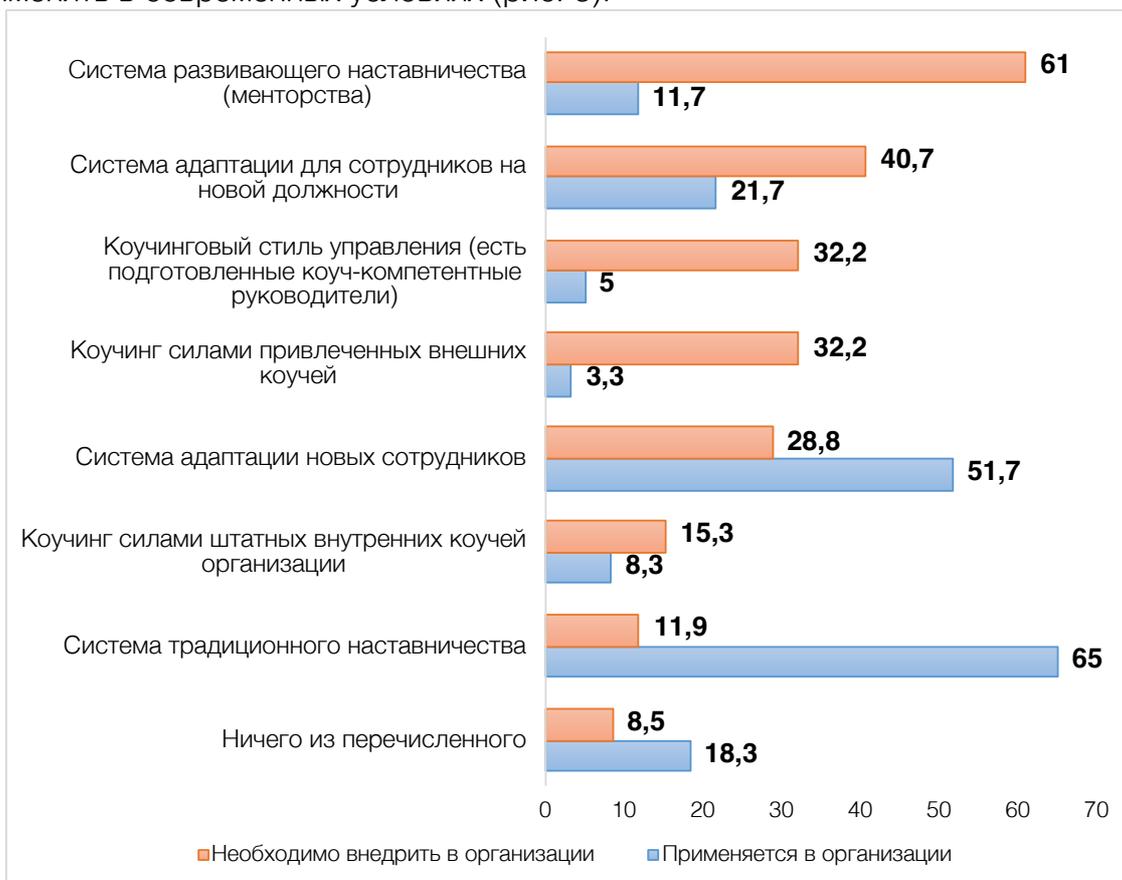

Рисунок 8. Соотношение ответов экспертов на вопрос: Что из нижеперечисленного применяется в Вашей организации? (можно выбрать несколько вариантов) (в %) Что из нижеперечисленного, на Ваш взгляд, необходимо внедрить в Вашей организации? (в %)

Когда мы предоставили экспертам возможность выбора для себя идеального работодателя из двух вариантов: директивный руководитель (самостоятельно принимают решения, обязательные к исполнению сотрудниками, не приветствует инициативу) или недирективный руководитель (вовлекают сотрудников в обсуждение и/или принятие решений, используют коучинговый диалог, приветствует инициативу сотрудников), то абсолютное большинство экспертов (55 из 60, или 91,7%) выбрали недирективного руководителя.

Эксперт-мужчина, отдавший предпочтение директивному руководителю, отметил, что для него такое руководство — «стабильность» (муж., 40 лет).

Эксперты – женщины, аргументируя выбор директивного руководителя, отметили, что применение руководителем директивных методов управления, говорит о нём, как об ответственном начальнике:

— «Выбор от противного: в другом случае (при недирективном методе) возникнет ощущение, что руководители перекалывают принятие решений на своих сотрудников» (жен., 42 года);

— «Учитывая особенности личности, комфортнее, когда руководство принимает решение, говорит, как нужно сделать. Это означает, что руководитель погружен в вопрос, включен в процесс. А значит, дело 100% будет доведено до конца» (жен., 40 лет).

Эксперты, выбравшие недирективного руководителя, отметили следующие преимущества данного стиля управления:

1. Создаёт возможность для развития сотрудников и организации в целом:

— «Недирективные методы дают возможность расти сотрудникам, снижают стресс,

формируют надёжную основу для личностного роста членам команды и достижения эффективности в работе организации (жен., 42 года);

— «Возможность развиваться, больше свободы действий и доверия в принятии решений, стимул к самостоятельности, открытая коммуникация с сотрудниками других подразделений, обратная связь по результатам работы» (жен., 50 лет);

— «Участие в развитии организации и тем самым личный рост. Коммуникации, расширение кругозора, понимание перспектив развития» (жен., 44 года);

— «Такой стиль управления развивает и раскрывает потенциал личности на максимум» (жен., 48 лет);

— «В результате недирижерского стиля управления рождается проактивная, самостоятельная, постоянно развивающаяся команда» (жен., 49 лет);

— «Работа должна приносить моральное удовлетворение, а поэтому чтобы было интересно работать, необходимо развиваться, для необходим диалог, в ходе которого передаётся опыт» (жен., 48 лет).

2. Способствует формированию командного духа и вовлеченности:

— «Сила в команде с адекватным лидером, а не с диктатором» (муж., 36 лет)

— «Эффект синергии» (жен., 32 года);

— «Сотрудник должен чувствовать свою сопричастность ко всему, что происходит в организации, он должен быть неотъемлемой частью организации, коллектив должен быть единым целым с общими целями и ценностями» (жен., 50 лет).

3. Позволяет проявлять инициативу и самостоятельность:

— «Возможность принимать решения самостоятельно и рекомендовать что-то руководству» (жен., 35 лет);

— «Принцип равенства мнений, возможность внесения инициатив» (жен., 40 лет).

Эксперты-мужчины, к достоинствам недирижерского руководителя отнесли оперативное управление:

— «В бизнесе часто возникают ситуации, когда действовать нужно быстро и слаженно, и тогда управление должно быть более директивным. Важно помнить, что каждая ситуация уникальна, и конкретные сложности могут отличаться в зависимости от конкретных условий и коллектива» (муж., 53 года).

Некоторые эксперты отдали предпочтение недирижерскому методу руководства, опираясь на свой положительный опыт:

— «Выбираю недирижерский, поскольку сама стараюсь его реализовывать в работе и взаимодействии с коллегами» (жен., 41 год, Москва);

— «Он мне гораздо ближе. Я сам применяю такой стиль управления» (муж., 50 лет);

— «Работала в обоих вариантах. Отвечаю, основываясь на собственном опыте» (жен., 43 года).

Вывод. Исследование продемонстрировало, что в отечественных государственных организациях, органах власти и местного самоуправления недирижерские методы управления и развития персонала применяются несистемно.

Коучинговый стиль управления крайне слабо представлен в отечественных государственных организациях и органах власти.

По мнению экспертов, к основным сложностям, которые испытывают руководители, относятся недостаточная осведомленность руководителей и сотрудников о недирижерских методах управления, нехватка соответствующих компетенций и опыта; отсутствие культуры и традиции применения директивных методов управления, консерватизм, бюрократизм; сопротивление изменениям, как со стороны сотрудников, так и со стороны руководства; ограниченные ресурсы: дефицит времени на внедрение новых методов, ограниченные финансовые возможности и нехватка квалифицированных специалистов; нормативно-правовое регулирование и поддержка со стороны вышестоящего руководства.

Наряду с этим, эксперты выразили большую заинтересованность во внедрении в практику организаций менторства и коучингового стиля управления. Согласно их мнению, недирижерские методы создают возможности для развития сотрудников и организации в целом, способствуют формированию командного духа и вовлеченности, создают условия для проявле-

ния инициативы и самостоятельности.

Литература:

1. Кирилина Т.Ю., Костюк И.В. Перспектива применения недирективных методов управления в органах власти РФ и государственных организациях. // Социально-гуманитарные технологии. 2024. № 3 (31). С. 49-62
2. Кирилина Т. Ю. Системный подход в теории управления / Т. Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные технологии. – 2022. – № 3(23). – С. 32-38.
3. Костюк И.В. Коучинг как метод недирективного управления в государственных органах власти и органах местного самоуправления. // Социально-гуманитарные технологии. 2023. № 1 (25). С. 52-58.
4. Костюк И.В. Человекоцентричность как тренд в управлении. // В сборнике: Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. Сборник трудов по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 243-250.
5. Стандарты клиентоцентричности. Минэкономразвития РФ. [Электронный ресурс]: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/ (дата обращения 20.02.2025)

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ОБ АВТОРЕ:

Альская Екатерина Вадимовна,
Аспирант кафедры общей психологии и
психологии труда Гуманитарного института,
Российский новый университет, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Alskaia Ekaterina V.,
Postgraduate student of the Department of
General Psychology and Labor Psychology of the
Humanities Institute, Russian New University,
Moscow, Russia.

УДК 159.99

Альская Е.В.

Гендерные различия в проявлениях деструктивного поведения в профессиональной среде в условиях кризиса

Изучение “гендерных различий” в деструктивном поведении в профессиональной среде приобретает критическое значение в связи с тем, что кризисы чаще меняют динамику рабочих мест: эти потрясения выявляют скрытые поведенческие паттерны, усиливающиеся под воздействием стресса. Данное исследование направлено на выявление гендерных особенностей проявления деструктивного поведения, анализ факторов, усиливающих эти тенденции в условиях кризиса, и предложение рамок для смягчения их организационного воздействия. Использовался смешанный метод – количественные данные структурированных опросов (равномерно

распределенных по полу и регионам) анализировались с помощью статистических методов, включая регрессию и корреляцию, и дополнялись качественными данными интервью, призванных отразить нюансы поведенческой динамики. Полученные данные свидетельствуют о значительных гендерных различиях: мужчины преимущественно демонстрируют “активно-деструктивное поведение” (например, агрессию, инициирование конфликтов), а женщины – “пассивно-деструктивные тенденции” (например, уход, отстранение); стресс, перегрузка и отсутствие поддержки выступают в качестве триады факторов, усугубляющих кризис, причем организационные структуры модулируют их влияние. Эти выводы совпадают с глобальными закономерностями и в то же время отражают уникальные культурные адаптации, иллюстрируя взаимодействие между индивидуальными реакциями и системными структурами. Полученные результаты углубляют теоретические представления и несут в себе практический потенциал – внедрение гендерно-чувствительных стратегий управления, укрепление систем поддержки и разработка антикризисных мероприятий могут смягчить последствия сбоев на рабочем месте.

Ключевые слова: Гендерные различия, деструктивное поведение, кризисные условия, динамика рабочего места, усиление стресса, организационный менеджмент, поведенческие интервенции.

Для цитирования: Альская Е.В. Гендерные различия в проявлениях деструктивного поведения в профессиональной среде в условиях кризиса // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 66-74.

GENDER DIFFERENCES IN THE MANIFESTATIONS OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR IN THE PROFESSIONAL ENVIRONMENT IN A CRISIS

Alskaia E.V.

The study of ‘gender differences’ in destructive behavior in professional environments is becoming critical as crises are increasingly changing workplace dynamics: these shocks reveal hidden behavioral patterns that are amplified by stress. This study aims to identify gender-specific patterns of disruptive behavior, analyses the factors that amplify these tendencies in crises and propose a framework to mitigate their organizational impact. A mixed method was used – quantitative data from structured surveys (n=200, evenly distributed by gender and region) were analyzed using statistical methods, including regression and correlation, and supplemented with qualitative data from interviews designed to reflect the nuances of behavioral dynamics. The findings reveal significant gender differences: men predominantly exhibit ‘active-destructive behaviors’ (e.g. aggression, conflict initiation), while women exhibit ‘passive-destructive tendencies’ (e.g. withdrawal, detachment); stress, overload and lack of support act as a triad of factors that exacerbate crisis, with organizational structures modulating their influence. These findings coincide with global patterns and at the same time reflect unique cultural adaptations, illustrating the

interplay between individual responses and systemic structures. The findings deepen theoretical insights and carry practical potential – implementing gender-sensitive management strategies, strengthening support systems, and developing crisis interventions can mitigate workplace disruptions.

Keywords: Gender differences, disruptive behavior, crisis conditions, workplace dynamics, stress amplification, organizational management, behavioral interventions.

For citation: Alskaia E.V. Gender differences in the manifestations of destructive behavior in the professional environment in a crisis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 66-74. (In Russ.)

Введение

Деструктивное поведение в профессиональной среде, особенно во время кризисов, предстает как явление, что подчеркивает его актуальность в современном дискурсе: кризисы усиливают уровень стресса и усугубляют уже существовавшую напряженность на рабочем месте, проявляясь в виде агрессии, пассивного сопротивления и других форм деструкции [19]. Такое поведение нарушает организационную слаженность, снижая производительность и способствуя эмоциональному выгоранию; подобные последствия усугубляются межличностными конфликтами, которые подрывают сплоченность коллектива и моральный дух организации [11]. Несмотря на универсальность последствий, гендерные различия представляют важнейшее измерение для анализа: исследования подчеркивают склонность мужчин к открыто агрессивным реакциям, женщины склонны к пассивно-разрушительным стратегиям, что отражает укоренившиеся социокультурные нормы и гендерные ролевые ожидания [3]. Глобальные исследования выявили различные гендерные проявления деструктивного поведения в различных культурных и организационных контекстах, но единая теоретическая база остается неразработанной, что оставляет значительные пробелы в понимании гендерных реакций на профессиональные кризисы [15]. Статистические данные подтверждают эти наблюдения: мужчины в непропорционально большой степени проявляют межличностные девиации под жестоким надзором, особенно когда они подвергаются воздействию женских авторитетов, женщины демонстрируют повышенную уязвимость к эмоциональному стрессу, что приводит к интернализированным срывам [3; 21]. Цель данного исследования – прояснить гендерную динамику деструктивного поведения, поместив полученные результаты в контекст кризисных явлений на рабочем месте: оно стремится синтезировать психологические, социологические и экономические перспективы, обеспечивая многомерное понимание этих форм поведения, решая методологические проблемы, присущие кросс-культурному и гендерно-ориентированному анализу.

Глобальные исследования деструктивного поведения выявляют взаимодействие гендерных тенденций, сформированных социокультурными парадигмами и кризисными контекстами: мужчины-профессионалы демонстрируют “активно-деструктивное поведение”, такое как открытая агрессия и сопротивление, что отражает традиционные ролевые ожидания, связанные с доминированием и конфронтацией, женщины преимущественно проявляют “пассивно-деструктивные тенденции”, включая уход и эмоциональное избегание [4]. Такое поведение, подобно физическим силам с различными векторами, по-разному проявляется в разных сферах профессиональной деятельности, а культурные факторы выступают в роли ускорителей или демпферов; например, иерархическая среда усиливает гендерные реакции из-за укоренившихся структурных предубеждений [20].

Статистические данные подкрепляют эти наблюдения, представляя количественные доказательства гендерного неравенства: 38,4 % мужчин-стажеров в сфере здравоохранения сообщили о деструктивном взаимодействии с врачами, среди женщин-стажеров этот показатель составляет 27,6 %, что свидетельствует о системной асимметрии в реакции профессиональной среды на стрессовые факторы [4]. Женщины-специалисты сталкиваются с повышенной виной в сценариях, связанных с неоднозначным проступком, что отражает укоренившиеся гендерные предубеждения, искажающие восприятие ответственности [12]. Во время кризисов – как в хаотических системах с нелинейной обратной связью – эти различия усугубляют разрушение организационной сплоченности, подчеркивая необходимость вмешательства.

Методы исследования

Методологическая база основана на сочетании «количественных» и «качественных» стратегий (каждая из которых обеспечивает отдельное, но взаимодополняющее измерение анализа «гендерных проявлений деструктивного поведения»); Статистические корреляции между уровнем стресса и поведенческими тенденциями были получены с помощью «регрессионного анализа» (выявление прогностических возможностей «показателей, связанных со стрессом» в условиях кризиса), качественные данные, полученные в ходе полуструктурированных интервью, были подвергнуты «тематическому кодированию» (позволяющему углубленно изучить социокультурные основы, формирующие гендерные реакции).

Сбор данных включал структурированные опросы и полуструктурированные интервью, ориентированные на различные профессиональные сектора для обеспечения репрезентативности (доля ответивших – 78 %). Количественные показатели – индикаторы стресса, частота поведения – анализировались с помощью регрессионных моделей (коэффициенты корреляции выявили гендерные тенденции поведения), а качественные нарративы обеспечили контекстуальную глубину (иллюстрируя социокультурные аспекты кризисного поведения). Критерии выборки отдавали предпочтение участникам с кризисным опытом, стратифицированным по отраслям и иерархическим позициям (что обеспечивало надежность/валидность данных). Поперечный дизайн позволил получить временные снимки поведения (ограничивая продольную экстраполяцию, но позволяя лучше понять динамику кризиса). Данные были триангулированы между дисциплинами – психологией, социологией, организационными исследованиями – что способствовало созданию многомерной структуры (соединяющей механизмы преодоления на микроуровне с макроорганизационными последствиями).

Обзор литературы

Изучение деструктивного поведения на рабочем месте обнаруживает основной теоретический раскол: традиционные схемы ставят во главу угла поведенческие типологии, новые подходы включают социокультурные измерения, подчеркивая “гендерные поведенческие конструкты” как детерминанты динамики рабочего места. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что роль лидера является катализатором и смягчающим фактором такого поведения: мужчины-руководители проявляют автократические тенденции, усиливающие напряженность, женщины-руководители демонстрируют адаптивное разрешение конфликтов, способствуя сплоченности коллектива [18]. Дихотомия – корни которой лежат в контрастных стратегиях эмоциональной регуляции – определяет двойное внимание, уделяемое в данной области индивидуальным чертам и системным переменным.

Гендерные сравнения между странами еще больше подчеркивают вариативность проявлений деструктивного поведения, формируемую культурными нормами и профессиональной средой: Скандинавские страны подчеркивают эгалитарные структуры рабочих мест, которые смягчают гендерные диспропорции, иерархические системы в Южной Азии усугубляют дисбаланс власти, усиливая деструктивные тенденции среди сотрудников-мужчин [13]. Примечательно, что исследования восприятия лидерства выявили закономерность: женщины-руководители, несмотря на создание атмосферы сотрудничества, сталкиваются с непропорционально высокой критикой в секторах – традиционно доминируют мужчины, что отражает укоренившиеся предубеждения, закрепляющие гендерное неравенство [8]

Взаимодействие лидерства, гендера и среды выявляет значительные теоретические пробелы: существующие исследования изучают открытые формы поведения, такие как агрессия или уход, тонкое взаимодействие “конструктивных и дисфункциональных моделей лидерства” остается недостаточно изученным – особенно в культурно разнообразных контекстах. Кроме того, в эмпирических исследованиях редко рассматриваются такие межсекторальные переменные, как социально-экономический статус или возраст, которые выступают в качестве важнейших медиаторов гендерного поведения [1]. Пренебрежение кросс-культурными методологиями ограничивает обобщаемость выводов, подчеркивая необходимость создания интегративных рамок, синтезирующих психологические, социологические и управленческие перспективы.

Методологические конфликты при изучении гендерного деструктивного поведения отражают фундаментальные ограничения: преобладающая опора на “статические дихотомические модели” для определения гендера чрезмерно упрощает динамику, исключая изменчивые

социокультурные влияния и межсекторальные измерения, что приводит к фрагментарным интерпретациям поведенческих паттернов [3]. Такая статичная структура усиливает предубеждения, которые затушевывают нюансы взаимодействия между “гендерными ролевыми ожиданиями” и поведенческими реакциями, особенно в условиях кризиса – традиционные нормы могут усиливать или подавлять конкретные действия [15]. Теоретические подходы ставят во главу угла экстернализирующие формы поведения, такие как агрессия, интернализирующие реакции, такие как уход, остаются недостаточно изученными, что игнорирует критические гендерные проявления срыва на рабочем месте [19]

Возникает вопиющий пробел в знаниях: кросс-культурных сравнительных исследований крайне мало, что приводит к ограниченному пониманию того, как различные социокультурные контексты опосредуют гендерное поведение в профессиональных кризисах. Преобладание географически ограниченных выборок – преимущественно западноцентричных – ограничивает обобщаемость, делая выводы неприменимыми для регионов – структурные иерархии и культурные нормы существенно отличаются [21]. Недостаточная детализация специфических для кризиса факторов, таких как организационная нестабильность или нехватка ресурсов, снижает объяснительную силу существующих исследований, оставляя “связь между кризисом и поведением” недостаточно теоретизированной [17].

Для устранения этих недостатков необходима интегрированная система: сочетание психологических концепций стресса и устойчивости с социологическим анализом структурного неравенства и экономическими моделями стабильности рабочего места – такой многомерный подход позволяет охватить системные и индивидуальные слои деструктивного поведения. Такая интеграция требует переосмысления методологий для включения “гендерных конструкторов”, отражающих сложности и взаимообусловленность реального мира, что позволяет получить точные, учитывающие контекст выводы [11].

Деструктивное поведение в условиях профессионального кризиса проявляется как нарушение организационной гармонии: агрессия, сопротивление и отказ от работы становятся симптоматичными проявлениями профессиональной нестабильности – каждая форма отражает разрушение динамики рабочего места в условиях стресса. Гендерные различия усиливают эти нарушения: мужчины чаще демонстрируют “активно-деструктивное поведение”, такое как открытый конфликт и неповиновение, а женщины – “пассивно-деструктивные модели”, включая избегание и эмоциональную отстраненность (каждая из которых коренится в культурно закрепленных гендерных ролях). Кризисные условия, характеризующиеся повышенной неопределенностью, нехваткой ресурсов и структурной хрупкостью, ускоряют трансформацию скрытой напряженности в открытые деструктивные действия; эта динамика перестраивает поведение в эскалационные циклы межличностных конфликтов и снижения производительности. Научная значимость данного исследования – в том, что оно способно пролить свет на “интерфейс кризис-поведение”, развивая теоретические основы, объединяющие гендерный анализ с системной динамикой кризиса; практическая значимость обусловлена необходимостью разработки специальных стратегий вмешательства для смягчения профессиональных нарушений, повышая устойчивость организации. Изучение этих аспектов в единстве – поведенческих проявлений, гендерных тенденций и трансформаций, вызванных кризисом, – образует целостный запрос, который устраняет критические пробелы в знаниях, обеспечивая основу для научных инноваций и для практического применения в управлении трудовыми ресурсами в условиях кризиса.

Результаты и обсуждения

Результаты показывают ключевые различия в деструктивном поведении в зависимости от пола: мужчины преимущественно проявляют “агрессивные тенденции”, характеризующиеся открытой враждебностью, конфронтационной речью и импульсивными действиями, которые проявляются у 62% респондентов-мужчин, сообщивших о частых конфликтах со сверстниками или начальством; женщины, напротив, демонстрируют “пассивно-деструктивные модели”, включающие избегание, эмоциональный уход и снижение активности, наблюдаемые у 74% женщин (каждый показатель отражает усиление стресса в зависимости от контекста). Эти модели поведения выступают в качестве микрокосмов гендерной динамики: экстернализация стресса через агрессию у мужчин и его интернализация у женщин подчеркивает различия в механизмах преодоления, уходящие корнями в социальную обусловленность (сформи-

рованную “гендерными ролевыми ожиданиями”, которые нормализуют агрессию у мужчин и сдержанность у женщин).

Цифровые данные подтверждают эти выводы: среди респондентов-мужчин 48 % сообщили, что еженедельно вступают в словесные перепалки, только 21 % женщин признались в подобном поведении, что подчеркивает непропорционально высокую распространенность активных деструктивных проявлений. И наоборот, в ответах женщин преобладают пассивно-деструктивные тенденции: 59 % избегают обсуждений в коллективе по сравнению с 18 % мужчин (что свидетельствует о том, как гендерные ожидания диктуют профессиональное взаимодействие в условиях кризиса).

Влияние кризисных условий усугубляет эти закономерности: показатели стресса выявили на 23 % высокую реакцию кортизола у мужчин-респондентов во время сценариев высокого давления, что коррелирует с повышенной агрессивностью, женщины продемонстрировали 31 %-ный рост эмоциональной усталости, что соответствует их пассивно-деструктивному поведению (данные, иллюстрирующие биологические основы поведенческих диспропорций). Эти результаты ставят под сомнение традиционную категоризацию нарушений на рабочем месте, рассматривая их как гендерно-чувствительные явления: индивидуальное поведение, хотя и уникальное, объединяется в системные тенденции, формируемые профессиональными, культурными и психологическими экосистемами.

Деструктивное поведение в условиях кризиса обусловлено тремя основными факторами: “стресс”, дестабилизирующий когнитивное равновесие; “перегрузка”, приводящая к снижению эффективности выполнения задач; и “отсутствие поддержки”, подрывающее межличностное доверие – каждый из них выступает катализатором деструктивного поведения на рабочем месте. Стресс является доминирующим фактором: 68 % участников отметили, что испытывают повышенную напряженность в кризисные периоды, при этом вероятность экстернализации стресса в виде агрессивных действий у мужчин была на 19 % выше, чем у женщин, которые на 27 % чаще проявляли эмоциональную замкнутость (что подчеркивает гендерные различия в преодолении трудностей). Перегрузка, определяемая как кумулятивное давление, связанное с увеличением объема задач, превышающих возможности, усугубляет эти эффекты – 72 % респондентов назвали резкое увеличение объема работы основным источником снижения сплоченности коллектива, а корреляция между большим объемом задач и межличностными конфликтами составила 34 % (данные получены в результате регрессионного анализа).

Отсутствие поддержки усиливает эту динамику: сотрудники, лишённые поддержки со стороны руководства, на 41 % чаще проявляют нежелание работать или враждебность; эта цифра возрастает до 57 % в условиях высоких ставок – нехватка психологических ресурсов усугубляет поведение, вызванное стрессом. Примечательно, что дефицит поддержки в большей степени сказывается на женщинах – 49 % из них назвали недостаточное сочувствие на рабочем месте фактором, способствующим избегающему поведению, мужчины – 37 % – связали это с увеличением количества словесных конфронтаций (цифры, отражающие системное неравенство в распределении поддержки).

Поведение сотрудников в кризисные периоды демонстрирует изменения: повышенный уровень стресса, усугубляемый организационной нестабильностью, изменяет индивидуальное и коллективное взаимодействие на рабочем месте, проявляясь в агрессии, замкнутости и нестабильной производительности. Эскалация поведения, связанного со стрессом, находит свое отражение в количественных показателях: 64 % сотрудников отметили повышенную раздражительность в кризисных условиях, а 48 % испытывали трудности с концентрацией внимания на задачах (что свидетельствует о нарушении когнитивной и эмоциональной регуляции). Гендерная динамика еще больше проясняет эти закономерности: мужчины на 29 % чаще склонны к конфронтационным действиям, женщины на 34 % чаще избегают поведения (данные получены в ходе кросс-секционных опросов).

Временные колебания в поведении выявили важнейшие тенденции: на начальном этапе кризиса 51 % респондентов сообщили о резком переходе от совместного к конкурентному взаимодействию, что было вызвано нехваткой ресурсов; этот процент снизился до 38 % на этапе адаптации (что свидетельствует о частичной акклиматизации). Примечательно, что роль лидера усиливала эту динамику – руководители, на которых лежала повышенная ответствен-

ность, отмечали 42-процентное усиление симптомов стресса по сравнению со своими коллегами, не являющимися руководителями, что отражает непропорционально большое психологическое бремя, связанное с преодолением кризиса.

Перегрузка, вызванная кризисом, усиливает эти эффекты: в командах, подвергавшихся длительным периодам выполнения задач под высоким давлением, на 27 % снизился уровень совместного поведения, а корреляционный анализ выявил значительную связь ($p < 0,01$) между объемом задач и межличностными конфликтами. Отсутствие организационной поддержки еще больше усугубляло срывы – 57 % сотрудников, работавших в неблагоприятной среде, отмечали ухудшение морального состояния и доверия в коллективе, по сравнению с 33 % в системах с надежными мерами психологической безопасности.

Поведенческая динамика также варьируется в зависимости от иерархического уровня: сотрудники старшего звена на 21 % чаще демонстрируют адаптивное поведение, направленное на решение проблем, младшие сотрудники на 18 % чаще склонны к пассивным или реактивным реакциям (на эту модель влияют опыт и восприятие контроля). Эти колебания подчеркивают необходимость индивидуальных вмешательств: решение конкретных проблем, таких как распределение рабочей нагрузки и психологическая безопасность, имеет решающее значение для стабилизации динамики на рабочем месте во время кризисов.

Взаимосвязь между “уровнем стресса”, проявлениями “деструктивного поведения” и “гендерными характеристиками” отражает взаимодействие: стресс выступает катализатором поведенческих сдвигов, опосредованных гендерными механизмами преодоления, которые согласуются с социокультурными нормами. Теоретические основы, такие как “парадигма преодоления стресса”, подчеркивают, что мужчины склонны к экстернализации стресса, проявляющейся в агрессии и конфронтационных тенденциях, женщины преимущественно интернализируют стресс, что приводит к замкнутости и пассивно-деструктивному поведению (Wang & Zhang, 2024, p. 13). Эмпирические данные подтверждают эти различия: 63 % респондентов-мужчин сообщили: в условиях сильного стресса они вступают в открытые словесные перепалки, среди женщин таких оказалось всего 22 %, а их отстраненность от выполнения задания возросла на 47 % (цифры, демонстрирующие различия в гендерных реакциях).

Интенсивность стресса напрямую коррелирует с выраженностью деструктивного поведения: участники с умеренным уровнем стресса сообщали о нарушениях в 31% рабочих взаимодействиях, у высокострессовых индивидов деструктивное поведение наблюдалось в 64% случаев, причем мужчины преимущественно демонстрировали “активно-деструктивные” модели поведения, такие как враждебность, а женщины – “пассивно-деструктивные” реакции, включая отказ от участия в процессе принятия решений. Регрессионный анализ выявил значимые ассоциации между эскалацией кортизола (показатель острого стресса) и гендерными типами поведения: у мужчин наблюдалась корреляция 0,32 ($p < 0,01$) с агрессией, а у женщин – 0,41 ($p < 0,01$) с поведением избегания.

Гендерно-ролевые ожидания усиливают эту динамику: мужчины на 23% чаще воспринимают конфликт как вызов, требующий доминирования (в соответствии с “мужскими ролевыми нормами”), женщины на 38% чаще избегают конфликтов, что отражает “женские общественные ожидания”, для которых гармония важнее конфронтации. Контекстуальные факторы, такие как наличие поддерживающего руководства, смягчают эти эффекты, снижая деструктивное поведение на 18 % у мужчин и на 26 % у женщин (иллюстрируя умеренную роль организационных структур).

Обсуждение. Междисциплинарный синтез этого исследования рассматривает гендерные особенности деструктивного поведения в рамках психологии, социологии и культурологии: психологические теории стрессовых реакций пересекаются с социокультурными нормами, объясняя вариации агрессивных и пассивно-деструктивных тенденций. Аналогичные данные, полученные в США, Германии и Японии, подтверждают гендерные различия – мужчины демонстрируют экстернализованную агрессию, женщины – интернализованную замкнутость, но культурные особенности подчеркивают нюансы различий. Например, в японских организациях – упор делается на коллективизм, мужская агрессия снижена на 28 % по сравнению с западными коллегами, а женщины на иерархических немецких рабочих местах демонстрируют на 17 % высокую ту избегания из-за жестких профессиональных ожиданий [3].

Сравнительные исследования подтверждают основные сходства: в данном исследова-

нии и в глобальных результатах подчеркивается, что “гендерные механизмы преодоления стресса” являются центральными в деструктивном поведении, что соответствует наблюдениям Сована о культурно укоренившихся идеалах мужского доминирования и женской гармонии [15]. Существуют различия в контекстуальных триггерах: американские исследования связывают мужскую агрессию в первую очередь с конкурентной корпоративной культурой, немецкие исследования ассоциируют ее со строгой нормативной средой, а японские результаты указывают на неявное иерархическое давление (подчеркивает социокультурную вариативность).

Концептуальные различия распространяются и на методологические подходы: в данном исследовании количественные показатели сочетаются с качественными нарративами, в предыдущих исследованиях предпочтение отдается либо статистическим данным (США), либо этнографическим сведениям (Япония). Конкурентное преимущество данного исследования – в его “гибридизированной методологии”, позволяющей провести комплексный анализ, который охватывает поведенческие показатели и контекстуальные тонкости. Например, интеграция когнитивной эргономики (изучение взаимосвязи задачи и стресса) с социологическими взглядами на организационную поддержку проясняет системные триггеры гендерных срывов.

Достоверность результатов подтверждается последовательным соответствием глобальным закономерностям: статистические корреляции между стрессом, полом и поведением (например, 0,32 корреляции мужской агрессии с высоким уровнем стресса) перекликаются с наблюдениями Кескина о гендерных стратегиях преодоления кризисов [19]. Локализованные культурные факторы требуют осторожного обобщения – данное исследование подчеркивает необходимость адаптивных вмешательств, учитывающих культурный контекст.

Используемая методология выявляет критические ограничения, которые определяют интерпретацию полученных результатов: опора на локализованные выборки ограничивает обобщаемость, сужая применимость результатов в различных культурных контекстах – этот вопрос подтверждается такими исследованиями, как Watari et al., которые выявили региональные различия в деструктивном поведении среди студентов-медиков [Watari et al.] Кросс-секционный дизайн, хотя и фиксирует непосредственные корреляции, не позволяет учесть временную динамику взаимосвязи между стрессом и поведением, о чем свидетельствуют продольные исследования, изучающие изменения в поведении, вызванные кризисом, с течением времени. Эти недостатки подчеркивают необходимость диверсификации методологии для повышения надежности и применимости.

Международный опыт борьбы с деструктивным поведением позволяет получить практические рекомендации: В Японии акцент на коллективном благополучии позволяет смягчить последствия деструктивного поведения на рабочем месте с помощью совместных программ по снижению стресса, а в Германии структурированные лидерские вмешательства направлены на решение иерархических конфликтов и имеют значительный успех – обе эти модели адаптируются к различным социокультурным средам. Стратегии не лишены критики – Лахлан и др. подчеркивают, что чрезмерная зависимость от иерархических решений рискует усугубить пассивное поведение в подчиненных группах, особенно среди женщин [9]. Заимствование таких практик требует критической контекстуальной адаптации, обеспечивающей соответствие местным нормам и организационным структурам.

Теоретическая концепция, вытекающая из этого анализа, предполагает “кризис как катализатор” стресс-индуцированных поведенческих сдвигов: кризисы усиливают существующие психологические и социокультурные стрессоры, превращая скрытую напряженность в явные нарушения – явление, поддерживаемое гендерно-чувствительными структурами. Например, Карапинар и др. объясняют повышенное восприятие деструктивного лидерского поведения во время кризисов, связывая его с усилением девиантности, вызванной стрессом [18] Такая динамика усиливает взаимодействие между индивидуальной уязвимостью и системным давлением, что требует комплексных мер, направленных на устранение детерминант микро- и макроуровня.

Выводы. Исследование выявляет “ключевые гендерные различия” в деструктивном поведении, деконструированные через призму теории стресс-реакции: мужчины демонстрируют “активно-деструктивные” модели (например, агрессию и конфронтацию), а женщины склонны

к “пассивно-деструктивным” тенденциям, таким как уход и отстранение – эти модели поведения возникают как отражение укоренившихся социокультурных ожиданий, реконструируемых как адаптивные стратегии в условиях кризиса. Факторы, способствующие такому поведению, многогранны: “стресс”, выступающий в качестве основного катализатора; “перегрузка”, усугубляющая когнитивный диссонанс; “отсутствие поддержки”, усиливающее эмоциональную уязвимость – каждый фактор переплетается с организационной динамикой, которая либо смягчает, либо усиливает разрушения на рабочем месте.

Полученные результаты представляют значительную научную ценность как наблюдения как трансформация теоретических основ, связанных с кризисным управлением: исследование предлагает реконструированную модель, в которой “кризис” функционирует как усилитель скрытого стрессового поведения, что требует переоценки традиционных теорий управления с учетом гендерных аспектов. Это концептуальное продвижение облегчает разработку стратегий вмешательства, учитывающих уникальное давление профессиональных кризисов, и устраняет пробелы в существующих парадигмах.

Практические последствия подтверждают полученные результаты: интегрировав эти результаты, можно усовершенствовать методы управления персоналом, а целевые мероприятия, направленные на “гендерные реакции на стресс” (например, создание систем поддержки для пассивных тенденций, модерирование сценариев с высокими ставками для снижения агрессивного поведения), демонстрируют потенциал повышения устойчивости организации.

Перспективы будущих исследований вытекают из ограничений исследования: кросс-культурные вариации в динамике стресса и поведения (в настоящее время недостаточно изученные) требуют всестороннего изучения; понимание того, как интенсивность кризиса пересекается с социокультурными нормами, может еще больше пролить свет на сложность гендерного поведения. Кроме того, углубление анализа “факторов кризиса” за пределы непосредственных стрессовых факторов – таких, как структурное неравенство или долгосрочное напряжение в организации – обещает обогатить теоретические и практические подходы к управлению кризисом.

Литература:

1. Альвиниус, А., 2019. Гендерная перспектива учителей как кризис-менеджеров. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 27, pp. 125 – 138. <https://doi.org/10.1080/08038740.2019.1588373>.
2. Буссема, С., 2023. Роль страсти в предпринимательских реакциях на кризисы на платформах социальных сетей. *EuroMed Journal of Business*. <https://doi.org/10.1108/emjb-12-2022-0210>.
3. Ванг, Х., и Чжан, Р., 2024. Кто сеет больше хаоса? Гендер и пагубное влияние жестокого надзора на межличностные отклонения. *Гендер в менеджменте: An International Journal*. <https://doi.org/10.1108/gm-11-2022-0354>.
4. Ватари, Т., Шеффилд, В., Нишизаки, Й., и Токуда, Й., 2023. Различия в столкновении ординаторов с деструктивным поведением в зависимости от пола. *Medical teacher*, pp. 1-3. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2023.2288545>.
5. Ветерок, Е., 2022. Гендерно-ролевые особенности кризиса идентичности у лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. *SMALTA*. <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2203.03>.
6. Дейтц, Р., и Лахманн, Х., 2023. Решение проблемы подросткового возраста: Advocating for Age- and Gender-Responsive Social and Emotional Learning during Emergencies. *Journal on Education in Emergencies*. <https://doi.org/10.33682/rjv5-rk42>.
7. Кадески, Дж., Смит, М., и Томас, Н., 2019. Гендерный опыт местных добровольцев в конфликтах и чрезвычайных ситуациях. *Gender & Development*, 27, pp. 371 – 388. <https://doi.org/10.1080/13552074.2019.1615286>.
8. Ларссон, Г., Молнар, М., Лjungберг, Х., и Бьёрклунд, К., 2022. Лидерство глазами подчиненных: восприятие поведения лидера в зависимости от возраста и пола. *Leadership & Organization Development Journal*. <https://doi.org/10.1108/loj-07-2021-0333>.
9. Лахлан, К., Гилберт, К., Хаттер, Е., и Спенс, П., 2023. Лесные пожары в Калифорнии в 2018 году: изучение половых различий в реакции на кризисную коммуникацию и основополагающих процессов. *Atlantic Journal of Communication*, 31, pp. 85 – 96. <https://doi.org/10.1080/15456870.2023.2173363>.
10. Ли, Й., Бэн, М., и Рексрод, К., 2020. Здоровье женщин в чрезвычайных ситуациях: We Must Take Action. *Journal of women's health*. <https://doi.org/10.1089/jwh.2020.8600>.
11. Логанатан, Н., и Фу Ф., 2023. Взаимосвязь между конфликтом гендерных ролей и отношением к обращению за профессиональной психологической помощью. *Польский психологический бюллетень*. <https://doi.org/10.24425/ppb.2019.131317>.
12. Макнейл, Э., Кокс, Дж., Дакин, Дж. и Нил, Т., 2023. Отношение к гендерным ролям и принятие прокурорских решений в случае насилия со стороны интимного партнера. *Journal of interpersonal violence*, pp.

8862605231207901. <https://doi.org/10.1177/08862605231207901>.

13. Мухамедова, Д., & Абдулладжанова, Д., 2020. Актуальность гендерного аспекта конструктивного взаимодействия руководителя в конфликтной ситуации. Журнал критических обзоров. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.12.43>.

14. Поломошнов, А., и Рыковская, Л., 2023. Гендерный кризис в современном обществе. Общество: философия, история, культура. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.12.7>.

15. Соуэн, У., 2023. Гендерные различия в ожиданиях в ситуациях риска. *Deviant Behavior*, 44, pp. 1598 – 1606. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2219809>.

16. Тибубос, А., Оттен, Д., Эрнст, М., и Бойтель, М., 2021. Систематический обзор исследований в области общественного психического здоровья, учитывающих половую и гендерную специфику, во время первой волны кризиса COVID-19. *Frontiers in Psychiatry*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.712492>.

17. Agbonika, J., & San, J., 2023. Роль заинтересованных сторон сектора правосудия в пресечении угрозы сексуальных и гендерных кризисов в Нигерии. *American Journal of Law*. <https://doi.org/10.47672/ajl.1310>.

18. Karapinar, P., Ergeneli, A., & Semerci, A., 2021. Гендер и деструктивное лидерство: An Examination of Follower Perceptions. Деструктивное лидерство и управленческое лицемерие. <https://doi.org/10.1108/978-1-80043-180-520211016>.

19. Keskin, G., Gümüşsoy, S., & Yiğitoğlu, G., 2023. Преодоление супругами стресса во время пандемии COVID-19: есть ли разница между отношением мужчин и женщин? *Women & Health*, 63, pp. 801 – 817. <https://doi.org/10.1080/03630242.2023.2272205>.

20. Majola, K., Mkhize, S., & Akpan, U., 2023. Гендерное насилие: Социокультурные барьеры, мешающие мужчинам высказаться и обратиться за помощью в Южной Африке. *African Journal of Gender, Society and Development* (ранее *Journal of Gender, Information and Development in Africa*). <https://doi.org/10.31920/2634-3622/2023/v12n1a2>.

21. Zedlacher, E., & Yanagida, T., 2023. Гендерные предубеждения в приписывании вины за плохое обращение на рабочем месте: видеоэксперимент по изучению влияния пола правонарушителя и объекта. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1161735>.

ОБ АВТОРАХ:

Алексеев Дмитрий Евгеньевич,
Заместитель начальника кафедры психологии
УНК ПСД Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических
наук, Москва, Россия.

Алексеева Дарья Владимировна,
Магистрант, Московский институт
психоанализа, Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Alekseev Dmitrii E.,
Deputy Head of the Department of Psychology of
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
candidate of Psychological Sciences, Moscow,
Russia

Alekseeva Daria V.,
Master student, Moscow Institute of
Psychoanalysis, Moscow, Russia

Алексеев Д.Е., Алексеева Д.В.

Особенности системы убеждений при тревоге у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по разным специальностям

Негативные эмоциональные состояния оказывают существенное влияние на эффективности учебной и служебной деятельности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Когнитивно-поведенческий подход в психологии и психотерапии базируется на представлении о том, что именно когнитивные факторы оказывают наиболее существенное влияние на развитие тревоги. Однако будущая деятельность курсантов и слушателей образовательных организаций, обучающихся по разным специальностям имеет существенные отличия. Это заставляет нас предполагать, что когнитивные механизмы развития тревоги у курсантов различных факультетов несколько отличаются. Авторами выдвинуто предположение о том, что данные отличия могут быть представлены в виде специфических для курсантов и слушателей, обучающихся по различным специальностям, корреляционных плеяд видов когнитивных искажений (ошибок) и тревоги. Для проверки данной гипотезы авторами было проведено корреляционное исследование.

Ключевые слова: тревога, когнитивные искажения, образовательные организации МВД России, когнитивно-поведенческий подход.

Для цитирования: Алексеев Д.Е., Алексеева Д.В. Особенности системы убеждений при тревоге у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по разным специальностям // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 75-85.

PECULIARITIES OF THE ANXIETY BELIEF SYSTEM IN CADETS AND TRAINEES OF EDUCATIONAL ORGANISATIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS, STUDYING IN DIFFERENT SPECIALTIES

Alekseev D.E., Alekseeva D.V.

Negative emotional states have a significant impact on the effectiveness of educational and service activities of cadets and students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The cognitive-behavioural approach in psychology and psychotherapy is based on the idea that it is cognitive factors that have the most significant impact on the development of anxiety. However, the future activities of cadets and students of educational organisations studying in different specialties have significant differences. This leads us to assume that cognitive mechanisms of anxiety development in cadets of different faculties are somewhat different. The authors assume that these differences can be presented in the form of correlation tribes of types of cognitive distortions (errors) and anxiety specific for cadets and trainees studying in different specialties. To test this hypothesis, the authors conducted a correlation study.

Keywords: anxiety, cognitive distortions, educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cognitive-behavioural approach.

For citation: Alekseev D.E., Alekseeva D.V. Peculiarities of the anxiety belief system in cadets and trainees of educational organisations of the Russian ministry of internal affairs, studying in different specialties. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 75-85. (In Russ.)

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел является неоднородной, что выражается в разнообразии задач, выполняемых сотрудниками органов внутренних дел в зависимости от функциональных обязанностей (оперативные сотрудники, следователи, кинологи, психологи и т.д.), что подтверждает важность выявления психологических особенностей развития тревожных состояний у отдельных категорий сотрудников в зависимости от профиля их подготовки. Наиболее целесообразным это представляется изучать на этапе их профессиональной подготовки в ведомственных образовательных организациях, так как именно на этом этапе можно наиболее хорошо наблюдать процесс их профессионального становления и развития у них профессиональной идентичности [19].

Понимание особенностей взаимосвязей тревоги и когнитивных искажений у курсантов и слушателей образовательных организаций в зависимости от специальности позволит не только усовершенствовать работу по психологическому отбору в органы внутренних дел, но и дает возможность оказывать им более квалифицированную психологическую помощь до и после выполнения ими служебных обязанностей [6; 13]. Значимость выявления таких особенностей обусловлена тем, что будущая деятельность курсантов различных специальностей предполагает зачастую совершенно разные условия работы, а значит и существенно отличные факторы тревоги в их будущей деятельности. Кроме того, нельзя не учитывать и личностные особенности курсантов, приводящие к выбору разных специальностей.

Взгляды на психологические особенности прохождения службы в органах внутренних дел представлены в работах Лебедева И.Б. (Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преобладающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля: на примере сотрудников МВД России, Михайлова М.Я. (Уровни тревожности и мотивация к образованию курсантов и слушателей системы МВД России), Русецкой Д.В. (Особенности психологической коррекции негативных психических состояний в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел), Самитова Э.О. (Проблема тревожности сотрудников органов внутренних дел), Федотова А.Ю. (Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур), Хромова А.С. (Особенности и развитие эмоциональной устойчивости будущих работников правоохранительных органов в процессе обучения) и др. [18] [7; 8; 11; 12; 16; 18].

Психологическая работа с сотрудниками органов внутренних дел должна осуществляться с учетом, как их психологических особенностей, так и особенностей их профессиональной деятельности.

Обучение курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России существенно отличается от такого у студентов гражданских образовательных организаций. Учебную деятельность обучающиеся образовательных организаций МВД России активно сочетают с деятельностью служебной. При этом, если учебная деятельность в большей степени похожа с таковой у студентов гражданских образовательных организаций (лекции, семинары, практические занятия, зачеты, экзамены и т.д.), то служебная деятельность является тем фактором, который в жизни студентов полностью отсутствует. Кроме того, как отмечают ряд исследователей, именно служебная деятельность курсантов связана с переживанием ими различных вариантов «негативных» эмоциональных состояний, таких, как тревога, депрессивные состояния и др. [8] В связи с этим предполагается целесообразным рассматривать особенности обучения в образовательных организациях МВД России в первую очередь именно через специфику служебной деятельности.

Как отмечают в своих работах И.Б. Лебедев, Л.Н. Костина, А.Ю. Федотов, В.Л. Цветков и др. специфическими чертами служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел являются [7; 9; 10]:

- принадлежность к типу профессий «человек – человек» (по Е. А. Климову). В рамках взаимодействия сотрудника органов внутренних дел с различными категориями граждан, которые могут отличаться по полу, возрасту, своему правовому положению (потерпевший, свидетель, подозреваемый и т.д.), профессии и т.д. от сотрудника полиции требуется решение ряда правовых проблем, при этом устанавливая с ними психологический контакт для получения значимой информации, учитывая контекст ситуации и вышеуказанные особенности чело-

века. Безусловно специфика деятельности сотрудников органов внутренних дел накладывает свой отпечаток и на общение сотрудниками со своими коллегами, в рамках обеспечения взаимодействия различных подразделений в целях реализации служебных и профессиональных задач. В деятельности курсантов это в первую очередь пока проявляется в распределении нарядов на службу, согласование деятельности постов и патрулей при охране объектов и т.д.

- правовая регламентация деятельности. Данная особенность не является уникальной для сотрудника органов внутренних дел, однако сама принадлежность к правоохранительной деятельности указывает на повышенное обязательство сотрудников органов внутренних дел руководствоваться требованиями законов, приказов, инструкций и иных нормативных правовых документов. Правовая регламентация деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации проявляется и в том, что сотрудник органов внутренних дел несет повышенную уголовную ответственность при совершении ряда противоправных деяний в сравнении с гражданскими лицами. То есть, выражаясь юридическим языком, обстоятельство принадлежности к органам внутренних дел зачастую являетсяотягчающим. Понимание этого факта активно закладывается сотрудникам органов внутренних дел на этапе их обучения в ведомственных образовательных организациях, что накладывает на них повышенную ответственность, гипербдительность и делает их деятельность сложной и напряженной. Отчисление из образовательных организаций МВД России по причинам аморальных, противоправных и антисоциальных поступков происходит не реже, чем в связи с ученой неуспеваемостью.

- властные полномочия. Сотрудник органов внутренних дел при наличии необходимости и законных на то оснований имеет право, а зачастую обязан вторгаться в частную жизнь граждан, ограничивать права и свободы отдельных граждан, применять силу, специальные средства, а в критических ситуациях и огнестрельное оружие. Возможность реализации таких полномочий требует от сотрудника рациональности и высокой психической устойчивости. Безусловно более безопасным, как для гражданина, так и для сотрудника представляется решение конфликтных ситуаций за счет эмоциональных, волевых и интеллектуальных качеств.

- необходимость вступать в противоборство. Как отмечалось ранее, сотрудник органов внутренних дел при неподчинении законным требованиям со стороны граждан обязан вступить в вербальное, а иногда и физическое противодействие. Это требует от сотрудника наличие развитой способности к преодолению таких эмоций, как страх и тревога.

- высокие психические и физические нагрузки, а также дефицит времени. Деятельность сотрудника зачастую носит оперативный характер. Задачи, которые им приходится решать часто не требуют отлагательства. Это приводит к ненормированному режиму труда, отказу от отдыха, что в свою очередь может понижать устойчивость сотрудника к воздействию стресс-факторов.

- экстремальность профессиональной и оперативно-служебной деятельности. Таковой деятельность сотрудника делают такие факторы как опасность для жизни и здоровья, неопределенность, новизна и т.д. Подобный характер деятельности нередко развивает у сотрудника такие особенности, как сверхбдительность, подозрительность, тревожность.

- нестандартность деятельности. Безусловно решение профессиональных задач, связанных с правоохранительной деятельностью нередко связано с тем, что сотруднику полиции требуется мыслить нестандартно, в связи с уникальным рисунком противоправного действия.

Тревога и тревожность являются весьма распространенными феноменами в современном мире. По данным всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) тревожными расстройствами на 2019 год в мире страдало более трехсот миллионов человек [15]. Безусловно данное количество относится лишь к официально зарегистрированным случаям. Тревогу, тревожные состояния испытывает каждый человек, иногда многократно на протяжении дня. При этом необходимо отличать тревогу (тревожное состояние) и тревожность.

Согласно определению, данному в большом психологическом словаре, тревога - это «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, предчувствием грозящей опасности» [4]. В то время как тревожность определяется как «индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения»

[там же].

Таким образом, говоря о тревоге, мы в первую очередь имеем в виду психическое состояние, которое характеризуется определенной продолжительностью, часто небольшой. Тревожность мы же понимаем как некую личностную черту характера, некоторый преморбид личности к образованию тревожных состояний. Безусловно тревога не является феноменом, проявляющимся исключительно у тревожных личностей. Тревога может проявляться у людей, имеющих самые разные личностные особенности, но при этом, в зависимости от этих особенностей может иметь различные источники и проявляться по-разному.

В своих работах Р. Кэттел, Ч. Спигергер, Ю.Л. Ханин предлагают различать ситуативную и личностную тревожность [14]. Личностная тревожность понимается, как относительно устойчивая черта личности, делающая субъекта предрасположенным человека к тревоге, предрасполагающая воспринимать его широкий класс событий, как опасные, а следовательно, отвечать на такие ситуации определенной реакцией. Такие ситуации могут восприниматься угрожающими для самоуважения или самооценки субъекта. Ситуативная тревожность, переживаемая как беспокойство, напряженность, нервозность и озабоченность, возникает в виде реакции на опасную, стрессовую ситуацию, имеет разную интенсивность и динамику.

Ф.Б. Березин также ввел понятие «тревожного ряда явления», под которыми он понимал состояния, которые закономерно сменяют друг друга, либо присоединяющиеся друг другу в процессе возрастания тревоги. Всего им было выделено шесть уровней тревоги [33].

Первый уровень тревоги имеет высокое адаптивное значение и интенсивность тревоги является достаточно низкой. На данном уровне тревога выражается ощущением некоторого напряжения, дискомфорта, настороженностью. Здесь ощущение тревоги еще слабо связано с какой-либо угрозой, а скорее является предвестником появления более выраженной тревоги.

На втором уровне появляются гипестезические реакции, которые выражаются в приобретении ранее нейтральными стимулами значимости, появлением у данных стимулов негативной эмоциональной окраски. Напряжение усиливается, появляется раздражительность.

Третий уровень непосредственно связан с появлением тревоги, с ощущением неясной опасности, неопределенной угрозы.

Четвертый уровень, согласно Ф.Б. Березину связан с появлением страха, то есть опредмечиванием опасности, в конкретизации угрозы. Необходимо отметить, что при этом объекты, вызывающие страх не обязательно напрямую связаны с истинными причинами тревоги.

На пятом уровне тревога и страх усиливаются и переживаются как ожидание неотвратимой катастрофы. Переживается в виде ужаса, представлений о неизбежности и катастрофичности опасности. При этом данная эскалация связана не с усилением угрозы, а, собственно, с нарастанием тревожных переживаний.

На шестом – наиболее высоком уровне тревоги, проявляющемся в тревожно-боязливом возбуждении, появляется непреодолимое желание в реализации двигательного возбуждения для эмоциональной разрядки, панические реакции, хаотичные попытки поиска помощи. При этом все это поведение может достигать высокой степени дезорганизации.

Тревога является комплексным полидетерминированным явлением, выступающим следствием воздействия ряда биологических, социальных и психологических факторов.

Биологические факторы тревоги весьма разнообразны. К ним следует отнести особенности работы вегетативной нервной системы, нарушение работы тормозящего тревогу нейротрансмитера ГАМК и т.д. К социальным факторам тревоги относят бедность, тяжелые условия жизни (деятельности) и др.

Третьей группой факторов развития тревоги выступают психологические факторы.

В рамках психоаналитического подхода, предложенного З. Фрейдом, существует два основных вида тревоги [17]. Первая – реалистическая тревога является здоровым эмоциональным состоянием, которое возникает под действием реальной опасности. Данный вид тревоги призван защитить ребенка от возможных негативных воздействий, формирует у него реалистичные представления о мире, позволяет справляться с жизненными трудностями.

Невротическая тревога произрастает из запретов выражения импульсов Ид со стороны родителей или внешних обстоятельств. Источники склонностей к подобным видам тревогам

Фрейд находил в детских переживаниях, связанных не только с запретами, но и с наказаниями. По мнению представителей психодинамического подхода, такая тревога особенно ярко проявляется у людей, которые имеют обширный опыт получения наказаний за попытки удовлетворения своих естественных потребностей.

В рамках экзистенциального подхода (Р. Мэй, И. Ялом, В. Франкл и др.) предполагается, что тревожность произрастает из экзистенциальной тревоги, суть которой заключается в напряжении, порождаемом ощущением конечности жизни, а также чувством ответственности за неё. Более того корни экзистенциальной тревоги кроются и в понимании возможной бессмысленности жизни. Таким образом, тревожность, согласно представителям экзистенциального подхода, связано с желанием избежать ответственности и вести внешне конформную жизнь [5].

Идеи о роли когнитивных факторов в развитии тревоги получили свое развитие в теоретических и эмпирических исследованиях А. Бека, Дж. Бек, У. Драйдена, А. Фримена, А. Элиса и др. [2; 20].

Рассматривая когнитивно-поведенческие модели тревоги, необходимо описать две модели: модель, разрабатываемая в рамках когнитивной терапии А. Бека; модель, разрабатываемая в рамках рационально-эмотивно-поведенческой терапии А. Элиса.

В рамках первого подхода первым фактором модели тревоги является предвкушение отрицательных событий будущего, что заставляет человека постоянно предполагать, что вероятность наступления неприятных событий достаточно велика.

Вторым фактором модели является неуверенность в себе и заниженная самооценка. Этот фактор тесно связан с завышенными требованиями к себе.

В качестве третьего фактора выступает страх потери близких людей для себя, которые являются опорой и способствуют формированию представления о мире и жизни. Подобное положение дел тесно связано с желанием тревожного субъекта делегировать ответственность за свою жизнь другим людям.

Еще одним важным фактором когнитивной модели тревоги является убеждение в неспособности взаимодействовать с людьми в обществе и строить с ними отношения, страх отвержения и непринятия.

Модель тревоги, рассматриваемая в подходе, предложенном А. Эллисом, в первую очередь, может быть изложена через глубинные убеждения, которые по мнению автора являются основными причинами дисфункциональных эмоций и поведения [2]. Так, базовыми факторами тревоги могут являться долженствование к себе, катастрофизация (ужастификация), нетолерантность к фрустрации и глобальная оценка себя. В качестве здоровой альтернативы тревоги А. Элис и его ученики рассматривали волнение, которое отличается от тревоги не только количественно, но также своими поведенческими и физиологическими особенностями, в том числе в контексте рассмотрения их функциональности.

Анализ данных источников позволил сформулировать гипотезу исследования, заключающуюся в предположении о том, что механизм развития тревоги у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по различным специальностям, обусловлен разными системами дезадаптивных убеждений.

Материалы и методы. Для проверки гипотезы исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы по проблеме исследования, опрос: шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю. Л. Ханина); методика измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация Т. А. Немчинова); опросник когнитивных ошибок А. Фримана, Р. Девулфа (адаптация Боброва А. Е., Файзрахмановой Е. В.); шкала дисфункциональных когнитивных искажений А. Бека, А. Вейсман (адаптация Захаровой М.Л.), опросник генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) R. Spitzer (адаптация А. А. Золотарева); статистические методы обработки данных.

Статистическая обработка данных эмпирического исследования включала применение коэффициента корреляции Спирмена и осуществлялась с применением статистического пакета StatSoftStatistica 8 MR-3.

Выборку исследования составили курсанты и слушатели Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Из них: 78 девушек и 42 юноши в возрасте от 18 до 22 лет,

обучающихся по трем специальностям: психология служебной деятельности (26 человек), психология и педагогика девиантного поведения (28 человек), правовое обеспечение национальной безопасности (предварительное расследование в органах внутренних дел) (66 человек).

Результаты. Для проверки гипотезы исследования проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции R. Спирмена. На первом этапе проведена проверка наличия таких связей между показателями тревоги и обобщенным показателем когнитивных искажений (ошибок), измеренного с помощью опросника когнитивных ошибок А. Фримана, Р. Девулфа (табл. 1).

Таблица 1. Корреляционная матрица показателей тревоги и обобщенным показателем дисфункциональных отношений (n=120) при $p \leq 0,05$

Показатели	Шкала Бека
ГТР	0,06
Шкала Тэйлора	-0,13
Реактивная тревожность	-0,11
Личностная тревожность	-0,10

Как следует из таблицы 1 ни один из показателей тревоги не имеет значимых корреляционных связей с когнитивными ошибками в их обобщенном виде.

На втором этапе исследования проверялось наличие корреляционных связей между отдельными показателями тревоги и когнитивных искажений на отдельных выборках, сформированных на основе специальности обучения.

Корреляционный анализ между показателями тревоги и когнитивными ошибками на выборке курсантов (слушателей) психологов показал наличие значимых связей между (табл. 2, рис. 1).

Как следует из таблицы 2 и рисунка 1 наиболее тесные корреляционные связи у психологов обнаруженные между показателями тревоги и когнитивных ошибок выражаются в следующем. Личностная тревога и показатели ГТР значимо связаны со шкалой катастрофизации у психологов. Также наиболее тесные связи у психологов обнаруживаются у личностной тревожности с максимализмом и упрямством. Таким образом, тревожность у психологов в первую очередь связана с катастрофизацией, максимализмом и упрямством.

Таблица 2. Корреляционная матрица показателей тревоги и когнитивных ошибок (психологи) (n=26)

Показатели	шкала "персоналии"	шкала "чтение мыслей"	шкала "упрямство"	шкала "морализация"	шкала "катастрофизация"	шкала «выученная беспомощность»	шкала "максимализм"	шкала "преувеличение опасности"	шкала "гипернормативность"
ГТР	-0,11	0,11	0,003	0,001	0,41*	-0,16	-0,11	-0,19	-0,003
Тейлор	0,20	0,006	-0,10	-0,18	-0,17	0,015	-0,11	-0,11	-0,08
РТр	-0,14	0,10	-0,03	0,04	-0,18	-0,13	-0,18	0,01	0,10
ЛТр	-0,06	0,11	0,39*	0,005	0,48*	-0,13	0,44*	0,03	0,03

* корреляционные связи с уровнем значимости $p \leq 0,05$

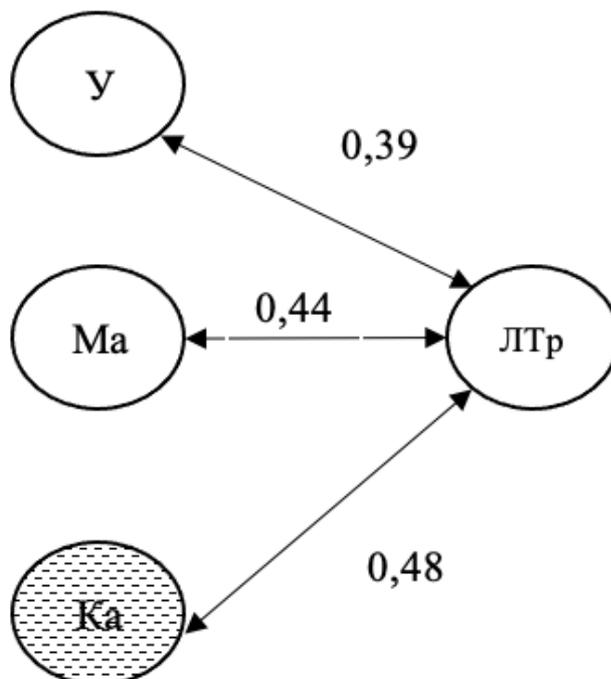

Рисунок 1. Корреляционные плеяды тревоги и когнитивных ошибок у психологов

Аналогичная процедура корреляционного анализа у курсантов и слушателей, обучающихся по специальности психология и педагогика девиантного поведения (социальных педагогов), показала следующий результат (табл. 3, рис. 2). Здесь наибольшие связи с шкалами тревоги отмечается у шкал «чтение мыслей», «персонализация» и «выученная беспомощность».

Таблица 3. корреляционная матрица показателей тревоги и когнитивных ошибок (социальные педагоги) (n=28)

Показатели	шкала "персонализация"	шкала "чтение мыслей"	шкала "упрямство"	шкала "морализация"	шкала "катастрофизация"	шкала «выученная беспомощность»	шкала "максимализм"	шкала "преувеличение опасности"	шкала "гипернормативность"
ГТР	0,116	-0,03	-0,2	0,17	-0,03	0,07	0,33	-0,10	0,27
Тейлор	0,38*	0,48*	0,06	0,34	0,18	0,46*	0,28	0,28	0,18
РТр	-0,06	-0,13	-0,23	0,08	0,17	0,17	-0,05	-0,10	-0,18

* корреляционные связи с уровнем значимости $p \leq 0,05$

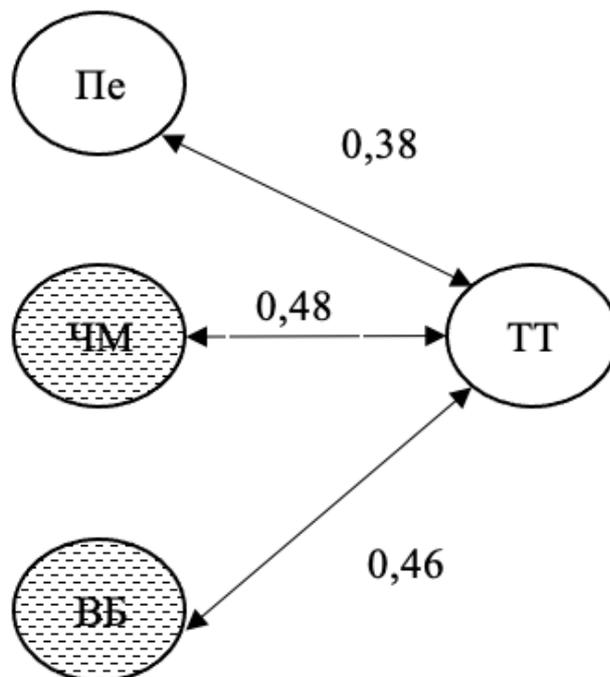

Рисунок 2. Корреляционные плеяды тревоги и когнитивных ошибок у социальных педагогов

В группе будущих следователей также наблюдается специфическая для них картина корреляционных связей между показателями тревоги и когнитивными ошибками (табл. 4, рис. 3). Наиболее существенная связь у следователей наблюдается между показателями тревоги и шкалой «морализация», также значимые связи с тревогой обнаруживаются у шкал «персонализация» и «упрямство».

Таблица 4. Корреляционная матрица показателей тревоги и когнитивных ошибок в группе курсантов, обучающихся по специальности правовое обеспечение национальной безопасности (предварительное расследование в органах внутренних дел) (n=66)

Показатели	шкала "персонализация"	шкала "чтение мыслей"	шкала "упрямство"	шкала "морализация"	шкала "катастрофизация"	шкала «выученная беспомощность»	шкала "максимализм"	шкала "преувеличение опасности"	шкала "гипернормативность"
ГТР	0,1	-0,06	0,03	0,12	0,02	0,15	0,07	0,001	0,19
Тейлор	0,27*	-0,02	-0,14	-0,08	-0,19	-0,21	0,02	-0,095	-0,07
РТр	0,1	0,2	0,1	0,13	0,14	0,06	0,12	0,0548	0,15
ЛТР	0,16	0,22	0,27*	0,33*	0,24	0,19	0,18	0,16	0,18

* корреляционные связи с уровнем значимости $p \leq 0,05$

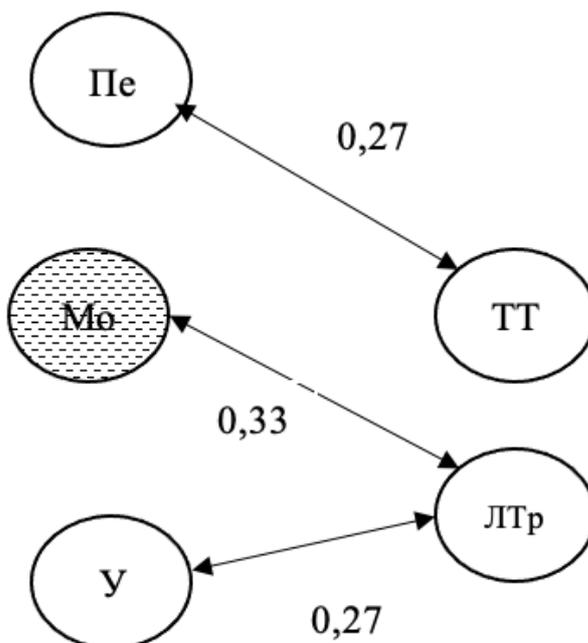

Рисунок 3. Корреляционные плеяды тревоги и когнитивных ошибок в группе курсантов, обучающихся по специальности правовое обеспечение национальной безопасности (предварительное расследование в органах внутренних дел)

Обсуждение результатов.

В ходе исследования было установлено, что механизмы развития тревоги специфичны для каждой из выбранных групп. Курсанты-психологи склонны развивать тревожные реакции на такие убеждения, как катастрофизация, максимализм и упрямство. Катастрофизация как механизм образования тревоги является классическим и встречается в таком качестве в работах основателей когнитивно-поведенческой психотерапии (А. Бек, А. Эллис). Признание субъективно более высокой значимости (в плане её опасности) определенной ситуации неизбежно приводит к усилению тревоги, вплоть до паники. В целом следует отметить, что катастрофизация, как ведущий механизм развития тревоги у психологов может быть объяснен склонностью людей, выбирающих данную профессию, к постоянной оценке последствий своих действий, самокопанию и т.д. Максимализм в качестве механизма развития тревоги, по нашему мнению, может быть объяснен высокой чувствительностью психологов к негативному результату. Это увязывает предыдущую связь максимализма с тревогой с данной связью. Так, если результат не максимально хороший, то он максимально плохой, что рождает представление о ситуации как ужасной и катастрофической. Упрямство, по нашему мнению, логично встраивается в систему механизмов образования тревоги в связи с ранее описанными механизмами. И катастрофизация и максимализм, и упрямство являются отличительной особенностью у людей с ананкастными чертами, которые нередко встречаются среди психологов.

Как следует из результатов корреляционного анализа социальные педагоги склонны к развитию тревожных реакций на основе действия таких дезадаптивных убеждений, как выученная беспомощность, чтение мыслей и персонализация. Предполагаемая будущая деятельность данной категории курсантов тесно связана с взаимодействием с «трудными» детьми и подростками. Коррекционное воздействие на них является важной задачей будущих инспекторов по делам несовершеннолетних. Однако позитивный результат в данной работе часто соседствует с ошибками и неудачей. Частое столкновение с ситуациями неуспеха закономерно приводят к формированию данного дезадаптивного убеждения. Важность «чтения мыслей» также представляется закономерным для данной специальности, так как условия деятельности данной категории специалистов являются весьма неблагоприятными, а отношение со стороны подростков и членов их семей резко негативным. Предвкусение проблемного общения закономерно может вызывать повышение тревоги. В этом же ключе мы склонны оценивать и персонализацию, как источник тревоги для данной группы респондентов.

Как следует из рисунка 3 морализаторство является основным источником тревоги в группе курсантов-следователей. Мы предполагаем, что именно подверженность негибким правилам рождает тревогу у данной группы респондентов, особенно, когда этим правилам что-то угрожает. Подобная закономерность кажется адекватной и в связи второго характерного дезадаптивного убеждения – упрямства (категоричности). Наличие персонализации в структуре механизма образования тревоги у курсантов следователей объясняется нами по аналогии с курсантами – инспекторами по делам несовершеннолетних.

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить, что специфика развития тревоги у курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России должна учитываться как на этапе профессионального психологического отбора, так и на всех этапах психологического сопровождения их деятельности. Своевременное понимание точек уязвимости курсантов позволит своевременно проводить психокоррекционную работу с ними, что может снизить негативное влияние тревоги на их учебную и будущую профессиональную деятельность.

Литература:

1. Акопян Л. С. Психология эмоциональных состояний и их регуляция у детей младшего школьного возраста (на материале детских страхов): дисс.... докт. псих. наук. – 2010.
2. Бек Д. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям: 3-е издание. – Питер, 2024.
3. Березин Ф. Б. Психическая адаптация и тревога // Психические состояния. СПб.: Питер. – 2000. – С. 219-229.
4. Большой психологический словарь. М.: Прайм ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003. (<https://psychology.academic.ru/>) (дата обращения: 28.01.2025 г.).
5. Гришина Н. Экзистенциальная психология. – Litres, 2022.
6. Данилова Е. А. Тревожность как фактор снижения эффективности обучения курсантов образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности: состояние и перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция : сборник научных трудов / сост. В. А. Балашова. – М. : Московский университет МВД России имен В.Я. Кикотя, 2022. – 441 с.
7. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолеляющего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России) : дис. – Московская академия МВД России, 2002.
8. Михайлов М. Я. Уровни тревожности и мотивации к образованию курсантов и слушателей системы МВД России // Лучшая научно-исследовательская работа 2020. – 2020. – С. 60-63.
9. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / И. А. Калиниченко, В. Л. Цветков, Л. Н. Костина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2019. – 207 с.
10. Психология оперативно-розыскной деятельности / И. И. Аминов, Д. А. Иванов, Л. Н. Костина [и др.]. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2023. – 392 с. – ISBN 978-5-238-03631-1. – EDN NDDUVY.
11. Русецкая Д. В. Особенности психологической коррекции негативных Психических состояний в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : дис. – Московский университет МВД РФ им. ВЯ Кикотя, 2021.
12. Самитов Э. О., Фатхуллин Р. Р. Проблема тревожности в работе сотрудников органов внутренних дел России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – №. 1-1. – С. 351-357.
13. Саппа Н.Н. О социальной тревожности курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnoy-trevozhnosti-kursantov> (дата обращения: 01.04.2024).
14. Спилбергер Ч. Д., Ханин Ю. Л. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности // Карелин АА Психологические тесты. – 2000. – Т. 1. – С. 39-45.
15. Тревожные расстройства // Всемирная организация здравоохранения. (<https://clck.ru/38ZDnC>) (дата обращения: 28.01.2025 г.).
16. Федотов А.Ю. Профессиональная надежность специалиста силовых структур. Монография. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. — 199 с.
17. Фрейд З. Том 6. Тревога и истерия. – Litres, 2022.
18. Хромова А. С. Особенности и развитие эмоциональной устойчивости будущих работников правоохранительных органов в процессе обучения : дис. – Иркутский государственный педагогический университет, 2008.
19. Цветков В. Л., Старостин С. Н. Профессиональная идентичность сотрудников ОВД и ее влияние на выбор стратегий поведения в служебных конфликтах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. №1. С. 3 – 14.

20. Эллис А., Макларен К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия/А //Эллис, К. Макларен.–Р-в на Д.: Феникс. – 2008.

ОБ АВТОРЕ:**Михно Ольга Сергеевна,**

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет», Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:**Mikhno Olga S.,**

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of psychology and pedagogy, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow International University», Moscow, Russia

*Михно О.С.***Сравнительный анализ особенностей межличностных отношений в коллективе как условия удовлетворенности трудом преподавателей вуза при разных формах трудовой занятости (очной и удаленной)***Статья посвящена исследованию межличностных отношений в коллективе как условия удовлетворенности трудом преподавателей вузов при разных формах трудовой занятости (очной и удаленной). Теоретический анализ научной литературы показал, что межличностные отношения в коллективе являются одним из важных факторов, влияющих на показатель удовлетворенности трудом, поскольку межличностные взаимоотношения на рабочем месте представляют собой неотъемлемую часть рабочей среды для всех сотрудников, работающих в организации. В эмпирическом исследовании представлены результаты сравнительного анализа**удовлетворенности трудом в группах преподавателей, работающих очно и удаленно, и влияния межличностных отношений на удовлетворенность трудом при разных формах трудовой занятости (ТЗ). В результате исследования было выявлено, что при очной форме ТЗ уровень удовлетворенности трудом у преподавателей вуза значимо выше, чем при удаленной. Также была выявлена взаимосвязь между показателями удовлетворенности трудом и межличностными отношениями в коллективе в двух группах преподавателей с разной формой ТЗ.***Ключевые слова:** удовлетворенность трудом, межличностные отношения в трудовом коллективе, очная и удаленная формы трудовой занятости, преподаватели вуза.**Для цитирования:** Михно О.С. Сравнительный анализ особенностей межличностных отношений в коллективе как условия удовлетворенности трудом преподавателей вуза при разных формах трудовой занятости (очной и удаленной) // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 86-92.**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN A TEAM AS A CONDITION FOR JOB SATISFACTION OF UNIVERSITY TEACHERS IN DIFFERENT FORMS OF EMPLOYMENT (FULL-TIME AND DISTANCE)***Mikhno O.S.**The article is devoted to the study of interpersonal relationships in a team as a condition for job satisfaction of university teachers with different forms of employment (full-time and distance). Theoretical analysis of scientific literature showed that interpersonal relationships in a team are one of the important factors influencing the job satisfaction indicator, since interpersonal relationships in the workplace are an integral part of the working environment for all employees working in the organization. The empirical study presents the results of a comparative analysis of job satisfaction in two groups and the influence of interpersonal relationships on job satisfaction with different forms of employment. The study revealed that with full-time employment, the level of job satisfaction among university teachers is significantly higher than with distance employment. A relationship was also found between job satisfaction indicators and interpersonal relationships in a team in two groups of teachers with different forms of employment.***Keywords:** job satisfaction, interpersonal relations in the work collective, full-time and distance employment, university teachers.**For citation:** Mikhno O.S. Comparative analysis of the characteristics of interpersonal relationships in a team as a condition for job satisfaction of university teachers in different forms

of employment (full-time and distance). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 86-92. (In Russ.)

Введение. За последнее десятилетие в России активно развиваются новые формы ТЗ, в том числе удаленная форма, что связано с разными внешними факторами: развитием высокоскоростных средств передачи информации и инфокоммуникационных технологий, изменением схемы организации труда, связанными с созданием дистанционных рабочих мест за счет трансформации и виртуализации рабочего инвентаря, выгоды, как для работников, так и для работодателей, поскольку удаленная форма ТЗ способствует повышению мобильности работников с одной стороны, с другой – позволяет работодателям экономить за счет уменьшения офисных помещений и пр. [1, с.196; 5, с.60] Развитие удаленной формы ТЗ обусловлено также и внутренними детерминантами: например, стремлением работников к самостоятельности и независимости (к самостоятельному планированию графика труда и отдыха, режима трудовой деятельности и др.), стремлением работников к интеграции разных сфер жизни – трудовой и личной и т.д. [7, с.64]

Несмотря на привлекательность удаленной формы работы, актуальными остаются вопросы организации и особенностей социально-психологического взаимодействия коллективов с удаленной ТЗ, в частности вопросы, касающиеся межличностных отношений в них.

Проблема межличностных отношений в малых группах, несмотря на достаточную разработанность в науке, по-прежнему вызывает обширный научный интерес. Отдельные аспекты проблемы раскрыты в трудах Г.М. Андреевой, А.А. Белисовой, Д.А. Демина, Е.П. Ильина, В.Н. Мясищева, А. Маслоу, Г. Салливана, Д.У. Джонсона и др.

Межличностные отношения в коллективе представляют собой сложный и многогранный процесс, который включает в себя установление и развитие взаимодействия между людьми [9, с.487]. Межличностные отношения сопутствуют жизнедеятельности человека, трансформируясь посредством различных детерминант, например, возраста, личностных особенностей, профессиональных предпочтений, социокультурных изменений. [4, с.38] От того, насколько продуктивными будут межличностные отношения, во многом зависит психологическая атмосфера в коллективе и успешность профессиональной деятельности личного состава. Так, в отдельных трудах раскрывается роль межличностных коллективов в удовлетворенности трудом для работника в целом [6, с.56; 9, с.487].

При удаленной форме ТЗ также сохраняется взаимодействие между членами трудового коллектива, которое осуществляется с помощью различных мессенджеров или использования виртуальных платформ [3, с.924; 10, с.60]. Спецификой такого межличностного общения является отсутствие личного взаимодействия и личных контактов между членами коллектива, ограниченное представление о личности сотрудников, часто – ограниченное представление об их профессиональных навыках и компетенциях, ограниченное представление о трудовых функциях и задачах, а также полномочиях каждого работника и др.

Проблема удовлетворенности трудом работников представлена в научных исследованиях К.А. Абульхановой-Славской, Е.А. Климова, Е.А. Лысовой, В.А. Ядова, А. Маслоу, Ф. Герцбергера, Дж. Олдхэма, Д. Макклелланда и др. В них раскрывается роль коллектива в формировании удовлетворенности трудом работников. Такие факторы как социальная поддержка, коммуникации и взаимодействие между членами коллектива, совместная (командная работа), непосредственный обмен опытом и знаниями, участие в принятии решений и разрешении конфликтов, роль в карьерном росте работников и т.д. – способствуют росту удовлетворенности трудом работников организации [2, с.128]. Р. Баумейстер и М. Лири утверждают, что стремление к принадлежности является фундаментальной основой человеческой мотивации и оказывает влияние на сознательные и неосознанные действия, мысли и эмоции. [8, с.100] Благоприятные межличностные отношения оказывают положительное влияние на рост продуктивности труда, способствуют формированию желания сотрудников не менять место работы.

Цель исследования: выявить особенности межличностных отношений и удовлетворенности трудом преподавателей вуза при разных формах трудовой занятости (очной и удаленной)

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между межличностными отношениями и удовлетворенностью трудом в коллективе:

- чем более благополучные межличностные отношения, тем выше показатели удовлетворенности трудом у преподавателей вуза;
- при удаленной форме ТЗ уровень удовлетворенности трудом ниже по причине отсутствия или незначительных межличностных взаимоотношений с коллективом.

Выборку исследования составили 26 преподавателей вуза с очной формой трудовой занятости и 24 преподавателя вуза с удаленной формой трудовой занятости. Выборка гетерогенная, стаж работы преподавателей от 10 до 15 лет, возраст респондентов от 32 до 51 года.

В ходе исследования применялись следующие методики:

- методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, предназначенная для изучения взаимоотношений в малых группах;
- методика «Удовлетворенность работой и коллективом» (Е.В. Шолоховой, Е.С. Кузьминой).

Для математической обработки данных применялись методы статистической обработки. Для выявления значимых различий между двумя группами применялся непараметрический критерий U-критерий Манна — Уитни, для выявления значимых взаимосвязей - коэффициент ранговой корреляции Спирмена (использовалась статистическая программа SPSS Statistics 26).

Результаты исследования

В таблице 1 представлены значимые результаты диагностики межличностных отношений в коллективе по методике Т. Лири.

Таблица 1. Значимые результаты диагностики межличностных отношений в коллективе (Т. Лири)

Критерии	Средние значения в баллах и стандартное отклонение (σ)		Достоверность различий	
	Преподаватели с очной формой занятости (ср. значения)	Преподаватели с дистанционной формой занятости (ср. значения)	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Альтруистический	9 \pm 2,1	5,1 \pm 1,2	181	,011*
Дружелюбный	9 \pm 1,8	5,3 \pm 2,1	178	,009*
Подозрительный	7,6 \pm 1,4	3,3 \pm 2,5	176	0,004
Эгоистический	5,3 \pm 1,8	8,2 \pm 2,3	418	,037*
Авторитарный	6,5 \pm 1,8	3,7 \pm 1,2	170	,005*

Анализ результатов, полученных по методике Т. Лири, показал значимые различия между группами преподавателей с разными формами ТЗ по шкалам «альтруистический»: среднее значение 9 в группе с очной ТЗ и 5,1 – с удаленной (Uэмп. = 181, при $p \leq 0,011$), «дружелюбный»: среднее значение 9 в группе с очной ТЗ и 5,3 – с удаленной (Uэмп. = 178, при $p \leq 0,009$), «эгоистический»: среднее значение 5,3 в группе с очной ТЗ и 8,2 – с удаленной (Uэмп. = 418, при $p \leq 0,037$), «авторитарный»: среднее значение 6,5 в группе с очной ТЗ и 3,7 – с удаленной (Uэмп. = 170, при $p \leq 0,005$), «подозрительный»: среднее значение 7,6 в группе с очной ТЗ и 3,3 – с удаленной (Uэмп. = 176, при $p \leq 0,004$).

Преподаватели с очной формой ТЗ проявляют значительно более высокие альтруистические тенденции по сравнению с преподавателями с удаленной формой ТЗ, а также у них выше показатели дружелюбия. Можно сделать вывод, что они больше, чем преподаватели с удаленной формой ТЗ вовлечены во взаимодействие с коллегами, стремятся оказывать им помощь, поддержку. Вместе с тем, преподаватели с очной ТЗ проявляют более авторитарные тенденции по сравнению с коллегами с удаленной формой ТЗ, а также имеют более высокие

показатели подозрительности, что может указывать на более интенсивное взаимодействие с коллегами, стремление занять лидерские позиции в коллективе, а также наличие в коллективе конфликтных тенденций. Преподаватели с удаленной формой ТЗ имеют более высокие показатели эгоизма, что может указывать на меньшую степень сотрудничества или заботы о других при такой форме занятости.

В таблице 2 представлены значимые результаты по методике «Удовлетворенность работой и коллективом» (Е.В. Шолоховой, Е.С. Кузьминой).

Таблица 2. Значимые результаты удовлетворенности работой и коллективом по методике Е.В. Шолоховой и Е.С. Кузьминой

Критерии	Средние значения в баллах и стандартное отклонение (σ)		Достоверность различий	
	Преподаватели с очной формой занятости (ср. значения)	Преподаватели с дистанционной формой занятости (ср. значения)	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Атмосфера в коллективе	7,6±2,6	4,3±2,1	157	0,001
Оценка коллектива	3±1,6	1,7±2,1	213	0,011
Оценка качеств руководителя	8,8±3,7	6,3±3,2	138	0,000
Нравится ли вам ваша работа	4,4±1,1	3,1±2,4	149	0,000
Общий индекс удовлетворенности трудом	42,5±5,4	34±3,1	74	0,000

Анализ результатов удовлетворенности трудом показал наличие значимых различий по шкалам «атмосфера в коллективе»: среднее значение – 7,6 у преподавателей с очной формой ТЗ и 4,3 – у преподавателей с удаленной формой ТЗ (Uэмп. = 157, при $p \leq 0,001$), «оценка коллектива»: среднее значение – 3 у преподавателей с очной формой ТЗ и 1,7 – у преподавателей с удаленной формой ТЗ (Uэмп. = 213, при $p \leq 0,011$), «оценка качеств руководителя»: среднее значение – 8,8 у преподавателей с очной формой ТЗ и 6,3 – у преподавателей с удаленной формой ТЗ (Uэмп. = 138, при $p \leq 0,000$), «нравится ли вам работа»: среднее значение – 4,4 у преподавателей с очной формой ТЗ и 3,1 – у преподавателей с удаленной формой ТЗ (Uэмп. = 149, при $p \leq 0,000$), «общий индекс удовлетворенности трудом»: среднее значение – 42,5 у преподавателей с очной формой ТЗ и 34 – у преподавателей с удаленной формой ТЗ (Uэмп. = 74, при $p \leq 0,000$).

Можно сделать вывод, что удовлетворенность трудом в группе преподавателей с очной формой ТЗ находится на среднем уровне, в группе преподавателей с удаленной формой ТЗ – ниже среднего.

Преподаватели, работающие в очной форме, оценивают атмосферу в коллективе значительно выше, чем их коллеги, работающие дистанционно. Это может указывать на более тесное взаимодействие и поддержку среди преподавателей с очной формой ТЗ. Преподаватели с очной формой ТЗ также более высоко оценивают свой коллектив, что может свидетельствовать о более высоком уровне сотрудничества и взаимопомощи в трудовом коллективе, чем при удаленной форме ТЗ. Также преподаватели с очной формой занятости значительно выше оценивают качества своего руководителя, что может указывать на более эффективное руководство и поддержку со стороны администрации в очной системе и способствовать большей удовлетворенности работой.

Далее был проведен корреляционный анализ с целью выявить взаимосвязи между особенностями межличностных отношениях в коллективе при разных формах ТЗ и показателями удовлетворенности трудом. В таблице 3 представлены значимые взаимосвязи, выяв-

ленные при анализе результатов в группе преподавателей с очной формой ТЗ.

Таблица 3. Значимые результаты корреляционного анализа межличностных отношений в коллективе и удовлетворенности трудом в группе преподавателей с очной формой ТЗ

	Атмосфера в коллективе	Оценка коллектива	Оценка качества руководителя	Нравится ли вам ваша работа
Альтруизм	,609**	, 502*	0,204	,405*
Дружелюбный	,437*	, 526*	0,108	,560*
Зависимый	0,220	-,442*	-,390*	0,109
Подчиняемый	0,112	0,134	-,401*	0,128
Подозрительный	-,400*	-,508*	0,111	0,200

Были обнаружены следующие данные о взаимосвязи межличностных отношений в коллективе с удовлетворенностью работой в группе преподавателей с очной ТЗ:

1) выявлена взаимосвязь показателей по шкале «альтруизм» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «атмосфера в коллективе» - $r=0,609$ при $p \leq 0,001$, «оценка в коллективе» - $r=0,502$ при $p \leq 0,01$, «нравится ли вам ваша работа» - $r=0,609$ при $p \leq 0,001$;

2) выявлена взаимосвязь показателей по шкале «дружелюбный» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «атмосфера в коллективе» - $r=0,437$ при $p \leq 0,05$, «оценка коллектива» - $r=0,526$ при $p \leq 0,01$, «нравится ли вам ваша работа» - $r=0,560$ при $p \leq 0,01$;

3) выявлена обратная взаимосвязь показателей по шкале «зависимый» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «оценка коллектива» - $r = (-0,442)$ при $p \leq 0,05$, «оценка качества руководителя» - $r = (-0,390)$ при $p \leq 0,05$;

4) выявлена обратная взаимосвязь показателей по шкале «подчиняемый» с показателями «оценка качества руководителя» $r = (-0,401)$ при $p \leq 0,05$;

5) выявлена обратная взаимосвязь показателей по шкале «подозрительный» с показателями «атмосфера в коллективе» - $r = (-0,400)$ при $p \leq 0,05$ и «оценка в коллективе» - $r = (-0,508)$ при $p \leq 0,01$;

Обобщив полученные результаты, можно сделать следующие выводы: по мере увеличения уровня альтруизма у сотрудников, улучшается и атмосфера в коллективе. Альтруистичные сотрудники, скорее всего, способствуют созданию более поддерживающей и дружелюбной рабочей среды. Также сотрудники, проявляющие альтруистичное поведение, скорее всего, получают более высокую оценку от своих коллег. Альтруизм может способствовать созданию более позитивного имиджа сотрудника в глазах других.

Умеренная положительная связь между дружелюбным поведением сотрудников и атмосферой в коллективе означает, что чем более дружелюбными являются сотрудники, тем лучше они оценивают атмосферу в своем рабочем окружении. Более дружелюбные сотрудники, как правило, имеют более высокую оценку своего коллектива, что может свидетельствовать о том, что данное качество способствует формированию положительного восприятия коллектива. Дружелюбные и альтруистические сотрудники с большей вероятностью будут испытывать положительные эмоции в отношении своей работы.

Сотрудники, которые проявляют зависимое поведение, а также подчиняемое и подозрительное, склонны давать более низкие оценки своему коллективу, также они ниже оценивают качества своего руководителя и ниже оценивают атмосферу в трудовом коллективе.

В таблице 4 представлены значимые взаимосвязи, выявленные при анализе результатов в группе преподавателей с удаленной формой ТЗ.

Таблица 4. Значимые результаты корреляционного анализа межличностных отношений в коллективе и удовлетворенности трудом в группе преподавателей с удаленной формой ТЗ

	Атмосфера в коллективе	Оценка коллектива	Нравится ли вам ваша работа
Альтруизм	0,111	, 415*	,519*
Дружелюбный	0,110	, 526*	,560*
Эгоистический	-0,508*	-0,604*	0,103

Были выявлены следующие взаимосвязи между показателями межличностных отношений и и удовлетворенности трудом в группе преподавателей с удаленной формой ТЗ:

1) выявлена взаимосвязь показателей по шкале «альтруизм» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «оценка коллектива» - $r=0,415$ при $p \leq 0,05$, «нравится ли вам ваша работа» - $r=0,519$ при $p \leq 0,01$;

2) выявлена взаимосвязь показателей по шкале «дружелюбный» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «оценка коллектива» - $r=0,526$ при $p \leq 0,05$, «нравится ли вам ваша работа» - $r=0,560$ при $p \leq 0,01$;

3) выявлена обратная взаимосвязь показателей по шкале «эгоистичный» с показателями таких критериев удовлетворенности трудом как «атмосфера в коллективе» - $r = (-0,508)$ при $p \leq 0,01$ «оценка коллектива» - $r = (-0,604)$ при $p \leq 0,01$.

Обобщив результаты можно сделать вывод, что для преподавателей, с удаленной формой ТЗ значимость межличностных взаимоотношений также важна, как и для преподавателей с очной формой ТЗ. Существует умеренная отрицательная корреляция между уровнем эгоистичности и атмосферой в коллективе, то есть с увеличением эгоизма сотрудников атмосфера в коллективе воспринимается ими как более негативная, вероятно, ухудшается. Также более эгоистические сотрудники, вероятно, склонны хуже оценивать своих коллег.

Выводы:

Полученные результаты по методике удовлетворенности трудом могут свидетельствовать о том, что очная форма ТЗ способствует лучшему взаимодействию в коллективе, более высокой оценке руководства и общей удовлетворенности работой. В отличие от этого, преподаватели с удаленной формой ТЗ демонстрируют более низкие уровни удовлетворенности по отдельным параметрам, что может быть связано с недостатком социальной поддержки и взаимодействия в условиях удаленной работы.

Также выявлены взаимосвязи между особенностями межличностных отношений в коллективах с разными формами ТЗ и их удовлетворенностью работой. Удовлетворенность работой при обеих формах ТЗ связана с межличностными отношениями. Чем более дружелюбной и открытой является атмосфера в трудовом коллективе – тем выше удовлетворенность работой. Обратные тенденции снижают уровень удовлетворенности работой.

Полученные результаты могут быть полезны для разработки мероприятий по повышению удовлетворенности трудом среди преподавателей, задействованных в разных формах ТЗ, разработки практических программ повышения коммуникативной компетентности с учетом особенностей как очной, так и удаленной форм ТЗ.

Литература:

1. Биктина Н.Н., Филиппова А.В. Изучение удовлетворенности трудом и социального интеллекта у психологов-фрилансеров // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 4 (45). С. 195-198.
2. Верещагина Л.А. Факторы удовлетворенности трудом психологов службы телефона доверия // Евразийский союз ученых. 2014. № 8-9. С. 128-130.
3. Зунгуев В.Б., Радаев А.И., Кожанов И.Е., Джапов А.С., Шурбаева Э.С., Базырова З.Н., Ходжинова У.Б.С. История возникновения мотивации труда персонала: удовлетворенность трудом и командная работа, в том числе через спортивные игры // Экономика и предпринимательство. 2024. № 8 (169). С. 924-928.
4. Исурина Г.Л., Карпова Э.Б., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений в. Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 36-44.

5. Колесникова О.А., Стребков А. А. Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. 2020. №4 (41). С.57-66.
6. Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Удовлетворенность трудом и успешность в труде: взаимосвязь понятий // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 2 (34). С. 55-61.
7. Михно О.С. Уровень тревожности и эмоционального выгорания психологов с разной формой трудовой занятости//Человеческий капитал. 2025. № 2 (194). С. 64-74.
8. Никитская М.Г., Толстых Н.Н. Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 100–113. DOI: 10.17759/jmfp.2018070210
9. Царева Н.А., Мельникова А.А. Мотивация труда персонала: удовлетворенность трудом и командная работа // Вестник Академии знаний. 2022. № 53 (6). С. 486-490.
10. Шахова Е.А. Удовлетворенность трудом в условиях прекарной занятости работников умственного труда // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 4 (65). С. 48-66.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

ОБ АВТОРАХ:

Морозова Надежда Константиновна,
Магистрант 1-го года обучения кафедры иностранных языков, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Москва, Россия

Богатырева Светлана Николаевна,
Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Morozova Nadezhda K.,
1st year master's student of the Foreign Languages Department, study area 44.04.01 Pedagogical education, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University), Moscow, Russia

Bogatyreva Svetlana N.,
PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University), Moscow, Russia

Морозова Н.К., Богатырева С.Н.

Изучение идиоматических конструкций в контексте развития межкультурной компетенции будущего преподавателя иностранного языка

Важной составляющей профессиональной компетентности будущего преподавателя иностранного языка является его всесторонне развитие в процессе предметной – практической языковой и теоретико-лингвистической подготовки в условиях современного вуза. Авторы полагают, что идиоматические конструкции или фразеологизмы могут выступать эффективным средством понимания концептосферы другой нации и, соответственно, способствовать эффективному культурному диалогу и взаимообогащению. Цель исследования заключается в определении места и роли идиоматических конструкций в развитии межкультурной компетенции будущего преподавателя иностранного языка.

Рассматриваются различные подходы к определению понятия межкультурной коммуникации, сущность которого заключается в успешном взаимопонимании двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Подчеркивается роль межкультурной коммуникации в процессе глобализации, обуславливая необходимость для каждого человека осознать глобальные изменения и иметь возможности для успешной социализации в новых условиях. Выдвигается тезис о сопричастности языка и культуры, где роль языка обосновывается: 1) отражением существующей действительности; 2) инструментом, формирующим своего носителя.

Изучаются составляющие эффективной межкультурной коммуникации, где наряду с языком другой страны выделяются такие элементы, как внутринациональные отношения, стереотипы, образ мысли, отношение к времени и пространству и др. В связи с этим, делается вывод о необходимости учитывать скрытые особенности той или иной национальной культуры, заложенные в языке имплицитно, неявно. Одним из таких направлений изучения языка другой культуры могут выступать фразеологизмы или идиоматические конструкции.

Теоретическая база исследования опирается на труды Верещагина В.М., Костомарова В.Г., Холла Т.Э. и Самовара Л.А. В работе были использованы методы теоретического исследования, которые позволили проанализировать базу источников в рамках темы и выделить существующие пробелы в понимании роли идиоматических конструкций в процессе межкультурной коммуникации на примере политического дискурса. Результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы о том, что фразеологизмы, в силу своей способности отражать национальную культуру, представляются отдельным направлением изучения языка другой страны в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурное взаимодействие, национальная культура, идиоматические конструкции, фразеологизмы, концепт .

Для цитирования: Морозова Н.К., Богатырева С.Н. Изучение идиоматических конструкций в контексте развития межкультурной компетенции будущего преподавателя иностранного языка // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 93–103.

IDIOMATIC CONSTRUCTIONS IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF A FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Morozova N.K., Bogatyreva S.N.

The comprehensive development in the process of subject - practical language and theoretical-linguistic training under the conditions of modern university is an important part of the professional competence of a future foreign language teacher. The authors believe that idiomatic constructions or phraseology can be an effective means of understanding the conceptual sphere of another nation and, accordingly, contribute to efficient cultural exchange and mutual enrichment. The aim of the study is to determine the place and role of idiomatic structures in the aspect of intercultural communication of a future foreign language teacher.

Different approaches to the definition of the concept of intercultural communication are considered. The essence of ICC is the successful mutual understanding of two communicative act participants belonging to different national cultures. The role of intercultural communication in the process of globalization is emphasized, making it necessary for each person to be aware of global changes and have opportunities for successful socialization in new circumstances. The thesis of the connection between language and culture is proposed, where the role of language is justified: 1) by reflecting the existing reality; 2) by the instrument that forms its native speakers.

The study of the components of effective intercultural communication includes such elements as internal national relations, stereotypes, way of thinking, attitude to time and space are highlighted along with the language of other country. Therefore, it is concluded that the hidden features of a national culture implicitly embedded in the language should be taken into account. One of these areas of language learning of another culture can be phraseology or idiomatic constructions.

The theoretical basis of the study is based on the works of V.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov, T.E. Hall and L.A. Samovar. The theoretical research methods were used in the work, which allowed us to analyse the source base on the topic of the article and highlight existing gaps in understanding the role of idiomatic structures in intercultural communication process by example of political discourse. The results of the conducted research allow us to conclude that phraseology is presented as a separate field of study in the language of another country at the ICC through its ability to reflect national culture.

Keywords: intercultural communication, intercultural interaction, national culture, idiomatic structures, phraseology, concept.

For citation: Morozova N.K., Bogatyreva S.N. Idiomatic constructions in the context of development of intercultural competence of a future foreign language teacher. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 93-103. (In Russ.)

Введение

В эпоху изменяющейся геополитической ситуации в мире и трансформации концепта «глобализация» как такового особое значение приобретает изучение межкультурной коммуникации с целью эффективного взаимодействия между представителями различных лингвокультурных сообществ. Период середины 1970-х гг. послужил становлением темы диалога и взаимопонимания культур, в которой все большее место отводилось самобытности и различиям культур разных народов. Противоречие между процессом глобализации, ведущему к стиранию границ и унификации, и жёсткое отстаивание собственных уникальных черт и категорическое неприятие навязываемых стандартов породило рождение нового направления науки – межкультурной коммуникации (далее - МКК).

Россия, являясь самым большим государством на планете, насчитывает почти сотню территориальных субъектов и более 190 национальностей, выступающих носителями определённого культурного кода. Такое культурное богатство нашей страны оправдывает необходимость развития диалога культур, обмена ценностями и приумножения совместных проектов для будущих поколений. Российская Федерация за последние десятилетия закрепляет свои позиции как одна из ведущих политических сил на международной арене, налаживая и развивая экономические, политические и культурные взаимодействия со всеми континентами. Создаются и расширяются межнациональные объединения с целью взаимовыгодного сотрудничества и позитивного обмена опытом. Наиболее плодотворное взаимодействие возможно исключительно с учётом суверенитета, традиций и культуры каждого государства.

В силу развития технологий и в том числе искусственного интеллекта языковой барьер как таковой стирается, однако его заменяет барьер глубинного понимания смыслов и понятий, языковой и национальной картины мира. Встаёт вопрос изучения концептосферы конкретного человека, народа, нации. Проблема взаимосвязи языка и культуры в лингвистике особенно становится актуальной в период изменений социально-политического характера. Идиоматические конструкции заключают в себе потенциал как к преодолению языкового барьера, так и в качестве способа приблизиться к пониманию национальной картины мира, культуре изучаемой страны.

Цель исследования заключается в определении места и роли идиоматических конструкций в развитии межкультурной компетенции будущего преподавателя иностранного языка.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. рассмотреть историю и подходы к определению понятия «межкультурная коммуникация (МКК)»;
2. проанализировать составляющие МКК и определить взаимосвязь языка и культуры другой страны;
3. выявить и проиллюстрировать конкретными примерами необходимость изучения идиоматических конструкций как средства обогащения языка другой национальной культуры.

Обзор литературы

Исследованием проблем межкультурной коммуникации занимались активно как отечественные, так и зарубежные авторы. Середина и вторая половина прошлого столетия ознаменовали становление межкультурной коммуникации как независимой науки в первую очередь благодаря трудам американского антрополога и кросс-культурного исследователя Э. Холла.

Понимание компонентов процесса коммуникации и степень влияния каждого из них на процесс точного понимания передаваемой информации нашло отражение в классификации Л. Самовара и Р. Портера [19].

Отечественные учёные (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и С.Г. Тер-Минасова и др.) особое внимание уделяли определению сущности межкультурной коммуникации и связывали данное понятие с языковыми явлениями. Отмечается при этом недостаточность преодоления языкового барьера для обеспечения эффективного межкультурного общения. Подчёркивается необходимость учёта ситуации и условий общения, невербальных жестов, наличия глубоких фоновых знаний. Специфика такого общения также заключается и в самом носителе той или иной национальной культуры и языка [3, 11]. Именно поэтому под пристальным вниманием исследователей сегодня находятся «константы культуры», к которым относятся концепты, которые, по утверждению В.А. Масловой появляются в глубокой древности и прослеживаются через взгляды мыслителей, писателей и рядовых носителей языка вплоть до наших дней [5].

Концепт как структура представления знаний рассматривается З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в системе языковых взаимодействий. Концепт в данном случае выступает производением или продуктом, при этом являясь разноуровневым феноменом, одновременно принадлежащим логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам. При этом учёные предложили чёткое разграничение понятий *концептосферы* и *менталитета* [8].

Большинство исследователей характеризуют концепт как «мыслительную единицу» (ментальную), как «структуру представления знания», вербализированную в слове, словосочетании, фразеологизме и других формах.

В этой связи аспектам перевода фразеологических единиц стоит уделить особое внимание, т.к. перед переводчиком стоят две основные задачи: строгое соблюдение норм сочетаемости слов в переводящем языке и передача образности фразеологизма.

Методы исследования

В данной работе был использован теоретический метод исследования по вопросу становления и роли межкультурной коммуникации как ветви современного языкознания в условиях глобализации в экономической, социальной, научной сферах и культурного обмена. Нами были использованы методы теоретического и сравнительного анализа, синтеза данных.

Результаты исследования

Следует определить терминологический аппарат и в первую очередь раскрыть понятие «коммуникация». В самом общем смысле коммуникацию можно понимать как взаимодействие и обмен информацией между любыми динамично развивающимися системами. Американский лингвист и антрополог Э. Сепир утверждал, что «...любой культурный стереотип и любой единичный акт социального поведения эксплицитно или имплицитно включают коммуникацию в качестве составной части» [10, с. 210]. Как отмечал автор, коммуникативные процессы действуют не только в обществе как некотором целом: они бесконечно разнообразны по форме и значению для разных типов личностных отношений, из которых складывается общество. Продолжая мысль, можно говорить и о разнообразии коммуникативных процессов на межнациональном или межкультурном уровне.

Принято связывать рождение МКК с именем Э. Холла и В. Трагера, выдвинувших тезис о неразрывной связи культуры и коммуникации в своей книге «Culture as Communication» («Культура как коммуникация») в 1954 г. [15]. Способность участвовать в межкультурной коммуникации определяется как идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше адаптироваться к окружающему миру.

Впоследствии, теория получила развитие в труде «The Silent Language» («Молчаливый язык»), в которой Э. Холл подробно описал основные положения и идеи межкультурной коммуникации. В первую очередь автор подчеркивал необходимость и возможность обучения личности знаниям о других культурах, при этом, подчеркивая, что под культурой подразумевается не одна какая-либо изолированная часть, а множество частей. По мнению автора, существует как минимум 10 составляющих культуры, служащих также её основаниями и отвечающими строгим критериям, установленных лингвистической моделью культуры [14]. Появившиеся затем определения «кросскультурная» и «мультикультурная» по отношению к коммуникации сформировали линейку понятий.

Таким образом, предметом исследования межкультурной коммуникации является вопрос как люди из разных культур общаются, воспринимают и интерпретируют всё происходящее вокруг них. Интерпретация вербальных и невербальных знаков будет основываться на приверженности соответствующей культуре, убеждениям, системах ценностей, а также опыте [18]. Отметим, что в силу своей многогранности и метапредметного характера, до сих пор не существует устоявшегося определения термина «межкультурная коммуникация».

В.П. Фурманова под МКК понимает «взаимодействие существующих в определенном пространстве и времени культур, в котором феномен культуры рассматривается как родовое понятие, а культурные контакты приобретают различные формы, находящие свое выражение в соприкосновении, взаимовлиянии, синтезе, дополнительности и диалоге. Это взаимодействие культур, эксплицирующих тип личности, несущий конкретное историческое содержание той или иной эпохи, и позволяющий осмыслить взаимные ценности, самосознание и глубокую человеческую сущность» [12].

Большое внимание сопряженности языка и культуры уделяли Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в своей работе «Язык и культура». Безапелляционным является тот факт, что две национальные культуры никогда не совпадают полностью в силу того, что каждая культура состоит из национальных и интернациональных элементов. Совокупность данных элементов для каждой пары сопоставляемых культур будет различна. Авторы понимают МКК как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [3].

С. Г. Тер-Минасова рассматривала понятие «язык» как одновременно «зеркало и инструмент культуры, отражающего мир и культуру, и формирующего своего носителя как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу, навязывая и развивая систему ценностей, мораль» [11, с. 74]. Также исследователь делала акцент на всевозможных проявлениях культурного конфликта, который может проявиться во всех видах человеческой жизни и деятельности при любых контактах с другими культурами, в том числе и «односторонних», будь то чтение иностранной литературы или знакомство с произведениями искусства. Подчеркивалась необходимость преодоления не только языкового, но и культурного барьера между представителями разных культур.

При этом С. Г. Тер-Минасовой выделялись компоненты культуры, несущие национально-специфическую окраску, которые могут затруднить процесс межкультурного общения:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной системе нормативных требований);

б) бытовая культура, тесно связанная с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественная культура, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Зарубежные исследователи Л. Самовар и Р. Портер в своём труде «Коммуникация между культурами» также придавали особое значение изучению коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного общения. Культурная специфика, отражающаяся на поведении индивидуума и всего общества в целом, стала ключевым элементом:

1. Отношения;
2. Стереотипы;
3. Социальная организация культуры;
4. Образ мысли;
5. Социальные роли и поведенческие нормы;
6. Язык другой страны;
7. Восприятие пространства;
8. Отношение ко времени [19].

Становится понятно, что знание языка культуры другой страны и преодоление языкового барьера не являются гарантией успешного межкультурного взаимодействия в силу большого значения других факторов. Ошибки в преодолении культурного барьера воспринимаются гораздо болезненнее, чем языковые ошибки. В этой связи вспоминается цитата С.Г. Тер-Минасовой: «Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду...» [11, с.32].

На наш взгляд, существуют те стороны изучения языка, которые во многом отражают скрытые, не проявленные на первый взгляд особенности национальной культуры, заложенные имплицитно. Этим «ключом» для понимания другой страны в языке являются идиоматические конструкции или фразеологизмы. Устойчивые словосочетания, фразеологизмы, идиомы – все эти языковые феномены служат инструментами передачи информации на уровне представлений и образов с целью дальнейшей интерпретации. Особую роль с этой точки зрения играет частная безэквивалентность или неполная эквивалентность слов в разных языках, когда знание какого-либо понятие должно дополняться знанием семантики, т.е. лексико-фразеологической сочетаемости и разного рода социолингвистическими коннотациями. Данные коннотации обуславливаются историческим периодом развития общества, обычаями и традициями говорящих, место и целями общения.

Под фразеологизмом (идиомой) мы понимаем общее название семантически несвободных сочетаний слов (фразеологических единиц), которые не воспроизводятся в речи, а воспроизводятся в закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава [1, с.341].

Дмитриева Л.Ф. отмечала особенно отмечала перевод образных фразеологических единиц, представляющих с точки зрения семантики гораздо более сложные образования, в отличие от необразных выражений, имеющих зачастую устоявшиеся варианты перевода. В связи с этим выделяется четыре основных способа перевода образных фразеологизмов:

- 1) Передача английского образного выражения фразеологическим эквивалентом;
- 2) Использование метода фразеологического аналога (при этом необходимо учитывать факторы стилистической неравноценности налоговых фразеологизмов и национальную окраску фразеологических единиц;
- 3) Дословный перевод или калькирование;

4) Метод описательного перевода (возможен в тех случаях, когда объяснение образного фразеологизма не представляется возможным ни с помощью поиска эквивалента, аналогии или дословного перевода) [4].

Проиллюстрируем роль идиоматических конструкций, обладающих особой коннотативной составляющей, примерами из политического дискурса. Дискурсом является система коммуникации, включающая не только языковые средства, но и обладающая дополнительными функциями, задачами, это «языковое отражение и выражение существующей социальной практики» [13]. Известно, что использование фразеологизмов характерно для выступлений президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, с присущей ему экспрессивностью и эмоциональной нагруженностью. Такие слова даже получили своё собственное название – «путинизмы».

В 2013 году разразившийся в США скандал в связи с действиями Агентства национальной безопасности стал главной темой воскресных программ всех ведущих американских телеканалов и некоторых мировых СМИ. Власти США выдвинули требования об экстрадиции находящегося на территории России 29-летнего Эдварда Сноудена, бывшего технического специалиста ЦРУ, который выступил с разоблачениями действий американской разведки. В прозвучавшем комментарии по этому поводу Президент России В.В. Путин дал ответ.

Таблица 1

Оригинальный текст	Вариант перевода
<p>«Случай со Сноуденом похож на ещё один — случай с Ассанжем. Они оба считают себя правозащитниками и заявляют, что борются за распространение информации. Задайте себе вопрос: нужно ли выдавать таких людей для посадки в тюрьму? В любом случае я бы предпочитал не заниматься такими вопросами, потому что это всё равно, что поросёнка стричь, — визга много, а шерсти мало».</p>	<p>«In his first public comments since Edward Snowden flew in on Sunday, Putin appeared to make light of the diplomatic uproar over the fugitive, whose flight from U.S. authorities is becoming a growing embarrassment for President Barack Obama. Asked by a journalist about the affair, he smiled fleetingly: «I myself would prefer not to deal with these issues. It's like shearing a piglet: there's a lot of squealing, but there's little wool» [15].</p>

Данный пример представляет особый интерес с точки зрения историко-этимологического анализа. Отметим, что первоначально авторство фразы некоторыми слушателями было приписано самому президенту. Стоит отдать должное, до этого момента выражение не встречалось в информационном поле, более того, не было включено во многие толковые и фразеологические словари. Тем не менее, фраза получила отражение в фольклорных источниках – «Большом словаре русских пословиц» [7]. Также эквивалентные выражения встречаются во многих европейских языках. Особенно сильно фраза «*viel Geschrei und wenig Wolle*» закрепились в немецком языке ещё со времён средневековья. Она активно употреблялась немецкими писателями и даже приобрела диалектные формы. Как отмечают исследователи, фраза «**Визга много, а шерсти мало**», вероятно, является наследием европейской языковой культуры, полученное Россией в послепетровское время. Вероятно, оно проникло в русский язык из речи немецких колонистов и стало частью городского просторечия с XVIII века [6]. Дословный перевод на английский язык хоть и имеет потенциал к передаче заложенного смысла, тем не менее звучит нетипично и нелепо для носителей, которые предложили гораздо более удобоваримый вариант перевода "**There's no use crying over spilled milk**" или "**Seeing the big picture**" [16].

Третий секретарь департамента лингвистического обеспечения МИД России Наталья Красавина в своём интервью вспоминает, как в 19 декабря 2019 года в рамках ежегодной пресс-конференции на вопрос одного из журналистов Владимир Владимирович ответил.

Таблица 2

Оригинальный текст	Вариант перевода
«Известная фраза « Донбасс порожняк не гонит » — она, конечно, хулиганская, бойцовская, но она в душе у людей есть. Там люди гордые живут».	«... <i>you know there are people who care about dignity, about pride...</i> ».

Тогда, в условиях временных ограничений и благодаря эффекту неожиданности синхронный переводчик прибёг к приёму опущения и переходу к следующей мысли.

После коллективного обсуждения был предложен иной перевод [17].

Таблица 3

Оригинальный текст	Вариант перевода
« Донбасс порожняк не гонит »	« <i>Donbass doesn't talk nonsense</i> »

Переводчики признают потерю эмоциональной коннотации, но всё же считают этот аспект не столь важным в рамках синхронного перевода. Позднее был представлен официальный вариант перевода на Сайте Президента России [9].

Таблица 4

Оригинальный текст	Вариант перевода
«Известная фраза « Донбасс порожняк не гонит » — она, конечно, хулиганская, бойцовская, но она в душе у людей есть. Там люди гордые живут».	« <i>There is a saying that people in Donbass never yield under pressure. It definitely has a ruffian and aggressive side to it, but this is how people feel deep inside</i> »

В данном случае был использован описательный перевод, снявший стилистическую окраску выражения. Такое многообразие переводов свидетельствует о весьма сложной задаче в правильной передаче заложенного смысла. Это объясняется принадлежностью использованной фразы к группе стилистически сниженной лексики т.е. лексике, отличающейся от литературной нормы или языкового стандарта. Более того, «**Донбасс порожняк не гонит**» несёт в себе явные жаргонные корни, что делает поиск эквивалентного перевода практически невозможным.

Резонансным во всех смыслах стало интервью Владимира Путина американскому журналисту Такеру Карлсону в начале 2024 года. Многие слова и фразы, сказанные президентом Российской Федерации, представляют интерес с точки зрения перевода на английский язык. Рассуждая о возможном освобождении американского журналиста Эвана Гершковича, задержанного в России по подозрению в шпионаже, последовал комментарий со стороны российского президента.

Таблица 5

Оригинальный текст	Вариант перевода
«Но по факту это называется шпионаж. И всё доказано, ведь его взяли с поличным – при получении этой информации... Его с поличным взяли , когда он получал секретную информацию на конспиративной основе»	«The fact has been proven, as he was caught red-handed when he was receiving this information...But he was caught red-handed when he was secretly getting confidential information»

В данном случае был найден и представлен достаточно близкий перевод устойчивой фразы «быть пойманным с поличным» или «взять с поличным». Как мы можем заметить, в английском переводе «red-handed» смысл передаётся с помощью определённой ассоциации

с цветом. Известно, что в русском языке красный скорее ассоциируется с «красивым», однако в английском языке этот цвет несёт скорее негативное значение. Это подтверждает наличие других идиом, окрашенных негативным значением:

- **To see red** — приходить в бешенство. Данную идиому можно ассоциировать с красной тряпкой для быка. Хотя быки реагируют агрессивно не на красный цвет, а на движения, в умах многих закрепилась ассоциация между красной тряпкой и чем-то, что сильно нервнрует и раздражает.

- **A red herring** — отвлекающий маневр, подсадная утка.

- **To be in the red** — быть в долгах.

На вопрос интервьюера о действиях премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона в переговорном процессе между Россией и Украиной последовала достаточно яркая фраза Владимира Путина.

Таблица 6

Оригинальный текст	Вариант перевода
Т.Карлсон: «Это хороший вопрос. Зачем он это сделал?» В.Путин: « Да хрен его знает , сам не понимаю»	Tucker Carlson: That is a good question. Why did he do that? Vladimir Putin: Hell knows . I don't understand it myself

В обоих языках существует множество устойчивых выражений с ругательным значением данных слов. На первый взгляд выбранный вариант перевода заставляет задуматься о схожести понятий «хрен» в русском языке и «ад» («hell») в английском. Однако, если мы вспомним иные вариации фразы «Хрен его знает» («Чёрт / леший / бес его знает»), улавливается связь с английским переводом. В общем значении, фраза говорит о знании, которое находится «за чертой» понимания.

В дополнение к предыдущему примеры вспоминается аналогичная ситуация, произошедшая годом ранее, в 2023 году на Петербургском экономическом форуме. Разговор шёл о сокращении ядерных вооружений России, на что последовали слова В.В. Путина.

Таблица 7

Оригинальный текст	Вариант перевода
«...они знают об этом и всё время склоняют нас к тому, чтобы мы начали переговоры по сокращению. Хрен им »	"We have more than NATO countries and they want to reduce our numbers. Go to hell. "

Такой перевод был использован многими иностранными СМИ, в частности, The Telegraph, The Sun, Daily Mail и Mirror. Более того, за оценкой такого перевода обратились к пресс-секретарю президента Дмитрию Пескову, который заявил, что: «Есть в английском языке ряд идиом и фраз, которые практически невозможно дословно перевести на русский. Это нормальное лингвистическое явление. Не нужно за это цепляться. Основной смысл они поняли».

Продолжив разговор о переговорах с Украиной, в интервью прозвучали слова Владимира Владимировича Путина, имеющих переносный смысл.

Таблица 8

Оригинальный текст	Вариант перевода
«Как только мы отвели войска от Киева, сразу же наши украинские переговорщики выбросили в помойку все наши договорённости ...»	«As soon as we pulled back our troops from Kiev, our Ukrainian negotiators immediately threw all our agreements reached in Istanbul into the bin ...»

Использованный дословный перевод фразы в данном случае не вызывает возражений,

поскольку английский перевод имеет достаточно эквивалентное значение и в достаточной мере передаёт смысл.

Вопрос глобального мироустройства также был затронут в рамках интервью. Такер Карлсон попросил прокомментировать президента РФ о существующих альянсах и блоках, способствующих становлению многополярного мира.

Таблица 9

Оригинальный текст	Вариант перевода
«Нужно, чтобы и мир был единым, чтобы без-опасность была общей, а не рассчитанной на этот «золотой миллиард» »	«The world should be a single whole, security should be shared, rather than meant for the «golden billion» »

Сравнение результатов перевода в Таблице 8 и Таблице 9 позволяет прийти к выводу о сходстве в стратегии перевода устойчивых фраз. Тем не менее, пример перевода словосочетания «золотой миллиард» отличает устоявшийся за последние годы интернациональный характер фразы, пришедшей из конспирологической теории о невидимых силах, которые добиваются перераспределения мировых ресурсов в пользу относительно небольшой группы людей.

Среди последних наиболее крупных выступлений президента Российской Федерации можно отметить Итоги года с Владимиром Путиным от 19 декабря 2024 года – совмещённый формат пресс-конференции и прямой линии. Отметим, что на данный момент не опубликован перевод стенограммы выступления на английский язык, тем не менее, уже сейчас можно судить о наиболее интересных и сложных с точки зрения перевода моментах выступления. В данной статье мы приводим ответ президента на вопрос от Дарьи Шучалиной, Республика Коми, газета «Республика» о благоустройстве небольших населённых пунктов на Дальнем Востоке и районах Крайнего Севера:

*«...Мы знаем, как жители республики относятся и к своей малой родине, и к нашей **большой общей Родине**, к России, всегда стояли на её защите и исполняли эту функцию очень достойно, блестяще...» [9].*

Именно этот пример особенно остро позволяет выявить проблему передачи смысла на уровне национального концепта. Проникновение в концептосферу позволяет приблизиться к миропониманию и поведению людей, позволяет определить как универсальные черты, присутствующие всем концептосферам народов, так и национально специфические черты. Мы понимаем концептосферу как упорядоченную совокупность концептов народа. З.Д. Попова и И.Стернин предложили следующее определение концепта: «...концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [8, с. 34].

В данном случае переводчик сталкивается со сложностью передачи концепта «Родины» и «малой родины». В английском языке известны такие вариации перевода, как **«Motherland»** (родина), **«Fatherland»** (отечество) и **«Homeland»**, являющийся нейтральным термином. Встаёт вопрос какой из существующих вариантов наиболее близко смог бы отразить заложенный смысл. Выбор будет во многом зависеть от страны и концептуально понимаемом значении родины в ней. Известно, что в некоторых странах существует олицетворению родины с женской фигурой, например **«Mother Russia»** (Родина-мать) и **«Bharat Mata»** (Mother India – мать Индия). В Германии же родина связывается с мужской фигурой - национальный гимн Германии содержит строку, которая переводится на английский как **«Unity and justice and freedom for the German fatherland!»** (Единство, справедливость и свобода для немецкого отечества!). Термин Homeland, как отмечают эксперты, является относительно новым и пока не получил большой популярности. Однако, в приведённой цитате Владимира Владимировича Путина сталкиваются сразу два близких, но тем не менее различных концепта

малой и большой родины, совершенно понятной для носителей языка, но представляющей определённые трудности для иностранцев. Известный писатель В. Шаламов, подчеркивая значимость пространственно-временных аспектов малой родины, подчеркивал, что в период детства и ранней юности в рамках малой родины «рождается Родина». Поэтому этот период «самое дорогое, самое важное для человека время» [2]. На наш взгляд, этот пример наиболее точно отражает роль корректного перевода и его задачу, которая состоит не просто в способности отразить основную суть мысли, но и постараться передать глубинный смысл, заложенный в устойчивом выражении на уровне концептосферы.

Высокий контекстуальный уровень фразеологизмов В.В. Путина на протяжении всей его политической карьеры ставил переводчиков со всего мира в сложное положение по поиску эквивалентных высказываний в своём родном языке. Им приходится проводить сложную работу по выбору стратегии перевода слов президента России в зависимости от ситуации, состава коммуникантов и в стремлении отразить национальную картину мира говорящего. Крылатые выражения президента Российской Федерации за многие годы стали отдельной областью изучения лингвистов и переводчиков, сформировав отдельную группу слов «путинизмов».

Заключение

Таким образом, формирование и развитие межкультурной компетентности будущего преподавателя иностранного языка имеет большое значение в рамках высшего образования, который должен быть готов решать актуальные проблемы образования, связанные с необходимостью обучения и воспитания детей - представителей разных этнических и социальных групп, придерживающихся разных культурных ценностей, традиций и образа жизни.

Полученные результаты подтверждают необходимость развития у будущих педагогов осознания у участников межкультурного общения, представителей разных культур взаимных ценностей и общей человеческой сущности, социальной восприимчивости и особой чуткости, без которых невозможно реализовать практику поликультурного образования и которые необходимо учитывать при построении модели наиболее оптимального формирования и развития межкультурной компетентности обучающихся.

Подготовка современного преподавателя иностранного языка в вузе должна опираться на комплексный подход к организации образовательного процесса, в определении содержания учебного материала дисциплин теоретического и практического характера, их направленностью на формирование иноязычной и межкультурной компетенции. В этой связи релевантным представляется обеспечение контекстности обучения, которое, с одной стороны, ориентировано на совершенствование личности, а с другой - строится с учетом его будущей профессиональной деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что знакомство и понимание идиоматических конструкций и правил их употребления в различных дискурсах как одного из возможных способов приобщения к существующим в данной культуре традициям, концептам и мышлению будут способствовать всестороннему развитию личности будущего преподавателя иностранного языка как человека, который обладает эрудицией, высоким уровнем речевой культуры образованного носителя родного и изучаемого языков.

Литература:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2020. №3 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-maloy-rodiny-opredelenie-i-soderzhanie> (дата обращения: 18.01.2025).
3. Верещагин В.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. - М., 1990. – 246 с.
4. Дмитриева Л.Ф. *Английский для студентов. Курс перевода/ Л.Ф. Дмитриева*. – М.: MapT, 2005. – 304 с.
5. Маслова В.А. *Когнитивная лингвистика*. — Минск, 2004. — 256 с.
6. Мокиенко В.М. Неологизация архаизма: визга много, а шерсти мало // *МИРС*. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizatsiya-arhaizma-vizga-mnogo-a-shersti-malo> (дата обращения: 26.11.2024).
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко*. М., 2010. – 1023 с.

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
9. Сайт Президента РФ URL: <http://kremlin.ru>. (дата обращения: 20.12.2024)
10. Сепир Э. Коммуникация. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; пер. с англ. - М.: Прогресс. 1993. - 656 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 624 с.
12. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994. – 475 с.
13. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.Е. Чернявская, – М. : Директ-Медиа, 2014. - 184 с.
14. Hall T. E. *The Silent Language*. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1959. -240 p.
15. Hall E., Trager G. *Culture as Communication: A Model and Analysis* // *Explorations: Studies in Culture and Communication*. N. Y., 1954. Iss. 3. P. 137-149.
16. Ioffe J. Putin Won't Extradite Snowden, Won't Shear Pig / *The New Republic* URL: <https://newrepublic.com/article/113615/putin-wont-extradite-snowden-wont-shear-pig> (дата обращения: 20.12.2024)
17. Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/16/translate/> (дата обращения: 26.11.2024)
18. Sahadevan P., Sumangala M. *Effective Cross-Cultural Communication for International Business* // *Shanlax International Journal of Management*.8. 2021. 24-33.
19. Samovar L.A., Porter R.E. *Communication Between Cultures*. N.Y.: Wadsworth Publishing Co, 1995. – 313 с.

ОБ АВТОРАХ:**Чаленко Владлена Андреевна,**

Магистрант 2-го года обучения, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, кафедра иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва

Богатырева Светлана Николаевна,

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Chalenko Vladlena A.,**

Second year master's degree student of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (FCU), Russia, Moscow

Bogatyрева Svetlana N.,

PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University), Moscow, Russia

Чаленко В.А., Богатырева С.Н.

Вестернизация языкового сознания обучающихся как результат взаимодействия языков и культур в эпоху глобализации

Данная статья посвящена актуальному вопросу о влиянии глобализации на языковое сознание обучающихся. В эпоху распространения английского языка как языка межкультурного общения, наблюдается одна из наиболее ярких и значимых трансформаций, выражающаяся в приоритетном восприятии западных культурных ценностей и языковых норм – вестернизация языкового сознания. Целью исследования является изучение феномена вестернизации и установление причин его влияния на языковое сознание обучающихся в условиях лингвистической экспансии. В статье рассматриваются причины данного явления, связанные с влиянием глобальных информационных потоков, интеграцией в мировое образовательное пространство, и преобладанием западной культуры в сфере массовой культуры и средств массовой информации. Особое внимание уделяется анализу влияния вестернизации на языковое сознание обучающихся, включая изменения в восприятии и использовании родного языка, а также формировании языковых предпочтений и ценностей. Рассматриваются возможные риски и последствия вестернизации языкового сознания, такие как: утрата идентичности, изменение языковой и культурной картины мира. Делается вывод о том, что вестернизация языкового сознания обучающихся происходит через активное распространение англоязычной лексики и внедрение западных технологий в систему образования, и несмотря на то, что отмечается стремление к сохранению национальной идентичности и языкового наследия, процесс вестернизации усиливается под влиянием социальных сетей и цифровых технологий.

Ключевые слова: вестернизация, языковое сознание, глобализация, язык, культурные ценности, национальная культура.

Для цитирования: Чаленко В.А., Богатырева С.Н. Вестернизация языкового сознания обучающихся как результат взаимодействия языков и культур в эпоху глобализации // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 104-110.

WESTERNISATION OF STUDENTS' LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AS THE LANGUAGES INTERACTION AND CULTURES RESULT IN THE GLOBALISATION ERA

Chalenko V.A., Bogatyreva S.N.

This article is devoted to the topical issue of the impact of globalization on the students' linguistic consciousness. In the era of the spread of English as the intercultural communication language, one of the most striking and significant transformations is observed, expressed in the priority perception of Western cultural values and linguistic norms – Westernization of linguistic consciousness. The aim of the paper is to study the Westernization phenomenon and its impact on the linguistic consciousness of students in the linguistic expansion context. The article examines the causes of this phenomenon related to the influence of global information flows, integration into the global educational space, and the predominance of Western culture in the field of mass culture and mass media. Special attention is paid to the analysis of the Westernization impact on the students' linguistic consciousness, including changes in the perception and use of their native language, as well as the formation of language preferences and values. The possible risks and Westernization consequences of linguistic consciousness are considered, such as: loss of

identity, changes in the linguistic and cultural picture of the world. It is concluded that the Westernization of students' linguistic consciousness occurs through the active dissemination of English-language vocabulary and the Western technologies introduction into the education system, and despite the fact that there is a desire to preserve national identity and linguistic heritage, the Westernization process is intensified under the influence of social networks and digital technologies.

Keywords: westernization, linguistic consciousness, globalization, language, cultural values, national culture.

For citation: Chalenko V.A., Bogatyreva S.N. Westernisation of students' linguistic consciousness as the languages interaction and cultures result in the globalisation era. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 104-110. (In Russ.)

Введение

В современном мире глобализация оказывает значительное влияние на все сферы жизни человека, в том числе на языковые и культурные процессы. В условиях усиления англоязычного влияния на различные языки и культуры всего мира возникает актуальная проблема вестернизации языкового сознания обучающихся как одной из ключевых тенденций развития современного мирового пространства. Начиная с XVIII века, по сегодняшний день, российская культура также подвергается влиянию западных идей и практик во многих сферах деятельности, что приводит к существенным изменениям и трансформациям. Тем не менее, о феномене вестернизации активно заговорили только в XIX веке. Термин «вестернизация» не имеет однозначного определения и его возникновение происходило постепенно и обусловлено, прежде всего, развитием социологии и исследованиями межкультурного взаимодействия.

Для более точного определения понятия «вестернизация» необходимо рассмотреть его различные трактовки и определения. В Новой философской энциклопедии термин «вестернизация» (от англ. west-запад) означает перенос структур, технологий и образа жизни западных (европейских) обществ в незападные [15]. Понятийный словарь по культурологии предлагает нам следующую трактовку: «вестернизация (англ. Western – западный) – в социологии, социальной философии и культурологии термин употребляется для обозначения бездумного заимствования англо-американского или западноевропейского образа жизни в области экономики, политики, образования, культуры и даже языка» [10].

Опираясь на исторический контекст и теоретические положения ключевых мыслителей С.Ф. Хантингтона, Э. Саидас, А. Ачарья, М. Уолша, М.Х. Делягина, Н.О. Розова, Н.Н. Савельева, Н.Е. Яценко, А.Н. Кочергина, В.Т. Немировского, Т.Ф. Ефремова др., стало возможным рассмотреть сущностные характеристики феномена «вестернизация» и его функционирование в различных типах дискурса.

В качестве примера можно привести использование англицизмов в повседневной жизни. Фразы, заимствованные из английского языка, становятся частью повседневной коммуникации, что, в свою очередь, способствует вестернизации мышления и восприятия. Данная тенденция затрагивает важные аспекты культурной идентичности, поскольку трансформация языкового сознания связана не только с изменением языка, но и с изменением культурных норм и ценностей. Зачастую в ущерб родным традициям и обычаям происходит активная интеграция западных идеалов и моделей поведения [7].

Целью статьи является исследование процессов вестернизации языкового сознания обучающихся в контексте влияния лингвистической экспансии на родной язык и культуру.

Задачи:

1. Рассмотреть феномен и сущностные характеристики вестернизации;
2. Проанализировать влияние вестернизации на языковое сознание обучающихся;
3. Проанализировать последствия процесса вестернизации и рекомендации к их минимизации.

Обзор литературы

Анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных процессам глобализации и вестернизации на современном этапе, позволил определить фокус нашего исследования. Изучение влияния глобализационных процессов как фактора изменения куль-

турного ландшафта, национальной культуры и языка рассмотрены в работах А.Э. Левицкого, Е.А. Бутиной, Е.Л. Кабахидзе, Е.Ю. Карцевой, Г.О. Лукьяновой, О.Б. Максимовой, Д.В. Тавберидзе, Б. Андерсона, Р. Робертсона, Д. Хелда, Д. Томлинсона.

Исследованию процесса вестернизации, рассмотрению его механизмов, причин и последствий, а также влиянию на культурную идентичность посвящены труды В.Т. Немировского, Т.Ф. Ефремовой, И.А. Пфаненштиля, Н.М. Чуриновой, Н.Е. Яценко, М.Х. Делягина, Н.О. Розова, Н.Н. Савельевой, А.Н. Кочергина, Л. Фробениуса, Д. Лукач, У. Происса, С.Ф. Хантингтона, Э. Саида, М. Уолша, А. Ачарья, А. Бланкенегеля, Д.Хрейя.

Основой для изучения природы языкового сознания, его структуры и функций послужили труды А.А. Потемни, Л.С. Выготского, С.Д. Кацнельсона, Н.И. Безлепкина, Ф.Филина, Т.Н. Ушаковой, В. фон Гумбольдта, Г. Штейнтала, Й.Л. Вайсгербера, Э. Бенвениста.

Методы исследования

В данной статье в качестве основных методов исследования используется анализ и синтез, обеспечивающие всесторонний подход к исследованию, позволяя выявить как частные аспекты проблемы, так и общие закономерности.

Результаты исследования

В настоящее время термин «вестернизация» используется для описания самого широкого спектра культурных влияний и взаимодействий с Западом. Так, в работах Н.Е. Яценко вестернизация рассматривается как процесс превращения ценностей западного образца (рыночная экономика, правовое государство и парламентаризм, духовный и политический плюрализм т.д.) в общечеловеческие ценности современной цивилизации [16].

Советский и российский лингвист Т.Ф. Ефремова акцентирует внимание на культурном аспекте вестернизации, описывая её как «процесс внедрения образцов западной, преимущественно англо-американской культуры, заимствование терминов и понятий» [5].

Обобщив характеристики, выделенные в понятийном слое термина вестернизация можно выделить следующие:

- 1) вестернизация – перенос образа жизни западного общества;
- 2) вестернизация – бездумное заимствование западного образа жизни;
- 3) вестернизация – превращение западных ценностей в общечеловеческие;
- 4) вестернизация – внедрение западной культуры.

Таким образом, можно сказать, что вестернизация – это процесс распространения и принятия западных культурных ценностей, норм, институтов, технологий, идей и образа жизни, а также их интериоризация не западными сообществами. Эти аспекты включают в себя не только внедрение западных технологий, систем здравоохранения, образования, идей демократии и индивидуализма, но и постепенное вытеснение норм, системы ценностей, свойственные определенному народу, что в свою очередь влияет на стиль жизни и языковое сознание.

Одной из причин активно развивающегося процесса вестернизации является глобализация, поскольку она создает условия для интенсивного обмена информацией и культурными ценностями, в результате чего происходит «слияние» различных языков и культурных норм. Находясь под влиянием глобальной культурной среды, мы становимся все более открытыми к новым языковым формам и выражениям, часто за счет своего родного языка. Этот процесс «слияния» языков и культурных норм напрямую влияет на языковое сознание, в том числе и обучающихся. Все наши представления о мире (внешние и внутренние), такие как ценности, желания, моральные принципы, входят в структуру языкового сознания. В связи с этим, оно объединяет главные составляющие речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов. Языковое сознание не может оставаться изолированным от культурных сдвигов, в этой связи, внедрение западных идей, ценностей и технологий, в рамках процесса вестернизации, приводит к ослаблению традиционных ценностей и идентичностей [14].

Язык играет центральную роль в передаче культурных значений и норм и становится не только средством общения, но и средством передачи культурных кодов и символов в условиях глобализации.

Суммируя основные тезисы проведенного анализа понятия языковое сознание, мы пришли к выводу, что языковое сознание – это сложное психолингвистическое явление, которое сочетает в себе психологический и лингвистический элементы речевой (языковой) дея-

тельности (по Т.Н. Ушаковой).

Принимая во внимание утверждение немецкого лингвиста и философа Лео Вайсгербера о том, что язык является элементом восприятия мира [3], можно предположить, что трансформация языкового сознания неизбежно приведет к изменению культурной идентичности личности.

В настоящее время исследование проблемы трансформации языкового сознания находится в поле научного внимания лингвистов, психологов, культурологов, политологов.

Явление вестернизации языкового сознания рассматривается как активное внедрение западных ценностей и норм, оказывающих влияние не только на использование родного языка, но и на самовосприятие обучающихся, упрощая идентификацию с западными культурными образцами и формируя их мировоззрение. Однако, нельзя рассматривать данный процесс с точки зрения одностороннего влияния, поскольку культуры взаимодействуют, обогащая друг друга, языки адаптируются, заимствуя элементы и создавая новые формы. В этом контексте важно обратить внимание, что вестернизация языкового сознания не способствует полному замещению одной культуры другой, а является двусторонним процессом, формирующим новые, гибридные культурные идентичности [9].

Важную роль в процессе вестернизации языкового сознания играют образовательные учреждения, которые внедряют методики, основанные на западных подходах к обучению. Образование становится инструментом распространения западных норм, что в свою очередь, влияет на языковое сознание обучающихся.

С другой стороны, наблюдается и движение против вестернизации, проявляющееся в возрастающем осознании ценности собственной культурной идентичности и языкового наследия. Это приводит к активизации изучения родного языка на более глубоком уровне, стремлению к его сохранению и передаче будущим поколениям. Этот конфликт между глобализацией и локализацией ярко отражается в динамике языкового сознания обучающихся, создавая сложную многоуровневую картину сосуществования и взаимодействия вестернизированных и традиционных языковых практик [19].

Данная динамика значительно усиливается влиянием масс-медиа и цифровых технологий. Социальные сети и онлайн-платформы, являясь доминирующими источниками информации для молодых людей, погружают их в западную культуру через демонстрацию образов поведения, языковых выражений и культурных кодов. Цифровая среда способствует ассимиляции западных языковых и культурных норм, интегрируя их в повседневную жизнь. В результате, молодые люди всё чаще используют англоязычные выражения и сленг, что стимулирует изучение английского языка, но потенциально может снизить интерес к родному языку и культуре. Тем не менее, параллельно с этим влиянием, цифровые технологии представляют собой возможности для сохранения и развития родных языков [18].

Таким образом, можно сказать, что влияние цифровых технологий, подобно влиянию образовательных учреждений, является двусторонним, создавая сложную и динамическую среду, где вестернизирующие и локализирующие тенденции взаимодействуют и формируют языковое сознание.

Для более точного понимания феномена вестернизации языкового сознания, рассмотрим основные аспекты вестернизации на примере русского языка:

1) увеличение количества англицизмов в русском языке: основными причинами данного явления выступают глобализация, развитие информационных технологий, а также усиление культурных связей между странами. Английские термины проникают в различные сферы жизни, начиная от бытовой речи и заканчивая специализированными областями знаний. Например, такие слова как «стартап», «имидж», «бизнесмен» прочно вошли в обиход носителей русского языка. Молодые люди все чаще используют англоязычный сленг («кринж» - от гл. «to cringe», «изи» - от нареч. «easy», «окей» - от межд. «ОК» и др.), что отчасти объясняется их активным участием в онлайн-культуре, где английский язык является доминирующим. Процесс заимствования ускоряется благодаря широкому распространению англоязычного контента в интернете, в кино, музыке и видеоиграх [9];

2) Изменение языковых структур: одним из свидетельств изменения языковых структур является адаптация грамматических конструкций под влиянием английского языка. Одним из примеров может служить тенденция к упрощению сложных предложений за счет уменьшения

использования деепричастных оборотов и сложноподчиненных конструкций. Вместо этого, носители русского языка начинают использовать более простые предложения, напоминающие структуру английского языка. Также наблюдаются случаи калькирования английских фразеологизмов и устойчивых выражений, что ведет к появлению новых синтаксических моделей, заимствованных из западных языков [20];

3) Влияние на культурные нормы и ценности: западная культура привносит новые представления о моральных нормах, семейных ценностях и образе жизни. Традиционные русские ценности, такие как коллективизм и уважение к старшим, постепенно уступают место таким понятиям, как индивидуализм и личная свобода. Идеи индивидуализма и толерантности являются одними из наиболее значимых изменений в социальной среде. Индивидуализм становится доминирующей ценностью, ставя во главу угла личные достижения и независимость личности. Широкое признание в обществе также получает толерантность, которая понимается как уважение к различным культурам, религиям и ориентациям. Эти изменения отражаются в языке через введение новых понятий и терминов, связанных с правами человека, равенством полов и др.[2].

На основе данных аспектов можно определить последствия влияния вестернизации языкового сознания на языковую картину мира обучающихся. Среди таких последствий можно выделить следующие:

- изменение в восприятии и использовании родного языка. С одной стороны, количество англицизмов и заимствований из иностранных языков увеличивается, что приводит к обогащению лексического состава языка. Однако, с другой стороны, происходит постепенное вытеснение некоторых традиционных форм выражения, что может стать причиной утраты части культурного кода, заложенного в родном языке. В русском языке в условиях урбанизации и глобализации наблюдается сокращение употребления диалектной и региональной лексики (например, слово «околица» (деревенская окраина) редко используется в городской среде, уступая место более нейтральным словам вроде «окраина»). Это ведет к нивелированию локальных особенностей и унификации языкового пространства, что, в свою очередь, сказывается на восприятии родной культуры. Кроме того, меняется отношение к стилистике родного языка, поскольку обучающиеся всё чаще используют лаконичные и простые формы выражения, характерные для западного дискурса, что иногда вступает в конфронтацию с традиционными нормами литературного языка. В результате может происходить утрата понимания тонких нюансов, присущих национальным языковым традициям [17];

- формирование языковых предпочтений и ценностей. Возрастающая популярность английского языка как средства коммуникации приводит к тому, что он воспринимается как более престижный и значимый по сравнению с родным языком. Это выражается в стремлении овладеть английским языком на высоком уровне, зачастую в ущерб изучению и совершенствованию собственного языка. Такая установка может приводить к возникновению двойственного отношения к родному языку, поскольку с одной стороны, он остается средством повседневного общения, но с другой – теряет свое значение как инструмент профессионального роста и межкультурного взаимодействия. В итоге, формируются языковые предпочтения, при которых иностранный язык рассматривается как более важный и перспективный [8];

- социально-культурные последствия. Поскольку язык является одним из основных компонентов национальной идентичности, вестернизация может привести к утрате интереса к сохранению языковых традиций и отдалению от исторических корней и культурных наследий. Например, в российском обществе отмечается снижение интереса к чтению классической литературы на русском языке, что частично обусловлено увеличением доступности англоязычных книг и фильмов. Молодые люди предпочитают читать произведения зарубежных авторов, что приводит к ослаблению связи с национальными литературными традициями. Также, в связи с этим усиливается разрыв между поколениями, так как молодые люди, воспитанные в условиях вестернизированной среды, могут испытывать трудности в понимании и принятии традиционных ценностей и норм, выраженных через родной язык. Это создает определенные барьеры в межпоколенческом общении и передаче культурного опыта [13];

- изменение языковой картины мира. Языковая картина мира является совокупностью представлений о мире, закрепленных в языке и его лексико-грамматическом строе. Она определяет каким образом носители языка воспринимают окружающую действительность,

интерпретируют события и выстраивают свои жизненные стратегии. Одним из главных проявлений изменения языковой картины мира является замещение традиционных понятий и категорий новыми, пришедшими из западной культуры. Например, слово «успех» в русском языке приобретает новое значение, близкое к английскому «success», что подразумевает достижение материальных благ и высокого социального статуса. Это смещает фокус внимания с внутренних качеств и духовного развития на внешние показатели успеха [6].

В свете выявленных рисков и последствий вестернизации языкового сознания, важным шагом является разработка стратегий, направленных на минимизацию негативного влияния и сохранение культурного многообразия.

На наш взгляд, необходимо активно поддерживать и продвигать родной язык на всех уровнях образования и во всех сферах общественной жизни. Образовательные программы должны быть направлены на гармонизацию изучения иностранных языков с сохранением и развитием родного языка. Следует акцентировать внимание на изучении национальной культуры, истории и традиций, поскольку это поможет обучающимся глубже понять свой родной язык и осознать его ценность, т.к. именно через язык мы постигаем мировоззрение, этические нормы и духовные ценности, которые составляют смысловую часть национальной культуры. Также одним из ключевых элементов борьбы с негативными последствиями вестернизации является повышение осведомленности обучающихся в совокупности с созданием благоприятной языковой среды, поддерживающей использование родного языка.

Предложенные меры и рекомендации направлены на предотвращение негативных последствий вестернизации языкового сознания и сохранение культурного многообразия. Их реализация потребует скоординированных усилий со стороны государственных органов, образовательных учреждений, средств массовой информации и гражданского общества. Только комплексный подход позволит создать условия для гармоничного сосуществования традиционных и новых элементов в языковом сознании, обеспечивая устойчивость национальной идентичности и культурного наследия.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа можно сделать вывод о том, что:

1) вестернизация языкового сознания проявляется через распространение англоязычных терминов, а также внедрение западных методик в образование. Параллельно, наблюдается рост стремления к сохранению национальной идентичности и языкового наследия. Данная конфронтация усиливается под влиянием социальных сетей и цифровых технологий, которые одновременно способствуют как вестернизации, так и сохранению родного языка;

2) вестернизация оказывает значительное влияние на языковое сознание обучающихся, приводя к изменениям в восприятии и использовании родного языка, к формированию новых языковых предпочтений и ценностей, а также к отдалению от исторических корней и барьерам в межпоколенческом общении. Распространение англицизмов и заимствований обогащает лексический состав языка, однако вытесняет некоторые традиционные формы выражения, что угрожает утратой части культурного кода. Популярность английского языка формирует представление о нем как о более престижном и важном, чем родной язык, что может снижать интерес к изучению последнего. Вестернизация также способствует изменению языковой картины мира, путем замещения понятий и категорий новыми, пришедшими из западной культуры;

3) сохранение и развитие родного языка в условиях вестернизации требует комплексного подхода. Необходимо интегрировать поддержку родного языка во все сферы жизни – от образования до СМИ, гармонично сочетая его изучение с освоением иностранных языков. Ключевым является укрепление национальной идентичности через изучение культуры, истории и традиций. Успех зависит от совместной работы государства, образовательных учреждений, медиа и общественных организаций, создающих благоприятную языковую среду и повышающих общественное понимание важности сохранения родного языка.

Литература:

1. Бенвенист Э. *Общая лингвистика* / Пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 448 с.

2. Бутина Е.А. Особенности влияния глобализации на формирование языковой культуры личности. Новосибирск: Федеральное государственное унитарное предприятие Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2022. - С. 61-67.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. - С. 131-132.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. - 451 с.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2006, 267 с.
6. Кабахидзе Е.Л. Глобализация и языковая картина мира [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-yazykovaya-kartina-mira> (дата обращения: 27.11.2024).
7. Карцева Е.Ю., Лукьянова Г.О., Максимова О.Б., Тавберидзе Д.В. Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия. М.: Издательство «ОнтоПринт», 2022. - 674 с.
8. Левицкий А.Э. Особенности взаимодействия языков и культур в эпоху глобализации // Русистика: сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Т. Шевченко. – Киев, 2010. – Вып. 9–10. - С. 10–13.
9. Муравская И.А. Вестернизация сознания как результат межкультурной коммуникации (на материале заимствованных лексем) [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vesternizatsiya-soznaniya-kak-rezultat-mezhkulturnoy-kommunikatsii-na-materiale-zaimstvovannyh-leksem> (дата обращения: 27.11.2024).
10. Ороев Н.А., Папченко Е.В. Понятийный словарь по культурологии. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. - С. 13.
11. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. - 248 с.
12. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989. - 566 с.
13. Тетюшкина С.А. Вестернизация как социокультурное явление. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vesternizatsiya-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie> (дата обращения: 25.11.2024).
14. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2000. - . 13–23.
15. Федотова В.Г. Новая философская энциклопедия / 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. - 640 с.
16. Яценко Н.Е. Общественно-научный словарь. СПб.: Лань, 2006. - С. 77-78.
17. Kachru B. *The Other Tongue: English Across Cultures*. Urbana: University of Illinois Press, 1992. - 384 p.
18. Matsuura K. *Language and Culture in the Digital Age // Research Methods in Language and Education*, 2010. - P. 215-226.
19. Pincas A. *Culture, cognition and communication in global education. Distance Education*, 2001. N22. - P. 30 - 51.
20. Thompson G. & Thetela M. (1995). *The relationship between spoken and written language: A discourse perspective. Applied Linguistics*, 16(2). - P.133-149.

ОБ АВТОРЕ:**Кюрегян Марина Петровна,**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**Kyuregyan Marina P.,**

PhD in Sociology, assistant professor of the Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

*Кюрегян М.П.***Письменная речь: ручка или компьютер**

Письменная речь – это форма речевой деятельности, при которой информация передается с помощью символов, знаков и предполагает зрительное восприятие. Каким образом человек фиксирует информацию: с помощью ручки или на клавиатуре, отражается на том, какие нейронные связи выстраиваются в его мозге. Это нельзя не учитывать в процессе обучения. В статье анализируются результаты исследований о влиянии способа записи информации на ее восприятие и запоминание. Автор приводит весомые аргументы для сохранения и пропаганды письма от руки на всех этапах обучения.

Ключевые слова: технология письма, память, ручка, клавиатура.

Для цитирования: Кюрегян М.П. Письменная речь: ручка или компьютер // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №1 (33). С. 111-117.

WRITTEN SPEECH: PEN OR COMPUTER

Kyuregyan M.P.

Written speech is a form of speech activity in which information is transmitted using symbols, signs and involves visual perception. How a person records information: with a pen or on a keyboard, is reflected in what neural connections are built in his brain. This cannot be ignored in the learning process. The article analyzes the results of studies on the influence of the method of recording information on its perception and memorization. The author gives weighty arguments for preserving and promoting handwriting at all stages of learning.

Keywords: writing technology, memory, pen, keyboard.

For citation: Kyuregyan M.P. Written speech: pen or computer. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 1 (33): 111-117. (In Russ.)

Современный мир каждый день ставит нас перед выбором: отправить сообщение близкому человеку или позвонить ему, чтобы услышать его голос и почувствовать его настроение, выпить кофе на ходу или приготовить завтрак дома из полезных продуктов и так далее. Стремительный темп нашей жизни требует от нас мгновенных решений и поступков, но успеваем ли мы осознать и продумать их? Сергей Павлович Королев писал: «Можно сделать быстро, но плохо, а можно - медленно, но хорошо. Через некоторое время все забудут, что было быстро, но будут помнить, что было плохо. И наоборот.» Безусловно, технологии позволяют нам сегодня многое успевать, но сделали ли они нашу жизнь более качественной? Многие люди начали об этом задумываться, пытаться искать выход из этого почти уже запрограммированного мира. Возможно, пришло время сделать остановку и принять для себя важные решения, которые надо воплотить в жизнь. А потом важно не забыть о них! Для этого их надо зафиксировать - открыть свой телефон или взять блокнот и ручку. Снова выбор! Но многочисленные отечественные и западные исследования в один голос говорят о том, что это надо сделать вручную, если рассчитываете успешно реализовать свои решения. На повестку дня выходит такое понятие как память, без которой мы не в состоянии справиться даже с простейшей задачей.

Память - это свойство нашего мозга, которое дает нам возможность запоминать, сохранять, воспроизводить, узнавать и забывать. Иван Михайлович Сеченов, русский физиолог,

утверждал, что без памяти наши ощущения и восприятия, исчезая бесследно по мере возникновения, оставляли бы человека вечно в положении новорожденного [2]. В научной литературе представлены различные классификации памяти. Остановимся на классификации, которую предложил Павел Петрович Блонский, русский философ, педагог и психолог, в основе которой лежит характер психической активности. Итак, Блонский П. П. выделил 5 видов памяти:

1. словесно - логическая память (то, что запоминается, поддается активному мыслительному анализу; запоминается то, что понятно);
2. эмоциональная память (она побуждает нас или удерживает от совершения действия, опираясь на позитивный или негативный опыт в прошлом);
3. двигательная память (основа для формирования практических и трудовых навыков);
4. образная память (обеспечивается нашими органами восприятия);
5. механическая память (благодаря многократному повторению мы способны запомнить то, что не можем или не хотим запоминать).

Блонский П.П. писал, что сначала у человека формируется двигательная и эмоциональная память. В процессе развития личности появляется образная память, а лишь потом – совесно-логическая. Следует отметить, что существует еще такое понятие, как кинестетическая память. Она возникает, когда мы запоминаем наши ощущения от совершенного действия [3].

Когда мы изучаем новую информацию нам необходимо не только ее запомнить, но и вспомнить ее в ситуации, когда она будет для нас актуальна. Если мы при усвоении нового материала будем вести заметки, то это обеспечит нам более прочное запоминание, так как когда мы пишем рукой на бумаге, мы каждый раз создаем наш личный тактильный опыт. Письмо от руки - это сложный процесс, который состоит из множества элементов: творческого письменного представления языка человеком, текстуры бумаги, мелкой моторики руки, физических чувств, процесса понимания полученной информации. Таким образом, письмо от руки обеспечивает тактильное запоминание информации [7].

Известно несколько научных исследований на тему обработки полученной информации с помощью заметок, сделанных вручную, и на цифровых носителях. Так, например, в марте 2021 года было опубликовано исследование Куниеси Сакаи, профессора, нейробиолога из Токийского университета. Его испытуемым было предложено записать информацию о календарных событиях на бумаге или на смартфоне. Когда им позже предложили вспомнить или ввести эту же информацию, то те испытуемые, которые фиксировали ее от руки, на 25% вспоминали ее быстрее. Профессор Сакаи утверждает, что опыт аналогового и бумажного обучения нельзя имитировать цифровыми устройствами, так как они не дают нашему мозгу возможность создать тактильную память при получении новой информации [10]. А именно она обеспечивает нам возможность быстро вспомнить то, что мы когда-то изучали.

Развитие технологий, которое, с одной стороны, дает серьезный толчок к новым открытиям и достижениям, с другой стороны, приводит к созданию такой агрессивной среды, в которой появляются новые заболевания как следствие цифрового яда. Ученые говорят о цифровом слабоумии у детей из-за использования гаджетов и информационной псевдодобильности, то есть таком состоянии здорового мозга, когда он работает как мозг идиота. Всемирная паутина и ее влияние на умственную деятельность людей вызывают беспокойство у многих специалистов. «Длительное использование Интернета ведет к изменениям в работе головного мозга человека, предупреждает британская "The Guardian". Группа американских психологов выяснила, что серфинг в Интернете ведет к тому, что интеллектуальная деятельность становится поверхностной. <...> Новейшие исследования нейрохирургов показали, что при работе в Интернете быстро развиваются две области головного мозга: часть, отвечающая за краткосрочную память, и центр, ответственный за принятие быстрых решений. А вот глубинные зоны мозга, где ведется детальный анализ фундаментальных проблем, относящихся ко всем сторонам жизни и деятельности человека, не получают необходимых импульсов. В результате интенсивность их работы сокращается» [4].

Для создания письменного высказывания человеку необходимо несколько условий: он должен сформулировать для себя тему высказывания, которую он будет излагать, применяя знаковую систему. Также ему потребуется инструмент для передачи своих мыслей на бумаге

серией отработанных моторных действий. В этом и состоит отличие письма от руки от письма с помощью клавиатуры. Характер движения пальцев принципиально отличает клавиатурное письмо от ручного [11]. Отличия состоят в следующих ощущениях:

- тактильных (они возникают при раздражении соответствующих рецепторов кожи - прикосновение, давление, вибрация)
- проприоцептивных (суставно-мышечные ощущения, то как части тела расположены относительно друг друга в пространстве)
- кинестетических (это ощущения, вызванные изменением положения частей тела в пространстве и при сокращении мышц).

Когда мы набираем текст на компьютере, то мы работаем обеими руками, задействуем все 10 пальцев. Однако движения пальцев однообразные. Они, безусловно, точные, что обеспечивает скорость создания текста, но не способствует осознанию материала, а порой приводит просто к копированию текста. Рассматривая письмо от руки, прежде всего надо сказать, что это латерализованный процесс, то есть активность проявляет только одна из рук и одно из полушарий нашего мозга. Несмотря на то, что трудится одна рука и три пальца, тем не менее это сложный скоординированный процесс, которым управляет наша центральная нервная система: движение ручки не совпадает с движениями кончиков пальцев, которые ее направляют. Доказано, что при этом ручное письмо сопровождается мыслительной обработкой содержания [8].

Приведем пример еще одного исследования П.А. Мюллера и Д.М. Оппенгеймера, которые занимаются изучением того, как технологии влияют на наши когнитивные процессы, включая нашу память, мышление и принятие решений. Суть эксперимента состояла в следующем. Студентам предложили смотреть фильм и слушать отрывки прозаического текста. Во время сеанса их попросили делать заметки либо от руки на бумаге либо на ноутбуке. В результате эксперимента выяснилось, что те, кто работали с помощью клавиатуры, предоставили практически дословную запись, а работающие вручную продемонстрировали творческую работу с элементами анализа. Интересно, что контроль того, насколько студенты запомнили суть прослушанного материала, показал, что наиболее глубоко и осознанно отложилась информация у тех, кто работал вручную [9].

Когда детей обучают письменной речи, все начинается осознанно с отработки отдельных штрихов, элементов. В процессе совершенствования навыка происходит его автоматизация, создаются и запоминаются последовательности движений, которые приводят к созданию определенных графем. Таким образом, в результате процесс обучения формирует память о последовательности движений при написании той или иной буквы. Именно она помогает нам узнавать буквы при чтении не только печатных, но и письменных текстов. Еще необходимо сказать о внимании, которое мы сосредотачиваем на кончике нашей ручки, когда создаем письменный текст. Наше зрительное внимание максимально приближено к зоне движения, то есть происходит совпадение внимания и движения во времени и пространстве [1]. В том случае, когда мы работаем на компьютере, наше зрительное внимание направлено в большей степени на экран, а не на движение наших пальцев. С помощью аппарата МРТ (магнитно-резонансная томография) ученые установили, что максимальное пространственно-временное совпадение зрительного внимания с движением при письме от руки обеспечивает более высокое функциональное взаимодействие между зрительными и моторными зонами коры в отличие от работы с помощью клавиатуры. Клавиатурное письмо упрощает наши движения, снижает тактильные, проприоцептивные и кинестетические стимуляции мозга, ослабляет зрительно-моторную координацию. Ускоренное и упрощенное письмо, удаленность движения рук от текста, который создается на экране приводят к бездумному копированию учебного материала, а не к его глубокому аналитическому пониманию [12].

Нет сомнений, что мы не в силах остановить технический прогресс, но анализ научной литературы и результатов различных экспериментов дают основания утверждать, что при приоритетном использовании клавиатуры трансформируются участки мозга человека, которые несут ответственность за концентрацию внимания. В связи с этим рассмотрим эксперимент, который провел Горчаков Александр Евгеньевич — кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [6]. Вопрос исследования был следующим: «Является ли клавиатура фактором, оказывающим

существенное влияние на внимание и память.» Гипотеза, выдвинутая автором эксперимента, звучит так: «Способ, которым человек записывает информацию, оказывает влияние на его память и, следовательно, на его мышление.» Участниками эксперимента были студенты 1-2 курсов философского факультета и факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в количестве 37 человек. Возраст ребят 18-20 лет, они все пользователи различных сетей, владеют навыком набора на клавиатуре, а также регулярно пользуются и традиционным способом письма. Горчаков А.Е. рассматривал способ письма: традиционный или с помощью клавиатуры в качестве независимой переменной, а зависимой переменной была степень соответствия (по нескольким параметрам) двух текстов. Первый текст, который испытуемый создал сам с помощью письма, а второй текст - это то, что студент воспроизвел по памяти через 30-70 минут после создания первого текста. На основном этапе эксперимента испытуемым было предложено написать любое сочинение объемом около 1500 знаков. Для того, чтобы не возникало проблем с выбором темы, студентам предложили для рассуждений картину Ильи Репина «Проводы новобранца». Тема высказывания не была конкретно сформулирована, для начала размышлений был предложен некий визуальный образ. Таким образом, в конце 1 части основного этапа были получены работы в письменной форме и в виде компьютерного файла. После перерыва перед испытуемыми стояла задача максимально подробно пересказать то, что они написали в своем первичном тексте. Горчаков А.Е. после статистической обработки результатов эксперимента подтвердил свою гипотезу. Он определил следующие эффекты, которые были вызваны способом письма.

1. Отношение количества запомненных слов к количеству слов исходного текста зависит от способа письма,
2. Количество общих слов (как с учетом, так и без учета повторов) в запомненном и исходном текстах зависит от способа письма.

Обучение письму важный этап процесса обучения. Результаты многочисленных экспериментов доказывают, что набор текста с помощью клавиатуры не дает возможность мозгу так активно работать, как письмо от руки, так как возникает слабый уровень когнитивного взаимодействия. Поэтому ученые бьют тревогу, поскольку замена рукописных работ школьников на цифровые, во-первых, наносит вред формирующим навыкам грамотности, а во-вторых, затормаживает творческое мышление детей, мешает четкому и устойчивому пониманию и запоминанию.

К аналогичным выводам пришел профессор Одри ван дер Меер, в результате исследования, которое проводилось в лаборатории нейробиологии Норвежского университета науки и технологии. Исследование проводилось с участием 36 студентов. Для того, чтобы увидеть различные эффекты письма от руки и с помощью клавиатуры, активность мозга студентов записывалась с помощью ЭЭГ (электроэнцефалограмма) с 256-канальной сенсорной матрицей. Ученые сосредоточили свое внимание на исследовании теменных и центральных областей мозга, которые способствуют обучению и запоминанию. Именно эти области мозга связаны с механизмами внимания и когнитивными процессами при зрительном восприятии. Результаты исследования продемонстрировали более высокую связь при письме от руки. Они предполагают, что усиление связей между различными областями мозга связано со специфическими сенсомоторными процессами, которые сопровождают процесс письма от руки. Это еще одно доказательство того, что при обучении такой способ письменной речи может обеспечивать его стабильность и эффективность.

Мы не призываем отказываться от технологического процесса, однако необходимо понимать, что работа с клавиатурой не оказывает такого когнитивного, тактильного, запоминающего или визуально-когнитивного эффекта, который получают люди, когда работают с бумагой и ручкой. Характерной особенностью традиционного письма является то, что в одной точке пространства сосредоточены глаза, руки и длительная концентрация внимания, а современный способ набора информации с помощью клавиатуры ведет к постоянному переключению внимания. Давайте представим, что нам нужно объяснить кому-то, как писать от руки. Тут важно все: как держать ручку, какие движения должны совершать пальцы, чтобы вывести ту или иную букву, какое давление надо оказывать на ручку и бумагу. Необходимо убедиться, что буква написана верно, если есть отклонения или ошибки, человек должен их исправить. И это только внешние действия. То, насколько интенсивно работает наш мозг,

решая последовательно все эти задачи каждый раз, когда мы начинаем писать, выстраивая все нейронные связи, чтобы процесс завершился успешно, можно лишь с трудом себе представить. А если вам нужно напечатать букву на компьютере, то алгоритм предельно прост: найти нужную клавишу, коснуться ее и убедиться, что она создала нужную букву на вашем экране.

Стремительное развитие технологий несомненно улучшило некоторые стороны нашей жизни, но если вопрос касается обучения и воспитания нашего подрастающего поколения, которое должно будет уметь анализировать, принимать решения и созидать светлое будущее, то «старую школу» нельзя скидывать со счетов.

Согласно результатам многочисленных экспериментов и анализу научной литературы, есть весомые причины для сохранения и пропаганды письма от руки на всех этапах обучения.

1. Кто пишет от руки, тот лучше организует свои записи.

Исследования показали, что если человек печатает тот, материал, который слышит, то он включает в свой текст всю информацию, не выделяя главное и важное. Несмотря на скорость работы, не имеет возможности глубоко понять смысл. А тот, кто пишет от руки, концентрируя свое внимание, подключает ретикулярную активирующую систему, она представляет из себя сеть нейронов, расположенных в стволе мозга, которая регулирует нашу «бдительность» и внимание [5]. То есть это своего рода фильтр для информации, он пропускает только то, что наш мозг считает значимым.

2. Письмо от руки увеличивает объем нашей памяти.

Результаты исследования Вашингтонского университета Сент-Луиса показали, что если студенты ведут записи на компьютере, то они начинают терять важную информацию уже через 24 часа. А те, кто вручную фиксировали полученную информацию, могли вспомнить важные моменты даже через неделю. К тому же, они показали более глубокое понимание изучаемого материала.

3. Работа с помощью ручки или карандаша требует умственных усилий.

Физическое написание букв с последующим МРТ доказывает, что даже если дети и не умеют читать, то письмо от руки задействует важные нервные пути мозга.

4. Письмо от руки улучшает правописание и композицию.

Исследования Вашингтонского университета обнаружили, что ученики начальной школы, которые писали собственные рассказы на бумаге, превосходили своих сверстников, так как могли строить полные, развернутые высказывания. Многие писатели и сегодня делают наброски своих будущих произведений карандашом на бумаге.

5. Письмо от руки сохраняет остроту ума.

Как уже было сказано выше, письмо от руки активизирует различные части мозга, моторику и память. Врачи утверждают, чтобы сохранить остроту ума с возрастом, необходимо регулярно пользоваться карандашом и бумагой, например, писать короткие рассказы, разгадывать кроссворды или начать изучение нового языка, осваивая новый алфавит и правила чтения.

6. Дети, которые пишут от руки, демонстрируют лучшую успеваемость в школе.

Исследование, опубликованное в одном из номеров журнала «Дошкольное образование и развитие», указывает на положительную корреляцию между навыками письма от руки дошкольников и их оценками в школе по математике и чтению.

7. Письмо от руки дает возможность развивать творчество.

Когда мы работаем на бумаге, то вычеркиваем предложения, которые хотим убрать. Тем не менее они остаются в нашей голове и на бумаге. То есть наше рассуждение не теряет свою целостность и дает возможность в конечном счете соединить воедино наши самые лучшие высказывания. Если мы работаем на компьютере, то стереть предложение очень легко, нажав на кнопку удаления.

8. Письменная речь требует размышлений, это прекрасный инструмент для обучения и тренировки устной речи.

Не вызывает сомнения тот факт, что сочинение от руки требует обдумывания каждого слова, формирует навык выделения главного и второстепенного. То есть идет речь о развитии коммуникативных навыков, которые так востребованы в современном мире.

9. Письмо от руки активизирует художественную часть мозга.

Любая написанная нами буква - это форма искусства, она уникальна. Из букв создается рисунок слова и так далее. Таким образом, это способствует развитию нашего правого полушария мозга, которое видит мир в картинках. Такого процесса вы не добьетесь, работая на компьютере.

10. Правильная техника письма приносит пользу всему организму.

Когда человек садится за рабочий стол, придерживаясь правильной осанки, он тренирует и приносит пользу всему организму. Правильная осанка способствует естественному укреплению плеч, локтей, запястий и пальцев. Работая ручкой или карандашом, мы даем возможность нашим суставам, особенно большого пальца, двигаться естественным образом. Чего нельзя сказать о наборе текста с помощью клавиатуры: боль в суставах и в запястьях реальная проблема.

11. Письменная работа, выполненная на бумаге, должна быть предпочтительной для всех учащихся.

Такой вид письма стимулирует работу обоих полушарий мозга. Это особый процесс обработки информации, который помогает каждому учиться по-своему.

12. Ведение различных заметок от руки может помочь вам добиться цели.

Между фиксированием поставленных целей на бумаге и достижением их была обнаружена положительная связь. По мнению канадского клинического психолога Джордана Питерсона, письмо как формализованная форма мышления помогает людям учитывать свой опыт и управлять своими действиями, мыслями и эмоциями в настоящем. Он пишет: «Прояснение цели и смысла будущего помогает улучшить положительные эмоции, которые связаны с движением к важным целям». У вас есть задачи, которые надо решить. Или мечты? Запишите их на бумаге.

13. Практика письма от руки успокаивает и лечит.

Американский врач Марк Сейферт утверждает, что письмо от руки может быть своего рода графотерапией. Если у вас есть цель изменить в себе что-то, запишите эту задачу 20 раз. Это на самом деле успокаивает вас и «переобучает» ваш мозг.

Стремительный XXI век заставляет нас мириться с новой реальностью, порой виртуальной. Но никто не может нам запретить думать и принимать самостоятельные решения. Известный факт, что в Силиконовой (Кремневой) долине в Калифорнии, где расположены штаб-квартиры международных высокотехнологичных корпораций, в школах у детей нет мобильных телефонов, а в классах висят обычные доски, на которых и учителя и дети пишут мелом! Специалисты уже все давно просчитали там, они готовят себе достойную смену: детей, которые будут уметь думать, анализировать, прогнозировать и делать открытия. Самое время и нам об этом серьезно задуматься, помочь и нашему подрастающему поколению развивать память, творческие способности, критическое мышление. При таком потоке информации это крайне необходимо, чтобы иметь возможность понимать, обрабатывать и сохранять ту информацию, которая им поможет много добиться в жизни и сделать этот мир лучше!

Литература:

1. Андреев А.А. Педагогика высшей школы: Новый курс. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002, 264 с.
2. Аткинсон Р.Ч. Человеческая память и процесс обучения / пер с англ. М.: Прогресс, 2008. 528 с.
3. Блонский П. П. Память и мышление. — М., Л.: «СОЦЭКГИЗ», 1935
4. Будущее почерка... или цивилизации? Лишний пережиток или залог выживания? [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/graphology10.htm>
5. Вести.ru. Серфинг по Интернету ведет к утрате системного мышления //Электронный источник: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=388484&cid=780>
6. Горчаков А.Е. Алфавит: когнитивная версия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 6.
7. Косогова В., Гольдберг И. Роль обучения письму в полноценном психическом, умственном и личностном развитии [Электронный ресурс]. URL: www.inessa-goldberg.ru
8. Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования [Letter and speech. Neuro-linguistic Research]. Moscow: Akademiya, 2002. 352 p.
9. Назад в будущее – от клавиатуры к ручке и бумаге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/science/eureka/discoveries/21-09-2009/324438-key2pen-0>
10. Письмо от руки развивает мозг эффективнее [Электронный ресурс]. URL: <http://news-smi.ru/health/23249-Pis->

[mo-ot-ruki-razvivaet-mozg-effektivnee](#)

11. Kiefer M., Schuler S., Mayer C. et al. *Handwriting or Typewriting? The Influence of Pen or Keyboard-Based Writing Training on Reading and Writing Performance in Preschool Children. Advances in Cognitive Psychology.* 2015. Vol.11. No.4. P.136–146.

12. Palmis S., Danna J., Velay J.-L. et al. *Motor control of handwriting in the developing brain: A review. Cogn Neuropsychol.* 2017. Vol.34 No.3–4. P. 187–204.